Василий ЦВЕТКОВ

Адмирал Колчак

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ

ИСТОРИЯ БЕЗ ГРИФА

«СЕКРЕТНО»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Споры об адмирале Колчаке не утихают вот уже почти столетие – одни утверждают, что он был выдающимся флотоводцем, ученым-океанографом и полярным исследователем, другие столь же упорно называют его предателем, завербованным британской разведкой и проводившим «белый террор» против мирного гражданского населения. В этой книге известный историк Белого движения, доктор исторических наук, профессор МГПУ, развенчивает как устоявшиеся мифы, домыслы, так и откровенные фальсификации о Верховном правителе Российского государства, отвечая на самые сложные и спорные вопросы. Как произошел переворот 18 ноября 1918 года в Омске, после которого военный и морской министр Колчак стал не только Верховным главнокомандующим Русской армией, но и Верховным правителем? Обладало ли его правительство легальным статусом государственной власти? Какова была репрессивная политика колчаковских властей и как подавлялись восстания против Колчака? Как определялось «военное положение» в условиях Гражданской войны? Как следует классифицировать «преступления против мира и человечности» и «военные преступления» при оценке действий Белого движения? Наконец, имел ли право Иркутский ревком без суда расстрелять Колчака и есть ли основания для посмертной реабилитации Адмирала?

- Василий Цветков
  -
  - Предисловие
  - О современных судебных исках и судебных прецедентах
  - Мог ли Иркутский ревком расстрелять Колчака и Пепеляева и почему это нужно было сделать?
  - Как определялись «преступления» Белого движения?
  - Как определялись «преступления» большевиков?
  - Как произошел «переворот 18 ноября 1918 г.», а Колчак стал «Верховным правителем»?
  - Обладало ли Российское правительство адмирала А. В. Колчака легальным статусом государственной власти?
  - Как определялась репрессивная политика белой власти?
  - О классификации «преступлений против мира и человечности» и «военных преступлений» при оценке

Белого движения
- Как определялось «военное положение» в условиях Гражданской войны?
- Как начинались антиколчаковские восстания и как их подавляли белые власти?
- Подведем итоги
- Приложения
  - Приложение 1
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - Приложение 4
  - Приложение 5
  - Приложение 6
  - Приложение 7

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

Василий Цветков
Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России

Русским людям – красным и белым, правым и неправым посвящается…

© Цветков В.Ж., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Якорь», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие

2017–2018 годы – юбилейные для российской истории даты. 100-летие революционных событий XX века. Столетие убийства царской семьи. Столетие рождения Красной армии. Столетие «похабного» Брестского мира. Столетие прихода к власти Верховного правителя адмирала Колчака…

В СССР революционные юбилеи отмечались созданием величественных памятников, мемориальных сооружений. Например, в 1954 году было принято решение о создании пантеона в классическом стиле на Воробьевых горах. Именно в него, по инициативе Совета Министров СССР, Исполкома Московского городского совета депутатов трудящихся (а отнюдь не «либералов 1990-х»), предполагалось перенести не только Ленина и Сталина из Мавзолея, но и весь некрополь у Кремлевской стены. К 50-летию Великого Октября должен был быть создан монументальный комплекс на Манежной площади в Москве. В 1985-м был принят проект перестройки Музея революции в Москве. Его новые здания должны были занять целый квартал на тогдашней улице Горького. А к последнему советскому юбилею на Октябрьской площади был сооружен памятник Ленину, многофигурная композиция которого стала своеобразным оформлением начала Ленинского проспекта.

Массовыми тиражами выходили в свет монографии, сборники документов. Престижным считалось защитить диссертацию по революционной тематике в юбилейный год. Не говоря уже о многотысячных «торжественных мероприятиях, проходивших на заводах, в колхозах, в воинских частях, вузах, школах и даже в детских садах.

А в 1977 году на экраны вышел художественный фильм «Долг». Замечательный сценарий и превосходная игра актеров сделали его одним из лучших в отечественном кинематографе, из посвященных братоубийственной войне. Кто сейчас помнит этот фильм?

Но вот в 100-летний юбилей приходится наблюдать странные вещи: вопреки посланиям иерархов Русской Православной Церкви, вопреки пожеланиям государственных лидеров, вопреки неоднократным заявлениям политиков и общественных деятелей о необходимости «согласия и примирения», о важности «сохранения исторической памяти», о насущной потребности в «популяризации истории» – вопреки всему этому на просторах Интернета, а потом и на различных митингах, собраниях начинается активный «поиск врагов» в нашем историческом

прошлом, позорная «охота на ведьм». Вместо увековечивания памяти предков начинается непонятная «борьба с памятниками». Любой памятник, связанный с событиями 100-летней давности, подвергается непонятному «контролю» со стороны всякого рода т. н. «общественных», «инициативных» групп. Раздаются безграмотные, псевдонаучные, а подчас и откровенно экстремистские заявления о том, «достоин» или «не достоин» тот или иной исторический деятель увековечивания. Подаются судебные иски с требованиями «снести», «немедленно переименоваться», «уничтожить», «истребить»… Популярными становятся т. н. «исторические» дискуссии в СМИ, участники которых, лишенные элементарного такта и уважения к оппонентам, пытаются навязать аудитории свои категоричные суждения. Соревнуются друг с другом по степени обливания грязью нашей отечественной истории. Доходит уже до того, что любого оппонента готовы без обиняков назвать «предателем», «красно-коричневым», «представителем пятой колонны», «власовцем», «агентом влияния» и т. п.

Но разве подобные действия, высказывания и рассуждения способствуют национальному и социальному единству, столь нужному и важному для нашей Родины? Разве это приближает хоть немного к познанию минувшего? Тем более такого важного и противоречивого периода, как история революции и Гражданской войны. Это, к сожалению, лишь усиливает социальную рознь, разобщает людей.

Чем подобные высказывания лучше тех, что звучат в последние годы на Украине, когда многие политики заявляют о том, что в их стране не должно остаться «ни одного» памятника революционным событиям? Чем лучше подобные высказывания суждений радикалов в США, когда в стране, традиционно гордившейся своей «толерантностью», «уважением Гражданских прав и свобод», требуют ликвидировать памятники конфедератам – участникам гражданской войны, когда солдат и офицеров армии «южан» сравнивают с фашистами и поголовно записывают в рабовладельцы? Чем лучше подобные высказывания призывов к уничтожению памяти о т. н. «совке» в странах Европы, когда ради «прощания с тоталитарным прошлым» призывают ликвидировать памятники на могилах советских воинов, героев Великой Отечественной войны, освободителей европейских стран от нацизма?

Создание или снос памятника само по себе не просто строительное или архитектурное действие. И совершенно не обязательно увековечивание памяти должно носить однозначно позитивный характер, а сам памятник должен быть помпезным и

«великим». Важна память о прошлом сама по себе. А однозначно положительные или однозначно отрицательные характеристики тех или иных исторических событий отобразить не всегда возможно. 100 лет назад наша единая держава и все российское общество оказались расколотыми, разделенными непримиримыми, как тогда считалось, противоречиями. Спустя 100 лет вряд ли нужно снова призывать к однозначному повтору прежних «красных» и «белых» лозунгов. Нужно понять, осмыслить прошлое. Не следует судить сегодняшними мерками, искать прямых аналогий с современностью, не стоит возносить себя, мол, мы умнее и лучше собственных предков. Понять и осмыслить не только их светлые черты, но и страшные, кровавые страницы прошлого. Без покаяния невозможно примирение. А без примирения невозможно созидание, осознанное и ускоренное движение вперед по всем жизненно важным направлениям.

И еще. Важно, чтобы увековечивание памяти не превращалось в простой акт для «галочки», для «отчета о проведенном мероприятии». К сожалению, так порой бывает. Нужно не просто знать, необходимо понимать, помнить свое прошлое. Это нужно и для сознательного усвоения истории нашей молодежью, школьниками. Чтобы не стать им «Иванами, не помнящими родства», а достойно вписать и свои страницы в биографию нашего Отечества.

Вот для этого и написана эта небольшая книга. Это книга не о красном терроре, не о «продавшихся Антанте белогвардейцах» и уж тем более не «обличительный акт убийцам Колчака», или, наоборот, не «оправдательный акт великому патриоту Колчаку». Это напоминание о том, что Гражданская война – это и «война законов», и страшные жернова террора, калечившие и уничтожавшие людей. Это напоминание и о том, что судить о преступлениях кого бы то ни было можно, только имея максимально возможное количество как обвинительных, так и объясняющих и оправдывающих фактов.

Эта книга написана для того, чтобы напомнить, что любой, даже непрочный, гражданский мир лучше любой мнимо победоносной, гражданской войны…

Частично материалы книги были опубликованы на интернет-сайте Информационного агентства «Русская линия» в феврале – апреле 2017 г.

О современных судебных исках и судебных прецедентах

Автор данной публикации еще 10 лет назад в статье, посвященной законопроекту, предложенному фракцией ЛДПР в Государственной думе «О реабилитации Белого движения», рассматривая доводы противников данного законопроекта, отмечал, в частности: «Первый (довод). Белое движение в реабилитации не нуждается, потому что оно выше этого. Кощунственно поднимать вопрос о «снятии обвинений». Чьих? Безбожной власти? Так она предана анафеме. А павшие герои Белого дела «сраму не имут». Второй. Не Жириновскому и не ЛДПР предлагать законопроекты о реабилитации Белого движения. Не им сие дано будет. А те, кто в «чистоте риз» выше этого, – они еще свое слово скажут (только когда – непонятно) … Судебные решения в отношении белых не отменялись, сегодня их изучают будущие юристы в качестве примеров «истории судопроизводства первых лет советской власти» (цитата из одной вузовской программы).

Как написано в пояснительной записке к проекту, «красных никто и не осуждал за деяния, совершенные в этой войне». И всегда можно спросить: а чего это вы тут Белым движением занимаетесь, уголовных преступников, террористов защищаете, изучаете борьбу с собственным народом? Советская власть в реабилитации не нуждается. ПАСЕ чего-то сказало про «коммунизм», так это же «чуждый Запад», он нам не указ…»[1].

«Много воды утекло с тех пор»… Очень легко было оказаться плохим пророком в той, десятилетней давности, публикации. Но летом прошлого года сначала в интернет-сообществах, а потом и в юридически оформленных исках проявилась достаточно ясно обозначенная позиция: нельзя «реабилитировать» Белое движение и Колчака по причине совершенных ими военных преступлений. Юридически оформленные иски относились и к снятию памятной доски в Санкт-Петербурге, установленной, как следовало из аргументации ее противников, отнюдь не «выдающемуся русскому офицеру, ученому и исследователю Александру Васильевичу Колчаку», а «изменнику Родины», «палачу Сибири», «британскому агенту» и т. д., и т. п.

Следует отметить, что многие правовые моменты, касающиеся состава, статуса, полномочий и компетенций следственных структур Иркутского ревкома, подробно рассматриваются в монографии московского историка С. В.

Дрокова «Адмирал Колчак и суд истории», вышедшей в издательстве «Центрполиграф» в 2009 году. Поэтому к данным вопросам обращаться еще раз, очевидно, не стоит.

Важно проанализировать два правовых акта, значение которых, несмотря на очень большой временной разрыв, по сути своей схоже. А именно: отмеченное выше постановление Иркутского ревкома и решение Смольненского районного суда, дело № 2а-185/17 от 24 января 2017 года[2].

Но сначала приведем полный текст одного документа:

«Постановление № 27, принято Военно-революционным комитетом 6 февраля 1920 г.:

Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр.; установлено таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения; по городу разбрасываются портреты Колчака и т. п. С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче Колчака и его штаба.

Все эти данные заставляют признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся – Колчака и его сподвижников. Восстание это безусловно обречено на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собою еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не пожелающих допустить повторение такой попытки.

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, объявившего Колчака и его правительство вне закона, Иркутский военно-революционный комитет постановил: 1) бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и 2) бывшего председателя Совета министров Пепеляева расстрелять. Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв»[3].

И принципиально важная для наших публикаций выдержка из другого документа:

«…Определением Военного суда Забайкальского военного округа № 3—11 от 26.01.1999 года Колчак А. В. признан не подлежащим реабилитации, а вынесенное в отношении него постановление Иркутского военно-революционного комитета от 06.02.1920 года обоснованным (том 3, л. л. 25–29).

В указанном определении указано, что 07.02. 1920 года

Колчак А. В. был расстрелян на основании Постановления Иркутского ВРК от 06.02. 1920 года.

Военный суд пришел к выводу о том, что имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что в 1918–1920 годах по распоряжению и с ведома Колчака А. В. проводились военные действия против Советской России, массовые репрессии в отношении мирного населения, красноармейцев и сочувствующих им войск. Предпринятая в отношении Колчака А. В. мера воздействия в виде расстрела, несмотря на его предыдущие заслуги, касалась именно этой стороны его деятельности и, в сложившейся на тот период ситуации, была обоснованной.

Признавая Колчака А. В. не подлежащим реабилитации, суд сослался на положения статей 4, 9 и 10 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

Согласно ст. 4 Закона РФ от 18.10.1991 года № 1761—1 «О реабилитации жертв политических репрессий», не подлежат реабилитации лица, перечисленные в статье 3 настоящего Закона, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Таким образом, реабилитации не подлежат лица, совершившие действия, которые не укладываются в общепринятые моральные стандарты.

Деятельность Колчака А. В., которая, по мнению военного суда, позволяет признать обоснованной такую примененную к нему меру воздействия, как расстрел, при решении вопроса об увековечении памяти о нем подлежала оценке наравне с его заслугами.

Суд полагает, что, принимая решение об увековечении памяти кого бы то ни было, компетентный орган должен оценивать все стороны личности и деятельность данного лица на протяжении всей его жизни, поскольку очевидным является то, что вечной памяти заслуживает только человек, имеющий безупречную репутацию, принесший безусловную пользу обществу, при этом вклад его в развитие общества должен быть выдающимся. Установление государством памятного знака является актом признания государством выдающихся заслуг данного лица, накладывающим на всех без исключения граждан государства обязанность чтить память о нем…

Несмотря на то, что решение Совета по мемориальным

доскам носит рекомендательный характер, суд полагает, что отсутствие информации о признании Колчака А. В. не подлежащим реабилитации повлияло на решения, принятые как Советом, так и в последующем Правительством Санкт-Петербурга…

Довод представителя заинтересованного лица о том, что расстрел Колчака являлся актом внесудебной расправы, не имеет правового значения в рамках настоящего дела, поскольку сам по себе не характеризует личность Колчака А. В. и не является основанием для увековечения его памяти.

Не опровергает выводов суда о незаконности оспариваемого Постановления и довод административного ответчика и заинтересованных лиц об установлении памятников и мемориальных досок Колчаку А. В. в различных городах, а также возвращение исторического названия острову Колчака…»

Так как в изучение нашей отечественной истории оказались вовлечены решения судебной власти, то придется обратить внимание на целый ряд сугубо правовых моментов, связанных как непосредственно с адмиралом Колчаком, проводимой им репрессивной политикой и политико-правовым статусом повстанческого движения в Сибири и советской власти вообще, так и с оценкой советского уголовного права и правовой характеристикой знаменитого постановления № 27, принятого Военно-революционным комитетом 6 февраля 1920 года.

И, что также важно, с теми «насильственными действиями в отношении гражданского населения и военнопленных, военными преступлениями, преступлениями против мира, против человечности и против правосудия», информацию о которых имели судьи Забайкальского военного округа и, вероятно, не имели представители Комитета по культуре Санкт-Петербурга.

И, приступая к политико-правовому анализу, будем помнить слова из Федерального послания Президента Российской Федерации В. В. Путина (декабрь 2016 года): «…Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить, что мы единый народ, мы один народ и Россия у нас одна…»

Мог ли Иркутский ревком расстрелять Колчака и Пепеляева и почему это нужно было сделать?

При анализе постановления Иркутского ревкома дается нередко оценка его действий как противоречащих тогдашнему законодательству советской власти в той части, которая имела отношение к санкции, а именно – к смертной казни. Действительно, вполне уместна при этом ссылка на «Постановление ВЦИК и СНК об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» от 17 января 1920 г. Приведем текст этого важного документа:

«…Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «верховного правителя» создают новые условия борьбы с контрреволюцией.

Разгром организованной армии контрреволюции подрывает в корне расчеты отдельных групп контрреволюционеров внутри Советской России свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговора, мятежей и террористической деятельности. В условиях самообороны Советской республики против двинутых на нее Антантой контрреволюционных сил рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной Армии.

Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают ныне возможность рабоче-крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания, т. е. расстрела, к врагам Советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатируют, что разгром вооруженных сил контрреволюции дает им возможность отложить в сторону оружие террора. Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за

возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов.

Исходя из вышеизложенного, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют: Отменить применение высшей меры наказания (расстрела) как по приговорам Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов.

За председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии Ф. Дзержинский…»[4]

Теперь рассмотрим конкретную практику «революционного Иркутска» в январе 1920 года. Во-первых, в городе отсутствуют структуры советской власти (эсеро-большевистский Политцентр таковым считаться не может). Вся полнота власти (законодательной, исполнительной и судебной), по сути, только у Военно-революционного комитета, который является чрезвычайным органом власти. Эта специфика ревкомов оказывается отличительной чертой их всех с момента возникновения первого из них – Петроградского военно-революционного комитета, то есть выполнение судебных функций и создание новых структур, наделенных судебными функциями, – в их компетенции.

О постановлении ВЦИК и СНК об отмене смертной казни представители Иркутского ревкома были, конечно, осведомлены, о чем свидетельствует «Приказ № 2 Иркутского ВРК» от 22 января 1920 года, призывающий к сдаче подразделения отступающих частей Русской армии адмирала Колчака: «…Иркутский Военно-Революционный Комитет предлагает всем оставшимся на территории действий Ревкома частям и отдельным лицам бывшей армии правительства адмирала Колчака немедленно положить оружие и сдаться Советской власти по месту своего нахождения, так как дальнейшая борьба их против советского правительства бесполезна и бесцельна и поведет лишь к их уничтожению идущими с запада советскими войсками или войсками Ревкома.

При этом Ревком объявляет о состоявшемся постановлении Совнаркома Советской Республики об отмене высшей меры наказания к врагам народа – расстрела и, таким образом,

немедленная и беспрекословная сдача упоминаемых частей гарантирует им персонально сохранение жизни при разборе их дел судом Республики.

Председатель Ревкома А. Ширямов. 21.1.1920»[5].

Мог ли ревком действовать самостоятельно, не оглядываясь на «центр» в Москве? Текст декрета Совнаркома об отмене смертной казни указывал на возможность восстановления «красного террора» в случае непосредственной угрозы революционной власти. А практика применения подобных санкций в Гражданской войне (с первых же дней советской власти) неоднократно показывала, что согласия центра в «чрезвычайных условиях» отнюдь не требовалось ради незамедлительной «победы над контрреволюцией».

Вот, например, свидетельство подобного рода: «Предписание Главному комиссару Черноморского флота о борьбе с контрреволюцией от 26 ноября (9 декабря) 1917 года.

Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. Каледины, Корниловы, Дутовы – вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещаем. На ультиматум отвечайте смелым революционным действием. Да здравствует революционный Черноморский флот!

Совет Народных Комиссаров («Правда», вечерний выпуск, № 22, 27 ноября; «Известия» № 238, 28 ноября; «Рабочий и Солдат» № 36, 27 ноября).

Уместно вспомнить здесь расстрел царской семьи, объясненный как своеобразная превентивная мера Уралоблсовета ради предотвращения угроз от возможного освобождения Романовых наступающими «контрреволюционными войсками».

Иркутский ревком, заранее оправдывая свои решения ссылками на возможное ухудшение ситуации в самом городе и вокруг него, 1 февраля опубликовал «Предупреждение»: «… Иркутский Военно-Революционный Комитет, опираясь на волю масс и ту огромную силу Советской России, которая оказалась способной внести разложение в ряды врага даже через штыки колчаковской армии, вступив в управление краем, не счел необходимым красным террором неумолимо расправиться с врагами народа. Он полагает, что перед всем очевидной неизбежностью утверждения в Сибири и России единой власти Рос. Сов. Фед. Соц. Республики никто не дерзнет нарушить революционный порядок и вызвать бесполезное кровопролитие, обреченное на полный неуспех, попыткой контрреволюционного восстания. Однако имеются безумцы, которые продолжают

мечтать о возможности возвращения «сычевщины» (начальник гарнизона Иркутска генерал-майор К. И. Сычев командовал войсками при попытке подавления восстания Политцентра в Иркутске в декабре 1919 г. – *В.Ц.*) хотя бы на час, – безумцы, работа которых может заставить Революционный Комитет пересмотреть свое отношение к моменту и сдавшейся буржуазии и реакционным элементам города.

Военно-Революционный Комитет, ответственный перед массами за сохранение революционного порядка, заявляет, что он будет беспощаден и не остановится ни перед какими мерами, если сдавшийся враг сделает попытку хотя бы на час возвратить ненавистную, кровавую тиранию старой власти.

Иркутский Военно-Революционный Комитет»[6].

Возможность применения расстрела совершенно определенно следует из приказа о наделении правом вынесения смертных приговоров чрезвычайной следственной комиссии, допрашивавшей Колчака:

«Постановление Иркутского Военно-Революционного Комитета. 3 февраля 1920 г. № 20.

Чрезвычайная следственная комиссия наделяется судебными функциями с применением высшей меры наказания – смертной казни.

Свои судебные функции комиссия осуществляет в периоды контрреволюционного вооруженного восстания.

Все приговоры представляются на конфирмацию Военно-Революционного Комитета.

В остальное время действует Военно-Революционный Трибунал.

В случае, если Военно-Революционный Комитет не сможет осуществить свои функции ввиду препятствия этому со стороны контрреволюционного восстания, – приговоры чрезвычайной следственной комиссии приводят в исполнение без конфирмации Военно-Революционного Комитета.

Председатель А. Ширямов. Члены: М. Левенсон, А. Сноскарев. Секретарь Оборин»[7] *(Известия Иркутского Рев. Ком. № 10, от 4.02.1920 г.)».*

Следует рассмотреть реальность атаки Иркутска «каппелевцами» и степень готовности т. н. «контрреволюционного восстания» в городе. В этом отношении показателен следующий документ.

«Разговор по прямому проводу.

Ввиду нездоровья ген. Войцеховского, уполномоченный им

ген. Щепихин передает следующее: «Противобольшевистские армии могут отказаться от прохождения через Иркутск при выполнении иркутским гарнизоном следующих условий:

1) Беспрепятственный пропуск армий за Байкал по всем путям в обход Иркутска.

2) Немедленный категорический приказ Иркутского Ревкома всем властям, всем советским регулярным и нерегулярным войскам на пути армий прекратить враждебные действия против нас. Копия этого пункта одновременно с его рассылкой должна быть сообщена мне.

3) Временное до прохода армии за Байкал прекращение пропаганды и клеветы, распространявшейся до сих пор в различных воззваниях и приказах Ревкома с обвинением армий в зверствах над населением.

4) Снабжение армий деньгами, имеющими широкое хождение на Дальнем Востоке, в сумме 200 миллионов рублей, в том числе на 50 миллионов рублей звонкой монетой. Из этой суммы не менее 100 миллионов рублей, из которых 25 миллионов звонкой монетой, должны быть высланы навстречу на ст. Черемхово. Это решительно необходимо, дабы дать возможность войскам жить, не обижая населения и не давая повода тому же Ревкому провоцировать армию.

5) Передача в мое распоряжение и беспрепятственное движение на восток в Забайкалье санитарного поезда № 8 Колесникова, состоявшего при группе Нестерова и находящегося в данное время близ ст. Зима, а также беспрепятственный пропуск раненых, больных и семей военнослужащих противобольшевистских войск на восток, в Забайкалье, в каких бы эшелонах они ни следовали.

6) Освобождение адмирала Колчака и арестованных с ним лиц, снабжение их документами на право выезда их в качестве частных лиц за границу. Просьба к представителям иностранных государств взять названных лиц под свое покровительство и гарантировать им свободный проезд за границу.

7) Приказ Ревкома городским и сельским властям на путях следования наших армий заготовлять продукты и фураж, перевязочные средства, считаясь с численностью армий в круглых цифрах 50 000 человек и 30 000 лошадей.

8) Как гарантия бескровного обхода Иркутска, все советские регулярные и нерегулярные войска должны быть выведены немедленно из района на запад от Иркутска до Черемхова включительно, на север из 150-верстной полосы и на юг из 100-верстной полосы.

Точное выполнение этого условия необходимо также и

потому, что наши части при встрече с советскими частями неизбежно будут их разоружать и возможно боевое столкновение.

9) После прохода наших армий меридиана города Иркутска в течение недели не производить никаких продвижений советских войск восточнее Иркутска.

10) Для наблюдения за выполнением изложенных условий с нашей стороны Иркутский Ревком должен командировать в мой штаб трех своих представителей. Наблюдение за выполнением тех же условий противной стороной просьба принять на себя представителей иностранных государств.

11) Независимо от хода настоящих переговоров я продолжаю движение на Иркутск.

Ввиду движения штаба на восток за ответом к прямому проводу можем быть здесь на станции Зима 2 февраля 1920 года иркутского времени. В дальнейшем же продвижении на остановках будем запрашивать вас ежедневно между 20 и 22 часами иркутского времени, если вам угодно, с ближайших нашему ночлегу телеграфных станций. Другим способом переговоры по прямому проводу невозможны ввиду секретности нашего маршрута».

Доктор Благож:

«До принятия ваших условий здесь по телеграфу дошла до представителя Чехословацкой республики следующая нота советского командарма Зверева в Иркутске:

«Предлагаю вам во избежание напрасных человеческих жертв и в интересах беспрепятственного продвижения чеховойск на восток немедленно предложить ген. Войцеховскому сложить оружие и передать его в распоряжение Восточносибирской советской армии. Войскам, добровольно сложившим оружие, дается полная гарантия неприкосновенности личности.

Зверев»[8].

Речь, как можно заметить, идет здесь отнюдь не о «штурме Иркутска» ради освобождения Колчака (это лишь 6-й пункт переговоров), а о возможности «беспрепятственного пропуска» «каппелевцев» в Забайкалье.

Схожую оценку перспектив «штурма Иркутска» давал в своих воспоминаниях генерал-майор П. П. Петров: «…В Иркутске поднялась тревога, и, видимо, по просьбе иркутских властей, чешский представитель начал переговоры с Войцеховским об условиях прохода армии через Иркутск.

На станции Зима я видел текст ответа Войцеховского, что посылался в Иркутск. В общем, выражалось согласие не трогать Иркутска при условии, если: 1) Верховный Правитель адмирал

Колчак будет освобожден и передан под охрану иностранных военных частей; 2) выдачи части золотого запаса; 3) удовлетворения войск из иркутских складов одеждой, продовольствием и пр.

Переговоры ни к чему определенному не привели. Скоро стало известно, что чехи вообще настаивают на том, чтобы станция Иркутск и район около станции не были местом боевых действий, угрожая разоружением, если будет столкновение.

На 7 февраля мы ночевали в переходе от Иркутска; днем левая колонна 2-й армии вела бои с иркутскими красными севернее Сибирского тракта; решительных успехов не было. 7 февраля все наши части сосредоточились перед Иркутском; занята была станция Иннокентиевская с большими запасами военного имущества. Командование решало, что дальше делать – брать ли Иркутск силой или обходить. Известно было, что красные в городе не уверены в себе и обеспечивают отход на север; на станции железной дороги – эшелоны иностранных войск, которые заявляют нейтралитет и требуют, под угрозой разоружения, чтобы боевые действия в районе станции не происходили.

Наши части к моменту подхода к Иркутску представляют сплошные транспорты тифозных. У нас в дивизии можно набрать 200–250 здоровых, за исключением тех, кто приставлен к больным как возчик. При неудаче может создаться чрезвычайно тяжелая обстановка для всей этой массы, так как других путей на восток, кроме проходящих через Иркутск, нет. Вечером узнали, что решено не задираться, а ночью обойти Иркутск с юга с тем, чтобы выйти восточнее на тракт, а затем продолжать движение к Байкалу и в Забайкалье. Мы должны выступить около 10 часов вечера.

Я не знаю сущности происходивших в тот день разговоров командного состава, но слышал, что генерал Сахаров порывался бросить свою колонну в бой, а Войцеховский не соглашался; он будто выговорил у чехов, что они не будут мешать проходу колонны сначала вдоль полотна железной дороги, а затем у самого Глазковского предместья и станции, так как другой дороги в обход Иркутска не было, а без дороги здесь движение невозможно. Мы должны были ночью быстро подойти к Глазкову и от него свернуть на Смоленское, а затем пройти на Марково, оттуда повернуть на север на Кузьмину или Ершово.

С вечера все были готовы к движению. Часов в десять началось движение вдоль железной дороги к Глазкову. Настроение нервное, особенно там, где дорога спускается под гору, и сани, дровни закатываются так, что опрокидываются;

ломаются оглобли, рвутся завертки. Положение саней с больными ужасно, многие, потерявшие сознание, как-то заражаются общей нервностью и в полусознании начинают тревожиться. Подходим к Глазкову – полная тишина; что бы здесь было, если бы раздалось тявканье пулемета. Сворачиваем на юг и едем, едем довольно быстро всю ночь. Отдыхать нельзя, так как нужно до рассвета быть восточнее Иркутска. Часов в девять утра выходим на тракт – с высот виден город. Оттуда скоро доносятся пушечные выстрелы. Неизвестно по ком, по нам ли или по хвостам. В общем, все сошло благополучно. Только поздно вечером 8 февраля мы стали на ночлег в деревне Тальцы, двигаясь почти беспрерывно не меньше 18 часов. Лошади заморились страшно…»[9]

Правда, генерал-майор С. А. Щепихин в своих неопубликованных воспоминаниях писал несколько иное – про своеобразную «маскировку» требования о выдаче Колчака:

«…Ответ просили прислать часа через два, вызвав к аппарату д-ра Благож… Я собрал ленту и спешно направился к Войцеховскому. О моем разговоре с Иркутском уже знали некоторые старшие начальники, которых я и застал у нас на квартире. Здесь были кроме меня и Войцеховского еще Сахаров 1-й, Вержбицкий.

Предоставив высказаться, Войцеховский стал записывать лично сам, мнения и сводку их я должен был передать немедленно на телеграф.

Первым заявлением было сахаровское предложение: «Освобождение адмирала Колчака». Пункт был боевой и неотклоняемый: разве кто-либо из присутствующих мог решиться возразить или смягчить его форму? Уже тогда этот человек не нашел бы себе места на земном шаре за это – вторичное – предательство адмирала Колчака.

Теперь, когда события уже известны всему миру, возможно поставить такой вопрос – не побудило ли это наше, поставленное намеренно первым, требование нашим противникам ускорить расправу с адмиралом Колчаком?

Если, конечно, вообще все эти переговоры не затеяны с целью затянуть время, необходимое противнику… Если эти переговоры – ловушка, и ловушка двойная:

Во-первых, увидеть, что нам наиболее дорого,

Во-вторых, затянуть время.

Вот, принимая во внимание весьма вероятные причины начатия таких переговоров, некоторым из нас казалось не политическим и тактически неправильным обнаруживать наши скрытые желания.

Но как высказать это на нашем собрании, чтобы не

показалось это странным? Я отозвал Войцеховского в сторону и высказал ему свои соображения. Оказывается, на самом деле он такого же мнения, и тут же решил поделиться своими соображениями с остальными… Его-то никто не мог в чем-то заподозрить.

Сахаров высказался принять к сведению, но все же настаивал на включении этого пункта.

Чтобы примирить два мнения, решено было пункт о Колчаке не выдвигать выпукло в наших пунктах, а поставить между другими и пункты разработать с вероятно большей подробностью…»[10]

Таким образом, подведем первый итог. Иркутский ВРК, зная об отмене смертной казни СНК и ВЦИКом при отсутствии непосредственной угрозы, тем не менее применяет ее в отношении Колчака и Пепеляева, мотивируя это угрозами наступления «каппелевцев» и «восстания» в Иркутске. Но – ни та, ни другая угрозы не осуществляются…

Как определялись «преступления» Белого движения?

Рассматривая причину расстрела Колчака и Пепеляева в 1920 году, необходимо учитывать характерную для тогдашней «революционной эпохи» форму обвинения – объявление «вне закона». Именно оно стало гораздо более, чем ссылки на угрозы наступления «каппелевцев» и «контрреволюционного восстания» в Иркутске, очевидной причиной смертной казни, вынесенной ревкомом.

Данная мера наказания обозначалась в принятых 12 декабря 1919 г. Народным Комиссариатом Юстиции РСФСР «Руководящих началах по уголовному праву». В них (статья 25), «в соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушения», предусматривалось, в частности: «объявление врагом революции или народа», «объявление вне закона», а также, отдельно, «расстрел» (его не могли применять только «народные суды»). При этом считалось допустимым «сочетание видов наказания». Правоприменительная практика данных обвинений восходит к первым дням существования советской власти, в этом видна прямая связь с традициями «якобинского террора» периода Великой Французской революции, заимствования из терминологии которой (ennemi du peuple – «враг народа») были весьма популярны среди большевиков. А применялись данные обвинения и наказания исключительно за «преступления» политического характера.

Вот яркий пример подобного рода:

«Обращение «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова от 25 ноября (8 декабря) 1917 г.

В то время, как представители рабочих, солдатских и крестьянских Советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое

казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь и шел походом на революционный Петроград.

В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-революционный комитет[ы], разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города. Караулов громит чеченцев и ингушей на Кавказе. Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти. Буржуазная Центральная рада Украинской республики, ведущая борьбу против украинских Советов, помогает Калединым стягивать войска на Дон, мешает Советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам – Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ.

Рабочие, солдаты, крестьяне, революция в опасности. Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено, и виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все те области на Урале, Дону и других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора объявляются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти.

Совет Народных Комиссаров»[11].

Важно обратить внимание, на то, что Совнарком предписывает здесь не только вышеупомянутые виды наказаний (объявление «вне закона» и «врагом народа») по отношению к представителям зарождающегося Белого движения на Юге России, но и объявляет эти районы «на осадном положении» и реально угрожает не только «контрреволюционерам», но и «местному населению» (тому самому «гражданскому», «мирному» – в терминах современных публицистов).

Вот и еще один, более известный пример из декретов Совнаркома:

«Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции 28 ноября (11 декабря) 1917 г.

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции. Декрет вступает в силу с момента его подписания.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Народные комиссары: Н. Авилов (Н. Глебов), П. Стучка, В. Менжинский, Джугашвили-Сталин (при обсуждении декрета в СНК Сталин, единственный из его членов, выступил «против» данного декрета. – *Прим. В.Ц.), Г. Петровский, А. Шлихтер, П. Дыбенко, Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич, Секретарь Совета Н. Горбунов. Петроград, 28 ноября 1917 г. 10½ час. вечера»*[12].

И вот, собственно, тот самый документ («Обращение к рабочим, крестьянам и всем трудящимся Сибири»), на основании которого действовал Иркутский ревком:

«…1. Бывший царский адмирал Колчак, самозванно наименовавший себя «Верховным правителем», и его «Совет министров» объявляются вне закона. Все ставленники и агенты Колчака и находящегося в Сибири союзнического командования подлежат немедленному аресту… 16 августа 1919 г.»[13].

Вообще, уже с 25 октября 1917 г., с момента опубликования

знаменитого обращения Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России», в котором говорилось о «низложении» Временного правительства, любые действия, направленные на противодействие советской власти, расценивались уже как «мятеж». Так, например, 29 октября ВРК в воззвании «Ко всему населению» так «юридически» охарактеризовал действия Керенского, ведущего полки 3-го конного корпуса на Петроград: «Бывший министр (даже не премьер и не Главковерх. – *В.Ц.*) Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским съездом, – Совету Народных Комиссаров… Фронт отказал Керенскому в поддержке. Москва присоединилась к новому правительству. В целом ряде других городов (Минск, Могилев, Харьков) власть перешла к Советам.

Граждане Петрограда! Мы знаем, что огромное большинство вас за власть революционного народа, против корниловцев, руководимых Керенским. Не давайте обманывать себя ложными заявлениями бессильных буржуазных заговорщиков, которые будут раздавлены беспощадно.

Рабочие, солдаты, крестьяне, мы требуем от вас революционной готовности и революционной дисциплины.

Многомиллионное крестьянство, многомиллионная армия – с нами. Победа народной революции неизбежна.

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»[14].

Если же «расшифровывать» юридическое положение «вне закона», то можно заметить, что его правоприменительная практика в первую очередь должна была показать, что все обширное законодательство Российского правительства адмирала Колчака юридически ничтожно, не имеет никаких правовых последствий. В условиях Гражданской войны это вполне понятная, оправданная мера. Объявление «вне закона», по существу, означало, что к лицам, получившим такой «статус» от революционной власти, уже не могут применяться ни базовые международные правовые акты (в силу отсутствия международного признания РСФСР на тот момент), ни, тем более, базовые нормы дореволюционного права, декретивно отмененного в РСФСР. В историческом прошлом это фактически означало, что даже убийство этих лиц ненаказумемо. Поэтому «судьба» Колчака и членов его правительства, по большому счету, была предрешена не в январе 1920-го, а еще в июле 1919-го.

Подтверждением этого тезиса является и судьба последнего премьера Российского правительства Виктора Николаевича Пепеляева. Перечень «Документов к следственному делу В. Н. Пепеляева» включает в себя, в частности: «…Паспорт В. Н. Пепеляева… (фирменный бланк). Б. м. (16 сентября 1918 г.); … Удостоверение об отсрочке от призыва в армию (фирменный бланк), г. Омск. (25 сентября 1919 г.); Заявление Пепеляева в ЧСК о нежелании своего освобождения из тюрьмы (своеобразное подтверждение некоей «трусости» Пепеляева, якобы «просившего о пощаде» революционную власть. – *Прим. В.Ц.*) в ожидании суда (рукопись, подлинник), Иркутская тюрьма. (03 февраля 1920 г.); Прошение вдовы Е. Пепеляевой с просьбой выдать ей вещи мужа. (Рукопись, подлинник), г. Иркутск. (09 февраля 1920 г.); Расписка Е. Пепеляевой в получении вещей мужа. (Рукопись, подлинник), г. Иркутск. (11 февраля 1920 г.); Постановление ЧСК о прекращении следственного дела на Пепеляева, ввиду его казни, с выдачей предсмертной записки Е. Пепеляевой (Рукопись, подлинник), г. Иркутск (12 февраля 1920 г.); Расписка Е. Пепеляевой в получении переписки и бумаг, относящихся к делу ее мужа (рукопись, подлинник), г. Иркутск. (17 февраля 1920 г.); Постановление ЧСК о препровождении заявления Е. Пепеляевой в губревком с просьбой о выдаче тела мужа, с заключением, что со стороны ЧСК препятствий к ее просьбе не имеется (рукопись, подлинник), г. Иркутск. (20 февраля 1920 г.); Служебная записка управляющего делами губревкома (подпись неразборчива) о том, что тело В. Н. Пепеляева погребено и выдано быть не может (машинопись, подлинник), г. Иркутск. (23 февраля 1920 г.); … Справка, составленная товарищем председателя ЧСК Поповым о том, что с В. Н. Пепеляева не снято ни одного допроса ввиду смертного приговора… (рукопись, подлинник), г. Иркутск (10 марта 1920 г.); Опись документов и переписки В. Н. Пепеляева (машинопись, подлинник), г. Иркутск. (март 1920 г.)…»

Таким образом, в отличие от Колчака, которого все-таки допрашивала Следственная комиссия, по отношению к главе Совета министров этого сделано не было…

Правда, нужно учитывать «революционную специфику» законодательства первых лет советской власти. В. И. Ленин как выпускник юридического факультета и глава правительства, призванного осуществить «построение социализма», определял их достаточно своеобразно. В «Проекте программы РК (б)» судьям предлагалось, например, «…осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отвергая законы свергнутых правительств»[15].

Из этого же принципа исходил и декрет о суде (№ 1), принятый 5 декабря 1917 г., утверждавший «демократические выборы судей» одновременно с введением революционных трибуналов. Прежнее законодательство сохраняло силу законов «свергнутых правительств» исключительно в том случае, если оно не противоречило «революционной совести» и «революционному сознанию». Как известно, принцип «государства диктатуры пролетариата» и «классового правосознания» закрепляла и Конституция РСФСР, единогласно принятая однопартийным большинством 5-го Всероссийского съезда Советов 10 июля 1918 г. «…Мы не обещаем, – отмечал Ленин, – свободу и равенство вообще… Это и сказано в Конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии»[16].

Таким образом, говорить о правопреемственности, о соблюдении общепринятых норм тогдашнего государственного, гражданского, международного, да и любого другого права при таких «базовых ценностях» не приходилось. Господство политики, господство принципов классовой борьбы, наказания за преступления политического характера, преступления против государства «диктатуры пролетариата» здесь несомненны.

Преамбула «Руководящих начал по уголовному праву» в этом отношении еще более конкретна:

«…Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков). Как пролетариат не мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат, так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории. Без особых правил, без кодексов вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. Опыт борьбы, однако, приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право.

Почти два года этой борьбы дают уже возможность подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения.

В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата. Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства. Этой задаче – задаче помочь органам советской юстиции выполнить свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата – идет навстречу Народный Комиссариат Юстиции, издавая настоящие руководящие начала по уголовному праву РСФСР:

I. Об уголовном праве. 1. Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой. 2. Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания). 3. Советское уголовное право имеет задачей – посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата…»

Есть один существенный правовой момент: в «Руководящих началах» (раздел VIII, «О пространстве действия уголовного права», статья 27) отмечено: «…Уголовное право РСФСР действует на всем пространстве Республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление, а равно в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступление на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР…»[17].

Каким образом устанавливалось на тот момент гражданство РСФСР? Уместно напомнить текст декрета СНК и ВЦИК от 24 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских

чинов»:

«…11 (24) ноября 1917 г. Ст. 1. Все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются; Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются, и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики; Ст. 3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям; Ст. 4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений; Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений; Ст. 6. Все соответствующие статьи доныне действовавших законов отменяются; Ст. 7. Настоящий декрет вступает в силу со дня его опубликования и немедленно приводится в исполнение местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Порядок приобретения гражданства, таким образом, обозначен – через местные советы. Однако он не конкретизируется. Существовали различные формы «легализации» бывших «подданных Российской империи» на территории РСФСР – от продуктовых карточек до «паспортных листов» – своеобразных суррогатов паспортной системы. Можно установить, что гражданами РСФСР становились одномоментно все проживавшие на территории Российской Республики (провозглашенной 1 сентября 1917 г.) в тех ее частях, где существовали органы советской власти. Примечателен декрет ВЦИК от 5 апреля 1918 г. «О приобретении прав российского гражданства». Правда, он относился к иностранцам, но в нем обозначена процедура, в соответствии с которой «для приобретения прав российского гражданства иностранец делает о том заявление в местный, по месту жительства, Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, с указанием рода своих занятий и сообщением сведений о том, не подвергался ли он судебному преследованию по обвинению в общеуголовном преступлении, а если подвергался, то за какие деяния». Причем «самоличность делающего заявление, при отсутствии других средств к ее установлению, удостоверяется свидетельством полноправных граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

Но там, где советской власти не существовало, бывшие подданные Российской империи, очевидно, не могли «легализоваться» в статусе граждан РСФСР. На данных территориях советская власть, как правило, и не признавалась, ее легальность и легитимность (равно как и все ее законодательство) оспаривались не только Правительствующим Сенатом Российской Республики, но и значительным числом местных структур власти в государствах и государственных образованиях, возникших после февраля и октября 1917 года. Можно ли было считать проживавших там бывших подданных Российской империи гражданами РСФСР и подвергать их наказанию по нормам РСФСР?

С другой стороны, члены, например, антисоветского подполья, агенты белой разведки, проживавшие и работавшие на территории РСФСР, могли подвергаться наказаниям по советским законам, в чем они, кстати, и не сомневались и на что они вполне сознательно шли, рискуя ради выполнения тех задач, которые на них возлагались командованием белых армий.

Но могли ли нормы РСФСР применяться, например, к солдатам и офицерам Добровольческой армии, донским степнякам-партизанам, бойцам казачьих отрядов атаманов Дутова, Семенова, действовавшим на основании совершенно иных законодательных актов? Могли ли нормы РСФСР применяться к А. В. Колчаку, как известно, ни одного дня не находившемуся на территории РСФСР до января 1920 г. и не ставшему иностранным подданным (не существует документов, подтверждающих это, за исключением мифов о якобы реальной службе Колчака в британских воинских контингентах)?

Гражданская война – самая страшная из войн еще и потому, что здесь идет непримиримая «война законов». А заложниками этой войны становятся соотечественники, граждане, подданные прежде единого государства…

Таким образом, следующий итог: смертная казнь в отношении Колчака, членов его правительства есть (помимо несостоятельных ожиданий наступления «каппелевцев» на Иркутск и «контрреволюционного восстания») также и прямое следствие объявления их «вне закона» и фактического лишения их каких бы то ни было правовых норм защиты со стороны «революционной власти» (что подтверждает судьба Пепеляева). Уместно помнить при этом, что Колчак гражданином РСФСР не был. То, что решение о расстреле было принято исключительно как наказание за «политические преступления» – несомненно. Напомним слова из постановления Иркутского ревкома: «тягчайшие преступники против трудящихся», «преступники,

давно достойные смерти».

Кстати, теперь можно вспомнить текст статьи 1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий»: «Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями».

Как определялись «преступления» большевиков?

Оценивая проблемы политического, военного и правового противостояния в России 100 лет назад, нужно отметить и то, как в политико-правовых документах антибольшевистского и Белого движения отражалась суть событий 25 октября 1917 года – приход большевиков к власти. Вот первый акт «новой власти»:

«Обращение Петроградского Военно-революционного комитета. К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства – это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, 25 октября (7 ноября) 1917 года».

Но в стране, помимо «низложенного» Временного правительства, действовали также и структуры местного (земского и городского) самоуправления и органы региональной власти, легализованные до октября 1917 года. Являлся ли, таким образом, ВРК при Петроградском Совете выразителем «воли» всей России? Подчеркнем, что речь идет не о социально-психологическом восприятии в «народном сознании» совершившегося в Петрограде события, а сугубо о политико-правовом определении данного события, т. е. «перехода» государственной власти в руки Петроградского ВРК, названного Великой Октябрьской социалистической революцией.

Обратимся к определению позиции высшей судебной, кассационной инстанции, «высшего хранителя и толкователя законов» – Правительствующего Сената, который в марте 1917-го подтвердил легальность акта об отречении от престола государя императора Николая Александровича Романова и акта о непринятии престола великим князем Михаилом Александровичем.

Упомянуть об этом нужно, поскольку существует расхожий тезис (уходящий корнями еще в послереволюционные

эмигрантские дискуссии) о том, что после «недействительного», «подложного» «Манифеста об отречении» государя императора Николая II никакой легитимной власти в России в 1917 году не было. Один из юридических аргументов в пользу этого тезиса таков: Сенат не утверждал акта отречения Николая II, и поэтому он юридически ничтожен.

Однако… Согласно официальному сообщению, 5 марта на заседании 1-го департамента министр юстиции Керенский (по статусу ставший и генерал-прокурором Сената) передал обер-прокурору П. Б. Врасскому оба упомянутых акта. Далее: «рассмотрев предложенный на его обсуждение вопрос, Правительствующий Сенат определил распубликовать оба акта в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» и сообщить об этом указами всем подчиненным Сенату должностным лицам и правительственным местам. Оба акта приняты Сенатом для хранения на вечные времена». Определение 1-го департамента Сената подтверждало исключительный характер власти Временного правительства: «Временное правительство волею народа облечено диктаторской властью, самоограниченной его собственной Декларацией и сроком до Учредительного Собрания».

Судя по интервью сенатора, профессора Э. Н. Берендтса, опубликованному в апреле 1922 г., заседание 5 марта завершилось официальным обращением сенаторов к Керенскому: «Сенат решил издать требуемый указ (акты Государя и Великого князя. – *В.Ц.*) и просит Вас передать Временному Правительству, что он будет поддерживать Временное Правительство во всем, что будет содействовать укреплению законности в России». 9 марта на заседании полного состава 1-го департамента Временное правительство принесло присягу. Акты отречения от власти и принятия временной власти окончательно получили правовое оформление и юридическую силу[18].

Итак, данные акты не только получили законную силу, но и стали основой формирования политико-правовой системы Российского государства на период до Учредительного Собрания. Временное правительство получило формальный, подтвержденный Сенатом статус высшей законодательной и исполнительной власти. Никаких принципиальных, «революционных» отклонений от цели правопреемственности на протяжении 1917 года Правительствующий Сенат не фиксировал. Как бы ни оценивать Керенского с точки зрения его человеческих и политических качеств – у него и у возглавляемого им правительства была формальная власть.

А после «октябрьских событий» на совещаниях департаментов

Правительствующего Сената от 6 и 23 ноября 1917 г., созванных по инициативе бывшего министра юстиции С. М. Зарудного, Петроградский военно-революционный комитет и Совет народных комиссаров были квалифицированы так:

«Сенат осведомился о намерении лиц, захвативших власть незадолго до созыва Учредительного Собрания, которое должно являться истинным выражением директивной воли русского народа, посягнуть на самое существование Правительствующего сената, в течение с лишком 200 лет стоящего на страже закона и порядка в России. Эти лица, решаясь упразднить Правительствующий сенат и все суды, подрывают сами основы государственного строя и лишают население последней его опоры – законной охраны его личных и имущественных прав. Преступные действия лиц, именующих себя народными комиссарами, в последние недели свидетельствуют, что они не останавливаются перед применением насилия над учреждениями и лицами, ставшими на страже русского государства. Прежде чем насилие коснется старшего из высших учреждений России и лишит Правительствующий Сенат возможности возвысить свой голос в час величайшей опасности для родины, созванное на основе ст. 14 Учреждения Сената общее собрание Сената определяет, не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного Собрания об образовании власти в стране возложенные на Сенат законом обязанности, доколе к этому представляется какая-либо возможность, о чем и дать знать всем подчиненным местам и лицам»[19].

Не многим отличались, по существу, официальные декларации, заявления, принятые в казачьих областях. Например, резолюция Оренбургского Войскового Круга, принятая на Чрезвычайной сессии в феврале 1918 г. в г. Верхнеуральске, гласила: «Выслушав наказы станиц, данные делегатам с мест, и мнения самих депутатов по политическому моменту, и, особенно, по борьбе с большевиками, и имея в виду, что как наказы, так и мнения всех депутатов говорят за беспощадное сопротивление большевикам, значит, за неподчинение так называемому Совету Народных Комиссаров, Чрезвычайный войсковой круг единогласно постановил: впредь до установления Всероссийским Учредительным Собранием государственной власти – никакой власти в войске не признавать, кроме власти Войскового Круга, который для Оренбургского Казачьего Войска является единственным хозяином, распорядителем и законодателем для Войска; его постановления обязательны не только для лиц

Войскового сословия, но и для проживающих на Оренбургской казачьей территории – лиц не Войскового сословия.

Отдельные лица, как зачинщики, подстрекатели, или насильники, а равно и лица, подписавшие постановления явно противоречащие решениям Войскового Круга, или Окружных съездов, приводя таковые в исполнение – будут привлекаться к строгой ответственности и, помимо этого – исключаться из Войска; исполнение же этого возлагается на Войсковое Правительство и Окружные Управления.

Если означенные лица, или общества будут сопротивляться, то применять к ним принудительные меры, через особо для того организованные отряды, всеми мерами и средствами, находящимися в распоряжении Окружных Управлений и этих отрядов. Всякие самочинные выступления как от имени целых обществ, под видом якобы советов, сходов и др., не созванных подлежащими властями, так и отдельных лиц против установленных Восковым Кругом властей, или даже отдельных частных лиц, будут строго преследоваться. Пропаганда в пользу большевиков с целью развала общества, или частей его должна строго преследоваться. Одинаково отвечают за укрывательство этих нарушителей, установленного в Войске порядка, и должностные лица.

Сходы станичные и поселковые считаются законными при условии, если они состоят лишь из гласных и созваны порядком, установленным Положением о самоуправлении, а общие собрания в станице или поселке, – при условии, если на них участвует не менее 2/3 лиц данной станицы, или поселка, пользующихся избирательным правом, т. е. в возрасте от 20 лет и старше, при том созванные станичными или поселковыми властями, а постановления – засвидетельствованы этими же властями.

Лиц, ведущих агитацию против установленной в Войске власти или возбуждающих население к погромам, грабежам или другим беспорядкам, задерживать и доносить о них по инстанции»[20].

Схожие по юридическому значению акты принимались и другими антибольшевистскими правительствами на территории России в течение 1917–1918 гг. Нужно обратить особое внимание на «сибирское законодательство», поскольку именно здесь сформировался т. н. «режим колчаковской диктатуры». В первых же строках Декларации Временного Сибирского правительства «О государственной самостоятельности Сибири» говорилось: «Временное Сибирское Правительство, приняв на себя всю полноту власти в стране после изгнания узурпаторов –

большевиков, наряду с другими важнейшими задачами полагает также необходимым вывести Сибирь из того неопределенного положения, в котором она находится вследствие разгона большевиками Сибирской Областной Думы и продолжающегося их господства в Европейской России».

Еще один важный документ – «Постановление Временного Сибирского Правительства от 4 июля 1918 года» «Об аннулировании декретов советской власти»:

«Ввиду того, что советские власти основаны были на захвате и преступном насилии над волей народа, Временное Сибирское Правительство, считая все советские учреждения незаконными, объявляет:

1. Что все декреты, изданные так называемым Советом Народных Комиссаров и местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являются актами незакономерными, а потому ничтожными; и

2. что для внесения планомерности в дело восстановления прав и отношений, измененных декретами советской власти, таковое восстановление должно производиться в соответствии с руководящими в каждой области указаниями центральных правительственных учреждений.

Председатель Совета Министров, Министр Иностранных Дел П. Вологодский. Члены Совета Министров: Министр Внутренних Дел В. Крутовский, Министр Финансов И. Михайлов, Министр Юстиции Григорий Патушинский, Министр Туземных Дел М. Шатилов. Управляющий Делами Совета Министров Г. Гинс…»

И также – Постановление Временного Сибирского Правительства от 6 июля 1918 года «О недопущении советских организаций»:

«Принимая во внимание, что организации так называемых советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, составлявшиеся на основах, ничего общего с демократическими принципами не имеющих, в своей прошлой деятельности проявили враждебность государственному правопорядку и местной власти, вплоть до преступного посягательства на верховные права Всероссийского Учредительного Собрания и Сибирской Думы, а также ввиду того, что политические интересы населения достаточно представлены в политических партиях, а классовые – в профессиональных союзах, что советы вызывают непримиримую ненависть населения, Временное Сибирское Правительство постановляет:

1) Все существующие советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов закрываются.

2) Образование новых советов или иного наименования организаций из представителей обществ и союзов профессионального или промышленного характера, но с задачами политическими, воспрещаются.

3) Образование профессиональных организаций, не преследующих политических целей, не подвергаются никаким ограничениям.

4) Министерству труда поручается спешно разработать положение о порядке и условиях возникновения профессиональных союзов.

Председатель Совета Министров, Министр Иностранных Дел П. Вологодский. Министр Внутренних Дел В. Крутовский, Министр финансов И. Михайлов, Министр Юстиции Григорий Патушинский. Управляющий Делами Совета Министров Г. Гинс»[21].

Однозначно преступными оценивались действия большевистской партии. Но если в РСФСР распространенными были обвинения и наказания в духе Великой Французской революции и Парижской Коммуны, то на территориях Белого движения использовались политико-правовые нормы дореволюционной России. Автор рассматривал репрессивную политику, проблематику т. н. «белого террора» в статье «Белый террор: преступление или наказание?»[22]. Кратко основные правовые положения, на которые опиралась белая власть, можно повторить:

«…Основой законодательной базы в оценке прихода к власти большевиков и ареста Временного правительства стали измененные статьи главы 3-й Уголовного Уложения 1903 г. «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы Императора и Членов Императорского Дома». Среди них выделялись статья 100-я, согласно которой «виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных Законами образа правления или порядка наследования Престола и отторжение от России какой-либо ее части», приговаривался к смертной казни, и 101-я, по которой «виновный в приготовлении к тяжкому преступлению» наказывался каторгой на срок не свыше 10 лет.

Постановление Временного правительства от 4 августа 1917 г. (подписано министром-председателем А. Ф. Керенским и министром юстиции А. Зарудным) изменило определение признаков преступления. Теперь виновные наказывались за «насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России, или на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов Верховной в

государстве власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую». В связи с отменой смертной казни была изменена и санкция (по статье 100-й – наказание в виде «бессрочной или срочной каторги», а 101-й – «заключение в исправительном доме или крепости»[23].

Правовые нормы, определявшие действия РСДРП(б) и контролируемых ими структур ВРК и Петроградского Совета, принципиально не отличались от принятых в уголовно-процессуальном законодательстве начала XX века. Эта же практика сохранялась длительное время и в нормативно-правовых актах, принимаемых белыми правительствами. Но с середины 1918 г. в их юридическую практику вводится тезис о необходимости выделения дел, относящихся к выступлению большевиков, в отдельное судопроизводство. Примечательны в этом отношении принятые почти одновременно постановления Верховного Управления Северной области «Об упразднении всех органов советской власти» (2 августа 1918 г.) и Временного Сибирского правительства «Об определении судьбы бывших представителей советской власти в Сибири» (3 августа 1918 г.).

В первом отмечалось, что наряду с упразднением «всех органов советской правительственной власти» подвергались аресту все работники Советов и комиссары, назначенные большевиками. Арест длился «впредь до выяснения следственными органами степени виновности их в содеянных советской властью преступлениях – убийствах, грабежах, предательстве родины, возбуждении гражданской войны между классами и народностями России, расхищении и злоумышленном уничтожении государственного, общественного и частного имущества под предлогом исполнения служебного долга и в других нарушениях основных законов человеческого общества, чести и нравственности». Для «расследования злоупотреблений и злодеяний и противозаконных действий агентов советской власти» создавалась Особая Временная Следственная Комиссия, получившая полномочия «возбуждать уголовные преследования как против агентов советской власти, так и против причастных к их преступной деятельности частных и должностных лиц всех ведомств…».

«Сибирское» постановление было примечательно тем, что в нем официально говорилось не только об уголовной, но и о политической ответственности «сторонников большевизма»: «все представители так называемой советской власти подлежат политическому суду Всесибирского Учредительного Собрания» и «содержатся под стражей до его созыва». Далее конкретизировались преступления с сугубо «сибирской

спецификой»: «…представители той же власти, совершившие преступные деяния, носящие характер государственной измены и предусмотренные ст. 108 Уголовного Уложения (вооружение военнопленных мадьяр и немцев, образование из них воинских частей для борьбы против Временного Сибирского правительства, расхищение золотых запасов и денежной наличности, порча железных дорог, уничтожение предметов продовольствия и проч.), а также виновные в преступных деяниях общеуголовного характера, совершенных ими при осуществлении советской власти и предусмотренных ст. 289, 1540, 1545, 1643 и др. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (расстрелы, конфискации имуществ, взыскания контрибуций, угрозы с корыстной целью, противозаконное заключение)», подлежали помимо «политической» также и общеуголовной ответственности[24].

Приход к власти Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, формирование всероссийского масштаба Белого движения, а также официальное провозглашение политики «красного террора» после покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. изменили правовое определение «борьбы с советской властью».

Но прежде рассмотрим т. н. «природу» политической власти Белого движения в Сибири и особенности «прихода к власти» адмирала Колчака. Было ли это «революционным актом», вполне сопоставимым, как считают некоторые современные публицисты, с действиями большевиков в октябре или т. н. «февралистов» в марте 1917-го (иными словами: «Колчак – такой же большевик, только с противоположным знаком»)?

Как произошел «переворот 18 ноября 1918 г.», а Колчак стал «Верховным правителем»?

В политико-правовой истории Белого движения события последних месяцев 1918 г. имели исключительное значение. Своеобразным «эпицентром» дальнейшей эволюции стали события в Омске. Главной причиной омского переворота 18 ноября 1918 г. был назревавший конфликт между «партийными» и «государственными интересами» в русле развития политического курса Белого движения – перехода от «коллегиального управления» к «единоличному». Главным поводом конфликта считалось циркулярное письмо ЦК партии эсеров, написанное в Уфе 22 октября 1918 г. и распространенное по телеграфу с традиционно революционным «заглавием» – «Всем, всем, всем». Идея письма-прокламации принадлежала лидеру партии В. А. Чернову, убежденному противнику любых компромиссов с «правыми». В письме заявлялось: «В предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены, с тем чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта. Работа по вооружению, сплачиванию, всестороннему политическому инструктированию и чисто военная мобилизация сил партии должны явиться основой деятельности ЦК, давая ему надежные точки опоры для его текущего, чисто государственного влияния». В той же прокламации ЦК эсеров осуждались переезд Директории в Омск, разрыв контактов со съездом членов Учредительного Собрания и передача важнейших должностей в правительстве «сибирским министрам». Недвусмысленный призыв «вооружаться» «всем силам эсеровской партии» не мог расцениваться иначе, как призыв к созданию, выражаясь современным языком, «незаконных вооруженных формирований». Выражалось и недоверие Директории, санкционировавшей образование Временного Всероссийского правительства.

После оглашения текста прокламации на заседании правительства 5 ноября Директория назначила расследование по данному факту. Премьер П. В. Вологодский и главнокомандующий генерал-лейтенант В. Г. Болдырев

выступили за немедленный арест эсеровского ЦК. Глава Директрии, правый эсер Н. Д. Авксентьев поручил расследование министру юстиции, генерал-прокурору С. С. Старынкевичу. Болдырева заверили, что в случае появления прокламации на фронте ее распространители должны нести ответственность по «законам военного времени». Помимо деятельности руководства партии эсеров, особое беспокойство вызывала активность товарища министра внутренних дел эсера Е. Ф. Роговского, пытавшегося сформировать (в качестве милицейского) отряд для «противодействия реакции». Для омского офицерства и казачества, для сибирских политиков, незадолго до этого уже имевших «опыт» подавления оппозиции Областной думы, необходимость «решительных действий» была вполне реальной. Воззвание эсеровского ЦК стало весьма удачным поводом для размежевания антибольшевистского движения[25].

Кроме организационных и политических разногласий внутри Всероссийского правительства накануне «переворота», немаловажное значение имела и активная «идеологическая подготовка» к нему, проводившаяся т. н. «национально-общественными организациями», главным образом в Омске. Неожиданным противником Директории стал омский отдел Всероссийского Союза Возрождения России (далее – СВР). Следует помнить, что по условиям т. н. «московского соглашения» весной 1918 г. между Союзом Возрождения и Национальным Центром всероссийская власть должна была создаваться на основе трехчленной Директории и безответственности перед Учредительным Собранием первого созыва. Омский отдел Союза Возрождения в специально составленном обращении «К сынам погибающей Родины» заявил основные тезисы своей программы и отметил свое несогласие с Директорией по двум важным моментам (состав правительства и ответственность перед Конституантой). «Война с внешним врагом – Германским Империализмом и его оружием – врагом внутренним – большевизмом, до полного освобождения всей России от немецкого и советского владычества» (тезис утрачивал актуальность в связи с окончанием Первой мировой войны. – *В.Ц.*), «содействие воссозданию сильной, дисциплинированной армии», «организация Всероссийской власти, которая объединила бы все области, освобожденные от большевизма и немцев». При этом утверждалось, что «Правительство Возрождения России должно быть образовано не по признакам партийности, а по признакам дееспособности и проникновенности началами патриотизма, государственности и народоправства. Правительство должно быть поставлено в условия полной

деловой независимости и самостоятельности во внутренней и внешней политике от партийных, классовых и иных группировок и должно действовать на основе тех положений, которые будут им усвоены при вручении ему власти».

Что касается Учредительного Собрания, то здесь омский СВР был категоричен: «Правильный состав Учредительного Собрания в настоящее время невозможен. Избранные в него большевики и левые социалисты-революционеры сами себя из него исключили. Польша не пришлет своих представителей, Кавказ и Украина также… Губернии с властью большевиков в состоянии дать лишь часть своих членов Учредительного Собрания. Тем не менее Всероссийская власть должна быть организована при участии членов Учредительного Собрания, кои могут быть по условиям переживаемого момента созваны. В создании этой власти должны принять участие представители общероссийских политических партий, стоящих на государственной точке зрения, а также представители местных, образовавшихся по ходу свержения советской власти, временных правительств».

Завершали обращение тезисы о «народоправстве», о демократическом самоуправлении: «Восстановление русской государственности на основах народоправства», «установление органов местного самоуправления, образуемых на основе всеобщего избирательного права», «доведение страны до Всероссийского Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Показательно, что омские социалисты (в составе отдела СВР) выступили в роли защитников аппарата Временного Сибирского правительства от «посягательств» Директории, хотя во время конфликта между правительством и Областной Думой поддерживали последнюю, обвиняя Административный Совет в «реакционности» (правда, один из основателей СВР А. А. Аргунов считал, что омский отдел не имел никакого права связывать себя с «подлинным» Союзом Возрождения). В этом отношении важен выпущенный омским СВР бюллетень, содержавший оценки Директории. Омский отдел СВР, Правление Совета съездов всесибирских кооперативов, омская группа Трудовой Народно-Социалистической партии, Всероссийский Совет съездов торговли и промышленности, Атаманская организация РСДРП «Единство», омский комитет кадетской партии и омская группа социалистов «Воля народа» выразили объединенную позицию «общественности» (эти же группы вошли в состав «Омского блока»). Приветствовалось решение Директории переехать в Омск, отмечалось, что «в сибирской окраине заложены прочные основания государственного строительства» и нужно «укрепить ту

систему военного и гражданского управления, которую практиковало Сибирское правительство». Директорию предупреждали от попыток сохранить деятельность Областной Думы, состав которой «не отвечает ни принципам народоправства, ни реальному соотношению общественных сил». Напротив, «разгорающаяся война за освобождение Отечества» требует «подчинить этой великой цели все другие задачи», и тогда, когда «воскресает надежда на народоправство в России, необходимо проявить политический аскетизм в настоящем». В заявлении «Всесибирской кооперации» выражалась уверенность, что в условиях конфликта Думы и правительства. Директория «не станет на сторону Думы», «преследующей личные интересы, а не государственные», а поддержит Временное Сибирское правительство, создавшее «административный аппарат, который, немного медленно, но зато верно, шаг за шагом, ведет нас к воссозданию России». Группа омских энесов отмечала, что «русской демократической власти, как и всей государственной демократии, надо резко отмежеваться от тех партийных слоев, от тех политических настроений… в которых государственное предательство и национальный развал до сих пор находят себе богатую почву». Наконец, Атаманская группа РСДРП «Единство» заявляла о «поддержке только такого правительства, которое будет бороться с анархией и антигосударственной работой некоторых политических партий». «Ликвидация Сибирской Областной Думы… полное недопущение вмешательства в дела правительства Съезда членов Учредительного Собрания (в противном случае к Съезду должны быть применены репрессии) … ликвидация политических партий и печати, ведущих борьбу с обороной страны и сеющих анархию в стране… недопущение к участию в общественных и профессиональных организациях большевиков и членов поддерживающих их партий» – вот требования омской рабочей организации.

Явный намек в отношении недопустимости контроля за исполнительной властью со стороны Съезда членов Учредительного Собрания содержали тезисы омских «воленародовцев»: «Никакие суррогаты представительных учреждений… не должны притязать ни на какую роль в государственном управлении, а тем более на контроль над действиями Верховного Правительства, которое, обладая в данный исторический момент всей полнотой суверенной власти, обязано дать отчет в своих действиях лишь перед органом подлинной народной воли». Несомненно, на позицию омских политиков повлияло своеобразное понимание приоритета «деловых» качеств Сибирского правительства перед «партийно-

политическим» составом Директории, что нашло отражение в пункте обращения СВР о «полной деловой независимости» создаваемого аппарата исполнительной власти. Так или иначе, но недостаточная поддержка Директории со стороны СВР и родственных ей организаций сыграла немаловажную роль в процессе прихода к власти «единоличного диктатора».

Но помимо «официальной» оппозиции, со стороны зарегистрированных в Омске общественных организаций нельзя не заметить участия в подготовке «переворота» «неформальных» групп сибирской «элиты». Своеобразным продолжением традиций «каргаловского кружка» стала деятельность политического салона М. А. Гришиной-Алмазовой, супруги отставного военного министра, вынужденного выехать на Юг осенью 1918 г. По оценке одного из участников «переворота», начальника разведотдела штаба 2-го Степного Сибирского корпуса капитана И. А. Бафталовского, «все чего-то ждали, хотели каких-то перемен, таили в душе мысли о преступной деятельности власти, но никто не решался смело и честно сделать первый шаг в направлении ее свержения. Первая смелая мысль по этому волнующему вопросу была брошена в салоне мадам Гришиной-Алмазовой… с течением времени этот гостеприимный и уютный салон становится интимным политическим центром, объединяющим военные и политические течения правого оттенка. Здесь можно было встретить членов Сибирского правительства с министром финансов И. А. Михайловым во главе (примечательный факт. – *В.Ц.*) представителей Ставки, генерала А. И. Андогского (начальник Николаевской военной академии. – *В.Ц.*), видных политических и общественных деятелей и доблестных молодых офицеров, тянувшихся в этот Русский дом в надежде найти исход из «политической волчьей ямы», в каковую увлекали Сибирь национальные предатели».

Сущность омских политических салонов довольно верно отметил занимавший при Колчаке должность генерала для поручений генерал-майор М. А. Иностранцев: «В самом Омске, скорее всего, господствовало правое и даже монархически-реакционное (политическое настроение. – *В.Ц.*). Было несколько салонов, в которых, как и подобает, главными действующими лицами являлись или женщины, или офицеры, преимущественно из кавалерии и казаков, считавшие, что никакой революции в России не было, а был военный бунт, который не был подавлен лишь вследствие слабой власти, растерянности и преждевременного, как они полагали, отречения Императора от престола. Все эти элементы держали себя вполне по-старому, открыто смеялись над демократическими идеями и

учреждениями и зачастую не стеснялись открыто высказывать мысли о необходимости полного возвращения к старому порядку. Но это были… большей частью наносные из Европейской России элементы или же офицеры Сибирского и других казачьих войск». Характеристику настроений салона Гришиной-Алмазовой вполне дополняет факт убийства на одном из вечеров офицера, якобы за оскорбительное поведение во время исполнения гимна «Боже, Царя храни».

«Смелый и решительный план переворота, зародившийся в головах кучки патриотов, – продолжал Бафталовский, – начал медленно осуществляться в своих подготовительных работах и действиях; детальную разработку этого акта, с технической стороны, взяли на себя: генерал Андогский, первый генерал-квартирмейстер Ставки – полковник Сыромятников и прибывший из Добровольческой армии полковник Лебедев. К ним присоединились в качестве помощников представители Штабов: Сибирской Армии – капитан Буров и 2-го Степного Сибирского корпуса – капитан И. А. Бафталовский. Финансирование государственного переворота взял на себя министр финансов Михайлов, который действительно выдавал щедрой рукой необходимые средства». То, что из членов правительства наиболее активную роль в низложении «уфимской группы» суждено было сыграть именно Михайлову, подтверждалось его негативным отношением к возникновению Директории, к работе Уфимского Государственного Совещания. Но называть его категоричным сторонником «правых» взглядов неправомерно. Его сотрудничество с эсерами, участие в работе Челябинского Совещания показывало, что он был сторонником единоличной власти с обязательной опорой на общественную поддержку, а не власти узкопартийной, на которую, как считалось, опиралась Директория.

Согласно «плану переворота» предполагалось «арестовать Авксентьева, Зензинова и Аргунова и, создав исключительно политически тяжелую обстановку, поставить остальных членов Правительства правого толка в такое положение, при котором они вынуждены были бы по собственному сознанию согласиться на необходимость сосредоточить всю власть – как военную, так и гражданскую – в руках одного лица». Показательно, что заговорщики использовали, в общем, не оригинальную схему «переворота», а схожую с той, которую предполагалось применить летом 1917 г., накануне выступления Корнилова. Вероятно, что эту схему продвигал именно Лебедев, один из лидеров Союза офицеров, готовивших «корниловщину». В 1917 г. Керенского и правительство предполагалось «поставить перед фактом»

выступления военных с требованиями усиления власти, ликвидации Петроградского совета и создания Совета народной обороны. И в 1918 г., для придания максимально возможной (в тех условиях) легальности, предполагалось не свержение правительства или арест всех членов Директории, а только «постановка в положение», при котором министрам невозможно уклониться от фактической поддержки заговорщиков и создания новой власти.

Так же как летом 1917 г. «национально-патриотическая общественность» выдвигала на ведущие позиции Л. Г. Корнилова, так и осенью 1918 г. на эти же позиции выдвигался военный министр, вице-адмирал А. В. Колчак. Считать его непосредственным организатором и тем более исполнителем заговора нельзя. Но, по справедливому замечанию Бафталовского, во время подготовки «переворота» будущий Верховный правитель России «дал свое принципиальное согласие на принятие всей полноты власти при том непременном условии, чтобы таковая была ему вручена специальным актом Временного правительства, а не захватом власти». Об этом же писал в своих воспоминаниях бывший глава Административного Совета Временного Сибирского правительства И. И. Серебренников. Отметив желание Колчака не «задерживаться в Омске» и, «в не так далеком будущем, проследовать на Юг, к Деникину», высказанное им в приватных беседах накануне «переворота», он тем не менее считал, что «Колчак был осведомлен о заговоре и дал заговорщикам свое согласие принять на себя бремя диктатуры», поскольку «без этого предварительного согласия адмирала устроители переворота едва ли рискнули бы совершить таковой». По точному замечанию Серебренникова, «Директории противопоставляли диктатора – таким представлялся выход из создавшегося положения». «Создавалась такая обстановка, которая вела к перевороту: справа желали видеть в Омске, как можно скорее, диктатуру; слева делали все возможное к тому, чтобы ускорить ее появление».

Ход «омского переворота» достаточно хорошо известен и отражен в источниках и историографии. Роль исполнителей взяли на себя сибирские казаки. Офицерами партизанского отряда войскового старшины И. Н. Красильникова в ночь с 17 на 18 ноября были арестованы социалисты-директоры Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов и В. М. Зензинов, а также товарищ министра внутренних дел Е. Ф. Роговский. Предполагавшиеся контрмеры со стороны командира 2-го Степного корпуса генерал-майора А. Ф. Матковского (вр. и. д. командующего Сибирской армией) были нейтрализованы офицерами-заговорщиками из его штаба. После

того как организаторы ареста (вр. и. д. начальника Сибирской казачьей дивизии полковник В. И. Волков, командир 1-го сибирского казачьего полка войсковой старшина А. В. Катанаев и сам Красильников) добровольно явились на квартиру к министру юстиции Старынкевичу и «передали себя в руки правосудия», арестованные члены правительства были отпущены. Никто из задержанных не пострадал. Одновременно был разоружен «отряд особого назначения» Роговского, сформированный (при участии эсеровской партии) для охраны Директории.

Пока арестованные директоры находились в здании сельскохозяйственного института, в ночь с 18 на 19 ноября 1918 г. произошла настоящая «смена власти»: ход заседания экстренно собравшегося Совета министров дает определенное представление о «пружинах» заговора и последующего образования диктатуры. В самом начале заседания был четко поставлен вопрос «о дальнейшем функционировании Верховной власти в связи с происшедшими событиями, в силу которых из состава Временного Всероссийского правительства оказывается налицо только два члена (Вологодский и Виноградов. – *В.Ц.*)». При этом подчеркивалась важная деталь: «Эти оставшиеся члены входили в состав Совета министров, в качестве председателя Совета министров и заместителя Председателя Совета министров, и участвуют в настоящем заседании, вследствие чего верховная власть, за невозможностью функционирования Временного Всероссийского правительства, естественно переходит (показательная правовая характеристика. – *В.Ц.*) к Совету министров, который, будучи ответственным за судьбы государства, ни на один момент не должен допускать перерыва в функционировании верховной власти».

Омский журналист А. Гутман (Ган) верно определил характер «переворота»: «Очевидно, юристы, участвовавшие в заговоре (таковыми считались, прежде всего, специалист в области государственного права, будущий министр юстиции Тельберг, министр внутренних дел Гаттенбергер, председатель т. н. Омского блока адвокат В. А. Жардецкий. – *В.Ц.*), всячески старались найти лояльный титул для нелояльного акта. Им важно было представить дело так, будто наступили непредвиденные обстоятельства, Директория распалась от происшедших стихийно событий, и тогда, чтобы спасти власть, произведена была реконструкция правительства. Таков был остроумный выход из положения, считавшийся с точкой зрения юристов. Эту комбинацию молва приписывала тогда министрам Михайлову и Тельбергу. Она была действительно столь же примитивной, сколь и остроумной. Группа офицеров производит самочинно арест

членов Директории (Авксентьева, Зензинова и Аргунова); этот арест, во-первых, подорвет престиж Верховного правительства и, во-вторых, механически приведет к распадению правительственной «пятерки»; создастся положение, при котором Совет Министров вступает в права верховной власти, и тогда-то он прокламирует передачу ее в полном объеме диктатору». Таким образом, применялась схема «переворота», при которой происходил не развал всей системы власти и не «низложение» ее высших структур, а лишь замена ее новой моделью управления. В сложившейся системе «исчезают» (причем «незаконно», что не оспаривалось) лишь отдельные элементы власти (арестованные директоры), а оставшиеся правомочные структуры организуют новую власть, сохраняя тем самым столь важные для Белого движения принципы правопреемственности. Не случайно первая же фраза воззвания Колчака «К населению России» должна была продемонстрировать именно вмешательство неких независимых от Совета министров «сил»: «18 ноября 1918 года Всероссийское Временное правительство распалось» (в отличие, например, от обращения Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России» от 25 октября 1917 г.: «Временное Правительство низложено»)[26].

Такая «схема» переворота полностью осуществилась. Вологодский был возмущен действиями военных и собирался подать в отставку, о чем и заявил во время заседания. Он потребовал немедленно судить всех участников переворота. Подобное поведение опровергает расхожий тезис об осведомленности и заинтересованности премьера в совершенном перевороте. Но его благородное негодование встретило весьма сдержанную реакцию остальных министров. Гинс «доказывал, что Красильников сделал только то, что давно надо было сделать, что арест его не встретит сочувствия в общественной среде, ибо Директорией давно все недовольны». Гинса дружно поддерживали другие члены Совета министров[27]. Против выступил министр труда, меньшевик Л. И. Шумиловский. Член Директории, кадет Виноградов, первым произнес ожидаемое всеми слово «диктатура», но он же отказался признать факт реального перехода к новой власти, заявив об отставке. Однако в «схеме» был правовой изъян, на который обратил внимание будущий помощник Верховного правителя по отделу снабжения генерал-лейтенант Д. В. Филатьев: «Не Совет министров избирал Директорию, а Директория назначала министров, образовавших Совет, почему последний, хотя бы и в период революции, не должен был считать себя правомочным замещать Директорию. Ему надо было придумать какую-то более приличную и хотя бы

по видимости более легальную форму перестроения власти, чтобы это не носило характера переворота».

События 18–20 ноября 1918 г. с правовой точки зрения с полным основанием можно считать государственным переворотом. Но, говоря о «перевороте», следует учитывать не только терминологическую, но и политико-правовую разницу между «переворотом» и «бунтом», «низложением» власти. По мнению министра юстиции Российского правительства С. С. Старынкевича, переворот сохранял основы правовой системы и не носил, в силу этой причины, революционного, «бунтарского» характера, хотя по форме своей и не выглядел легальным актом.

В то же время, в оценке Старынкевича и в квалификационном решении Правительствующего Сената от 23 ноября 1917 г., дающем оценку действиям Петроградского Совета и Военно-революционного комитета, которые привели к «низложению» Временного правительства, отмечалось: «Сенат признал, что восстание так называемых коммунистов есть бунт; это не есть переворот, который создает, в конечном итоге, новую жизнь, творит новые ее формы… это результат деятельности захватчиков власти». Термин «низложение» в политико-правовом контексте того времени означал именно «насильственный характер» по отношению к тем или иным структурам власти.

Но факт незаконного лишения свободы государственных деятелей, хотя бы и принадлежавших к партии, чей ЦК призывал к вооруженному сопротивлению, требовал расследования и наказания виновных. Совет министров принципиально признал, что тот порядок, при котором лица в военной форме подвергают аресту носителей верховной власти, является совершенно недопустимым. Волков, Катанаев и Красильников сами отдали себя воле правосудия. Повторялась та же история, что с арестом министра Новоселова в сентябре 1918 г., причем в обоих «деяниях» участвовал начальник Омского гарнизона войсковой старшина Волков. Теперь действия военных квалифицировались как «преступное посягательство на «верховную власть», и против них возбуждалось уголовное преследование по ст. 100 Уголовного Уложения («насильственное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части установленного Законами Основными образа правления», трактовалось в решении Совета министров как «посягательство на Верховную власть с целью лишить возможности осуществлять таковую»). Однако сам переворот оправдывался «сильным недовольством нерешительной политикой Временного Всероссийского правительства по отношению к тем левым течениям, которые вновь начинали свою разрушительную противогосударственную работу, выразившуюся

в составлении и распространении преступных прокламаций, попытках частичных восстаний и др.». Приговор «чрезвычайного военного суда» следовало «представить на конфирмацию Верховного Правителя», что само по себе уже предполагало возможность его изменения. Ведь итоги дела могли быть разными[28].

Судебные слушания состоялись, однако в официозной прессе того времени выражалось настолько широкое возмущение действиями ЦК эсеров, что суд вынес участникам «переворота» оправдательный приговор. Сам «факт ареста носителей верховной власти свидетельствовал о полной их неприспособленности к выполнению тех высоких обязанностей, которые были на них возложены». Адвокатом на процессе выступал Жардецкий, которому приписывали негласное «соучастие в событиях». Юридическим основанием оправдания считалось отсутствие специальных правовых норм, устанавливающих ответственность за выступления именно против отдельных членов Директории, а не против «верховной власти» вообще (в данное понятие, следует помнить, входил и Совет министров).

Эта оценка событий доминировала во всех официальных заявлениях Совета министров в 1918–1919 гг. «Суверенная Директория была составлена из людей различных политических групп, у нее не было прочности цельного камня, она была искусственно склеена из разных кусков. А возле нее стоял тоже претендент на верховную власть – постоянно заявляющий о себе односторонне партийный состав, осколок Учредительного Собрания». Тем не менее и Уфимское Государственное Совещание, и Директория выполнили свои «исторические задачи». «Всероссийская Директория, несмотря на кратковременность ее существования, совершила великое, глубокого значения дело. Она внесла еще большее единство в движение государственности, она выкинула трехцветный национальный флаг… Задача объединения была решена – вся территория подпала под одно кормило власти. Осталась другая задача – укрепить самую власть».

«День 18 ноября – великий день преобразования власти, – говорил Гинс в интервью по случаю годовщины образования Временного Сибирского правительства. – Избрание Верховного Правителя окончательно оформило подготовлявшееся всем предыдущим процессом объединение и слияние власти. Характер ее остался тот же – та же программа (важное признание. – *В.Ц.*), те же временные ответственные задачи, те же органы управления, но иной стала внутренняя прочность: власть стала нерушимой скалой». По его мнению, и Директория, и Сибирское

правительство имели определенные изъяны в своей деятельности. Но если Директория, как отмечалось выше, отличалась «партийно-политической» узостью, то Временное Сибирское правительство «состояло из людей не столько различных по взглядам, сколько различных по характерам, притом – суверенное по своим заявлениям, оно не было вполне свободным и независимым по своим действиям. На верховную власть претендовала и Сибирская Областная Дума».

Примечательно, что омские министры, имевшие непосредственное отношение к «перевороту», пытались обосновать его не столько с позиций легальности, сколько с позиций легитимности, акцентируя внимание на преимуществах того порядка управления, который удалось создать в белой Сибири к концу 1918 г. Гинс отмечал специфику произошедших событий, исходя из принципа исторической закономерности и неизбежности смены модели власти: «История имеет свои законы… Когда начался могущественный прилив патриотических чувств, тогда никакие искусственные плотины не могли его удержать. Патриотизм местный уступил напору волны национальных порывов». В 1919 г. перед властью открывались новые задачи: «Основы, на которых покоится Верховная Власть, – это сознательность армии и спокойствие тыла… Спокойствие тыла зависит от доброкачественности управления. Совет Министров должен стать гражданской Ставкой (аналог Ставки Главковерха. – *В.Ц.*), руководящей всеми живыми силами тыла. Он должен использовать всю общественность, всех привлечь к созидательной работе и, опираясь на общую поддержку, превратиться в крупную политическую силу, которая была бы достойной и надежной опорой Верховной Власти».

Идеи Гинса о неизбежности событий 18 ноября поддерживал Тельберг, пытавшийся обосновать легитимность новой власти как власти, основанной на прочном фундаменте «здоровой, государственной» политики, проводившейся Сибирским правительством в течение лета – осени 1918 г. «Сибирское Правительство, отчасти под влиянием лиц, его составлявших, отчасти под воздействием здоровых общественных кругов, его окружавших, раньше других усвоило ту практическую истину, что власть должна быть сильной, а чтобы быть сильной, нужно подорвать внутренние источники бессилия, доставшиеся нам в наследие от большевиков… С первых дней своего бытия Сибирское Правительство, руководимое здоровым государственным чутьем, постаралось раскрыть скобки того широкого понятия, которое выражается словами «возрождение государства». Возродить государство – это значит отстроить

заново все основные элементы государственной жизни, т. е. власть, порядок, закон и свободу. И Сибирское правительство… восстановило местный аппарат власти, устроило милицию, вызвало к жизни… деятельность местного самоуправления… Чтобы обеспечить порядок, Правительство не убоялось упреков людей, сохранивших иллюзии от эпохи «уговоров и воззваний», и пошло на самые суровые меры репрессии, потому что в тяжелые минуты государственной жизни приходилось думать не об исправлении и вразумлении людей, опасных для государства, а об обезвреженииих хотя бы самыми беспощадными мерами». Особых сожалений по поводу произошедших событий не высказывалось, ведь впереди (как считалось) была очевидная победа над советской властью и легализация нового порядка управления государством через новое Всероссийское Учредительное Собрание. «Правительство, держащее в руках власть, – замечал Тельберг, – обязано обеспечить Учредительному Собранию не обстановку смуты и бессилия, в которой оно может еще раз пасть под ударами большевиков слева и справа, а обстановку, достаточную для его авторитета и необходимую для успеха того великого исторического дела, которое оно призвано совершить»[29].

После свершившегося факта ареста членов Директории у Совета министров существовало две альтернативы. Первая, вполне логичная, заключалась в незамедлительном освобождении арестованных Директоров и восстановлении прежнего правового статуса Директории. Но это, по словам Гинса, «казалось немыслимым». «Факт свержения Директории был признан… Власть могла перейти к трем оставшимся членам Директории (Вологодскому, Болдыреву и Виноградову. – *В.Ц.*), но это был бы суррогат Директории, идея которой, как коалиции, умирала вместе с выходом «левой» половины. Принятие власти всем составом Совета министров было бы повторением неудачного опыта Временного Российского Правительства князя Львова и Керенского». В протокольной записи заседания Совета министров было отмечено, что «восстановление его могло бы вызвать смуту, борьбу партий, протесты армии и таким образом гибельно отразилось бы на деле возрождения русской государственности»[30]. Вторая альтернатива – признание незаконности переворота и выход из создавшейся всероссийской коалиции, возврат к «областничеству». «Но жребий был брошен, – писал Гинс, – провозгласив лозунг объединения, возвращаться в областничество казалось уже безумием. Страна вновь распалась бы, и мучительный процесс ее собирания мог бы оказаться более трудным. В момент собирания страны, при попытке создания

общегосударственного центра, областничество может быть только вредно»[31].

Все же на этот путь пыталась встать Башкирия. Уфимская городская дума на заседании 22 ноября осудила переворот, а правительство Башкирии заявило, что «всякого отступления от программы Уфимского Совещания не допустит и никакого правительства, допускающего отступления от него, не признает». В ночь с 1 на 2 декабря, по инициативе главы национального правительства Ахмета-Заки Валидова и видного эсера В. А. Чайкина, в Оренбурге была произведена неудачная попытка ареста войскового атамана Дутова, поддержавшего Колчака. Позднее башкирские политики встали на путь сотрудничества с советской властью, а часть башкирских полков перешла на сторону Красной армии[32].

Потребовал отмены решения суда над участниками переворота и заявил о своем неподчинении адмиралу Колчаку полковник Г. М. Семенов, занимавший с сентября 1918 г. должность командующего 5-м Приамурским корпусом и походного атамана Амурского и Уссурийского казачьих войск. Правда, конфликт носил характер личной неприязни к Колчаку, ведь Семенов не высказывался против единоличной власти, но считал, что на роль диктаторов более подходят Деникин, Хорват или Дутов. Не последнюю роль здесь играли конфликты между Колчаком и Семеновым летом 1918 г., связанные с вопросами служебного подчинения Особого Маньчжурского отряда военному командованию на КВЖД. Назначенная Чрезвычайная следственная комиссия для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц не смогла собрать достаточного количества материалов для обвинения самого полковника в измене, хотя и собрала факты служебных злоупотреблений со стороны подчиненных Семенова. Вмешательство атамана Дутова и полученные от Колчака должности главного начальника Приамурского края, помощника командующего войсками Приамурского военного округа и чин генерал-майора сделали Семенова фактическим «диктатором Забайкалья» («гражданским» руководителем Забайкальской области стал известный общественный деятель С. А. Таскин). Конфликт был исчерпан приказом Верховного правителя № 136 от 27 мая 1919 г. Примечательна позиция атамана Дутова, выраженная им в телеграмме Семенову о признании Колчака: «Вы признаете на этот пост достойными Деникина, Хорвата и меня. Хорват признал власть Колчака, о чем я извещен так же, как и Вы. Полковник Лебедев от имени Деникина признал власть Колчака (подробнее о позиции Лебедева в разделе о взаимоотношениях белого Юга и

Сибири). Таким образом, Деникин и Хорват отказались от этой высокой, но тяжелой обязанности. Я и войско мое признали власть адмирала Колчака тотчас же по получении об этом извещений, и тем самым исключается возможность моей кандидатуры. Следовательно, адмирал Колчак должен быть признан и Вами, ибо другого выхода нет. Я старый борец за Родину и казачество, прошу Вас учесть всю пагубность Вашей позиции, грозящей гибелью Родине и всему казачеству. Сейчас Вы задерживаете военные грузы и телеграммы, посланные на адрес Колчака, – Вы совершаете преступление перед своей Родиной и в частности перед казачеством… Неужели Вы допустите, чтобы славное имя Семенова в наших степях произносилось с проклятием? Не может этого быть! Я верю в Вашу казачью душу и надеюсь, что моя телеграмма рассеет Ваше сомнение и Вы признаете Колчака Верховным Правителем Великой России». Семенов ответил телеграммой в Омск: «Получив сегодня, 27 мая, по телеграфу приказ за № 136, счастлив донести Вашему Высокопревосходительству, что Ваше справедливое решение ликвидировало последние шероховатости общегосударственной работы по воссозданию Единой и Неделимой России. Всецело и безусловно подчиняясь Российскому правительству, возглавляемому Вами как Верховным Правителем, доношу, что и я и вверенные мне войска с прежним пылом горячей и беззаветной любви к Родине будем продолжать свое бескорыстное служение под руководством и начальствованием нашего Верховного Главнокомандующего».

Российское отделение Чехословацкого Национального Совета заявило протест по поводу «событий в Омске». В официальном обращении говорилось: «Чехословацкая армия, сражаясь за идеалы свободы и народовластия, не может и не будет симпатизировать насильственным переворотам». «Переворот в Омске 18-го ноября нарушил принципы законности. Мы, представители чехословацкого войска, сожалеем, что в тылу армии происходят такие перевороты, и поэтому думаем, что правительственный кризис, сопровождаемый арестом членов Временного правительства, будет разрешен законным порядком и что таковой считается неоконченным». Однако на фронте позиция Совета не нашла поддержки. Один из авторитетных чехословацких военачальников, генерал-майор Р. Гайда (командующий Екатеринбургской группой войск), заявил о своем нейтралитете, что сыграло определяющую роль в неудачной попытке Съезда Учредительного Собрания организовать противодействие «омскому перевороту» в Екатеринбурге.

Действия данного Съезда могли оказаться гораздо более

опасными для «переворотчиков». Еще накануне «переворота» Съезд поставил на обсуждение прокламацию эсеровского ЦК. И хотя абсолютного большинства Съезда призыв к оружию против «реакции» не получил (18 голосов было отдано в поддержку прокламации, 12 – против нее и 32 – воздержались), становилось ясным, что симпатии «учредиловцев» не на стороне омских политиков и военных. После 18 ноября председатель Съезда, бывший глава Самарского Комуча В. К. Вольский, выступил с воззванием «Ко всем народам России», в котором отметил, что после ареста членов Директории «часть министров, во главе с членом Правительства Вологодским, нарушила торжественное обязательство, подписанное ими самими, захватила власть и объявила себя Всероссийским Правительством, назначив диктатором адмирала Колчака». Съезд «брал на себя борьбу с преступными захватчиками власти», создавая ответственный «Комитет» и «уполномочив его принимать все необходимые меры для ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков». В состав Комитета избрали Чернова, Вольского и членов Собрания – Галкина, Федоровича, Брушвита, Фомина и Иванова – т. н. «семерку». Комитет становился своего рода альтернативной властью по отношению к Омску и должен был «войти в соглашение с непричастными к заговору членами Всероссийского Временного правительства, областными и местными властями и органами самоуправления, Чешским Национальным Советом и другими руководящими органами союзных держав».

Безусловным противником «переворота» объявил себя Совет Управляющих ведомствами Комуча. В телеграмме из Уфы на имя Вологодского, подписанной председателем Совета Филипповским и его членами (П. Д. Климушкин, И. Нестеров, М. А. Веденяпин), декларировалось: «Узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское Правительство и Учредительное Собрание, никогда не будет признана. Против реакционных банд Красильникова… Совет готов выслать свои добровольческие части». Вологодскому предлагалось незамедлительно освободить арестованных, наказать заговорщиков и «объявить населению и Армии о восстановлении права Всероссийского Временного Правительства». В противном случае Совет намеревался объявить председателя Совета министров «врагом народа» и «предложить всем областным правительствам активно выступить против реакционной диктатуры в защиту Учредительного Собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа». Фактически Совет Комуча предлагал не только вернуться к

упраздненному самой же Уфимской Директорией «областничеству», но и угрожал созданием «нового фронта междоусобной войны». В Екатеринбурге к бывшим членам Областного правительства Урала был делегирован Н. В. Фомин, пытавшийся доказать необходимость восстановления уральского правительства. Были изданы плакаты, гласившие: «В Омске совершен государственный переворот… Становитесь все в ряды русско-чешских полков имени Учредительного Собрания, в ряды отряда Фортунатова и добровольческих полков Народной армии. Не медлите ни часа. В промедлении – смерть демократии. А вместе с ней – и смерть начавшей возрождаться Великой России. К оружию! Все – за Учредительное Собрание!»

Колебался и член Директории, Верховный Главнокомандующий генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, бывший в дни «переворота» на фронте. Согласно его требованиям, предъявленным по телеграфу Колчаку, адмиралу нужно было «восстановить Директорию, немедленно освободить и немедленно восстановить в правах Авксентьева и др. и сложить с себя все полномочия». В этом Болдырева поддерживал и будущий правитель Приамурского края генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, считавший «диктатуру желательной», но долженствующей прийти «путем эволюции», а не «революционным порядком». Болдырев заявлял, что в Омске следовало дождаться его возвращения с фронта и участия в заседании (что «обеспечило кворум» в принятии решений). Арестом Авксентьева и Аргунова, как он считал, нарушались нормы «правового государства». Однако «снять с фронта» войска и направить их «на Омск» Болдырев не решился. Согласно его воспоминаниям, «массы подготовлены не были» к поддержке лозунгов партии эсеров и Съезда членов Учредительного Собрания. «Выиграют, и выиграют крупно, от всей затеянной Омском и возглавленной Колчаком авантюры только большевики»[33].

Итак, Совет министров не колеблясь встал на «новый путь» создания власти. Провозглашенное возрождение Единой России нужно было сохранять любой ценой, а перевороту следовало придать правовую форму. Первым указом Совета министров военный министр вице-адмирал А. В. Колчак производился в адмиралы (это ставило его на уровень генерала от инфантерии – чина, носителей которого среди военных претендентов на власть в белой Сибири в то время не было). Затем было принято постановление: «Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства, постановил принять на себя

полноту верховной государственной власти». Таким образом, идея правопреемственности (хотя и условно) реализовалась в модели новой власти в форме соединения легальных структур Совета министров и Директории. Именно в понимании сущности этого единства применима формулировка «наличные члены Временного Всероссийского Правительства». Подобный прецедент (передача власти правительством) имел место, в частности, в сентябре 1917 г., когда третий коалиционный состав Временного правительства передал власть «коллективному правителю» – Совету пяти (Директории), во главе с «директором-председателем» Керенским (санкционировавшему затем создание нового правительства, в состав которого вошли и члены Директории). Теперь власть нужно было передать «единоличному правителю». В обоснование легальности акта считалось необходимым добиться осуществления принципа персональной преемственности, столь часто используемого различными антибольшевистскими режимами в ходе Гражданской войны. В данном случае речь шла о председателе Совета Министров Вологодском, бывшем и членом Директории: «Всем казалось необходимым сохранить во что бы то ни стало Вологодского во главе министров, и Петру Васильевичу пришлось… обеспечить преемственность государственной власти своим присутствием в составе нового Правительства. Предполагалось, что сохранение Вологодского и вообще всего делового состава Совета Министров в значительной степени смягчит впечатление переворота»[34]. Вологодский, первоначально считавший недопустимым свое присутствие в составе нового правительства, в качестве своеобразного «санкционирования происшедшего» все же согласился «сохранить свой портфель».

Но, несмотря на выражение «персональной преемственности», обоснование правомочности белой власти оставалось неустойчивым. «Цепь власти», переброшенная от актов февраля 1917 г. – через Учредительное Собрание, региональные правительства, Временное Всероссийское правительство – до Российского правительства 1919 г., нуждалась в постоянном укреплении не только своего легального статуса, но и легитимного «общественного признания». Позднее, летом – осенью 1919 г., для этого предполагалось использовать представительные структуры. Следующим актом новой власти провозглашалось: «Ввиду тяжкого положения Государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной Власти в одних руках, Совет министров постановил: передать временно осуществление Государственной Власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного

Правителя».

Завершающими актами «переворота» стали приказ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 1/40 от 18 ноября 1918 г., обращение Верховного правителя к населению России и т. н. «Конституция 18 ноября» (Положение о временном устройстве государственной власти в России). В соответствии с предоставленной ему «полнотой власти» Колчак принял на себя «Верховное командование всеми сухопутными и морскими силами России» (хотя, согласно статье 19 «Положения о полевом управлении войск», мог назначить на должность Главковерха и другого военачальника). В данном случае уместна ссылка на правовой прецедент, когда государь император Николай II, будучи и главой государства, и державным вождем Российской армии и флота (согласно ст. 14 Свода основных законов), возложил на себя в 1915 г. обязанности Верховного Главнокомандующего. Таким образом, в одном лице произошло совмещение высшей государственной, высшей военной и высшей оперативно-распорядительной власти на фронте[35]. Целесообразность диктатуры определялась так: «Сосредоточение власти, отвечающее общественным настроениям, остановит, наконец, непрекращающиеся покушения справа и слева на не окрепший еще государственный строй России – покушения, глубоко потрясающие государство в его внутреннем и внешнем положении и подвергающие опасности политическую свободу и основные начала демократического строя. Сосредоточение власти необходимо как для деятельной борьбы против разрушительной работы противогосударственных партий, так и для прекращения самоуправных действий отдельных воинских отрядов, вносящих дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны и в общественный порядок и спокойствие».

В отношении уфимских и екатеринбургских «учредиловцев» были приняты жесткие меры. Опираясь на уже принятое Директорией решение о роспуске региональных правительств (Грамоты от 4 и 6 ноября), Колчак издал распоряжение (30 ноября) о ликвидации «попыток поднять восстание против Государственной власти». «Бывшие члены Самарского Комитета членов Учредительного Собрания, уполномоченные ведомств бывшего Самарского Правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени, несмотря на указ об этом бывшего Всероссийского Правительства, и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе» объявлялись «вне закона». Всем воинским начальникам предписывалось «решительным образом пресекать преступную работу

вышеуказанных лиц, не стесняясь применением оружия», а также «арестовывать таких лиц для предания их военно-полевому суду». Но еще до издания приказа Верховного правителя, 19 ноября, офицерами 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков были арестованы члены Съезда и «семерка» Комитета во главе с Черновым (после этих арестов офицеры-стрелки, как и казачьи офицеры в Омске, написали заявления с требованием о привлечении их к суду). Оппозиционные Колчаку структуры фактически распались[36].

Немаловажную роль в омских «событиях» сыграл и психологический фактор – предрасположенность к диктатуре со стороны большинства политических участников Белого движения (для военных принцип единоначалия сам по себе неоспорим). По словам Гутмана (Гана), «остановившись на идее необходимости диктаторской власти, никто из инициаторов предстоящего акта не отдавал себе отчета, какова должна быть в жизни эта власть и какими качествами должен обладать ее носитель. Горькие опыты коллективной власти – коалиционной и чисто социалистической, приведшей к возвышению ряда поразительно похожих друг на друга, безвольных и ничтожных людей в качестве правителей, и доведшей государство до полной катастрофы – были всем памятны. Все поэтому мечтали видеть во главе новой государственности человека типа Наполеона, или уж по крайней мере Джорджа Вашингтона. Это должен был быть прежде всего человек непреклонной воли, который быстрыми мероприятиями смог бы подчинить народ своим разумным велениям и повести его за собой. Русское мыслящее общество приветствовало бы и подчинилось бы всякому, кто бы сумел в этот тяжкий час истории высоко поднять затоптанное в грязи национальное знамя. Но мало было одной воли для создания нового государства на пепелище страшного разрушения. Диктатор должен был обладать и государственной мудростью, и дипломатическими способностями. Наконец, для выполнения грандиозного дела нужны были хорошие, столь же энергичные, как и самоотверженные исполнители. Диктатором мог быть только военный генерал, ибо первой задачей новой власти была организация сильной и боеспособной армии. Однако для всех этих рассуждений тогда не было спокойствия и времени. Атмосфера была накалена до крайности, и люди действовали, не рассуждая. Не впадая в ошибку, можно сказать: выбор пал на адмирала Колчака случайно. Он мог пасть и на другого видного генерала, если бы таковой попал в омскую обстановку (не случайно в Совете министров баллотировались трое наиболее известных и высокопоставленных военных Востока России

(Хорват, Болдырев и Колчак. – *В.Ц.*)». Согласно листу закрытой баллотировки, лишь один голос получил генерал Болдырев, а голоса остальных 13 членов Совета министров были отданы Колчаку.

Профессор Академии Генштаба генерал-майор М. А. Иностранцев вспоминал: «Меня как историка по специальности несколько смущали следующие обстоятельства. Во-первых, я знал, что процесс провозглашения диктатуры, как учит история, бывает несколько иной, чем тот, который имел место в данном случае. Как известно, ни один диктатор никогда не был избран и никто ему власть не вручал, а обыкновенно он брал ее сам, а затем заставлял себя избирать. Во-вторых, на роль диктатора, как показывает опять-таки история, почти всегда попадал популярный вождь войск, боготворимый массами, черпавший свое обаяние из ореола побед, одержанных этими массами именно под его начальством (почему он и бывал, с одной стороны, неуязвим для всех, кому был неугоден, а с другой – полновластен). Между тем, допуская даже, что Колчак был весьма популярен во флоте, хотя больших, импонирующих его авторитету побед за ним и не было, но, во всяком случае, в условиях сибирской, а затем и всероссийской обстановки роль флота представлялась ничтожной, если не нулевой, а для сухопутных войск, т. е. тех, которым предстояло делать главное дело, имя адмирала Колчака говорило очень мало, а авторитета знаний и таланта в области ведения военных действий на суше не было, да и быть не могло. Таким образом, главная надежда на успех диктатуры и твердость ее могла покоиться лишь на силе характера и энергии для восстановления на новых началах разрушенного государственного порядка и на способности держать сильную власть». Характерную историческую параллель отмечал и генерал Филатьев: «Дата 18 ноября явилась счастливым историческим совпадением: 18-го же ноября 1799 года, по революционному календарю 18 брюмера, Наполеон сверг Совет пятисот и с этого дня начал править Францией единолично».

Но не только психологический и исторический смысл можно было усмотреть в событиях 18 ноября. По мнению управляющего Министерством иностранных дел российского правительства И. И. Сукина, «характер постановления на власть адмирала Колчака был полон глубокого смысла. Колчак был избран – это несомненно, и не народным голосованием, а лишь волей и свободным решением людей, его окружавших. Эти деятели, считая себя связанными до конца с личностью выдвинутого ими героя, стали сознательно его возвеличивать… Внешними знаками почтения, атрибутами власти и приказаниями, мы подчеркивали

его авторитет и делали это сознательно, рассматривая Колчака как дорогое детище нашего национального дела… В дальнейшем, при осложнившейся политической обстановке, из этого родилось целое политическое течение, требовавшее усиления военной диктатуры, увеличения дискреционной власти адмирала, большей независимости от Совета министров, проявления его собственной личности в суждениях и решениях и ослабления той конституционности, значение которой Колчак понимал и за которую крепко держался»[37].

Так 18 ноября 1918 г., по существу, завершилось формирование военно-политической доктрины Белого движения. Дальнейшие периоды (1919–1922 гг.) будут свидетельствовать лишь о ее эволюции, развитии, в зависимости от совокупности внутренних и внешних факторов во всероссийском и региональном масштабах. Если провозглашение 23 сентября 1918 г. единой всероссийской власти в Уфе означало переход от «областнических» рамок к «государственному» масштабу, то «омский переворот» стал не только переходом от «коллегиальной диктатуры» к «единоличной», но и утвердил модель военно-политического управления, ориентированного на скорое и победоносное, как представлялось ее создателям, окончание Гражданской войны. В этом проявилось также окончательное выделение Белого движения из антибольшевистского фронта. Образование всероссийской власти в форме Директории имело целью достичь единство в антибольшевистском движении, и если говорить о перспективе, то деятельность Временного Всероссийского правительства, при всех его слабостях и недостатках, могла бы быть направлена на реализацию идеи единого антибольшевистского фронта, свободного от «большевизма слева» и «большевизма справа», но насколько результативно – могли показать только время и события на фронте. По мнению современных исследователей (В. И. Шишкин, Г. А. Трукан), политическая система белой Сибири была лишена тех основ правопреемственности, которыми обладало свергнутое большевиками правительство: «Если Директория могла выводить свое происхождение из Всероссийского Учредительного собрания, то режим Колчака не имел никакого легального источника общероссийской власти. Поэтому он мог квалифицироваться и восприниматься как незаконный». Факт переворота привел к расколу антибольшевистского движения, «возникновению «третьей силы», противостоявшей как большевикам, так и колчаковскому режиму», а это сузило социальную базу Белого движения на Востоке России, стало одной из главных причин в его поражении[38].

Возможно, что больших симпатий со стороны «однородно-социалистического» лагеря деятельность Директории и не получила бы. Тем не менее у новой власти могло и не быть противников, исходивших из принципа: «лучше Ленин, чем Колчак». Справедливости ради нужно отметить, что «пострадавший» Авксентьев не стал непримиримым врагом Колчака (в отличие от Чернова или Керенского). В своем письме к соратникам по партии 31 октября 1919 г. он осуждал ЦК партии, особенно «косоглазого друга» Чернова, допустивших публикацию воззваний о «борьбе с реакцией»: «Они не понимали, что если своим «постольку-поскольку» в первый период революции они помогали «большевизму слева», то теперь они отдавали власть на растерзание «большевизму справа». Не считаясь ни с соотношением сил, ни с необходимостью упорной и настойчивой работы, они выставляли требования, критиковали, негодовали и т. д., и всем этим ослабляли власть (Директории. – *В.Ц.*) и давали поводы к определенной агитации… Лучшего подарка реакция ждать не могла». Авксентьев и другие представители «демократической контрреволюции» стояли на позиции «требований помощи антибольшевистскому фронту при условии гарантий демократизации его», что особенно ярко проявилось в деятельности Республиканской лиги в Париже, куда после «переворота», через Китай и САСШ, переехали «свергнутые директоры»[39]. На сходной позиции стоял и Аргунов: «Большевизм справа» не представляет серьезной угрозы для демократической общественности, всякие планы о реставрации старого строя – удел мечтателей и авантюристов. «Большевизм слева» объединяет методы насилия и террора с демагогическими лозунгами, роет глубокую почву под фундаментом государственности». Зензинов, будучи наиболее «заинтересованным лицом» в раскрытии правды о «государственном перевороте», попытался с максимальной полнотой проинформировать «общественное мнение» о сути произошедших в Омске событий. Им был подготовлен и издан документальный сборник «Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года». (Его выход в свет в Париже произошел в момент ожидавшегося признания власти Верховного правителя России мировыми державами.) А в письме в редакцию газеты «Общее дело» («Правда о неправде») Зензинов стремился опровергнуть тезис о «партийном» и «антигосударственном» характере Уфимской Директории. Им приводились факты осуждения прокламации эсеровского ЦК со стороны директоров, отрицалась подготовка каких-либо действий против власти со стороны арестованных членов правительства,

подчеркивалось обязательство директоров отказаться от партийной работы на время пребывания в правительстве и их «безответственность» в отношении центральных комитетов «своих» партий. Обвинения Временного Всероссийского правительства в «партийности и противогосударственности» – «легенда, придуманная позднее только для того, чтобы оправдать произведенный переворот»[40].

С тезисом об ослаблении «единого антибольшевистского фронта» в результате «омского переворота» можно было бы согласиться. Но нельзя не учитывать тот факт, что Директорию, со всей очевидностью, не признавало бы военно-политическое руководство белого Юга. Ни среди членов Особого Совещания в Екатеринодаре, ни среди участников Ясского политического Совещания не было сторонников признания полномочий Уфимской Директории в качестве всероссийской власти. А что стало важнее для Белого движения – поддержка, весьма сомнительная, части эсеровской партии или единство белой Сибири с другим важнейшим регионом – белым Югом? В случае дальнейшего существования Уфимской Директории конфронтация с белым Югом, не без оснований претендовавшим на «первенство» в Белом движении, могла стать реальностью. Что же касается общественно-политической поддержки, то и здесь «омский переворот» не мог считаться лишенным ее. Сомнительно ожидать и надеяться, чтобы поддержка Белого движения исходила от «левой общественности». Следовало направить усилия на приобретение поддержки со стороны «правой общественности», пусть и не готовой к незамедлительному провозглашению, в частности, монархического лозунга, но тем не менее разделяющей позиции ведущих антибольшевистских объединений того времени (Всероссийский Национальный Центр (ВНЦ), Союз Возрождения России (СВР)). Во время «омских событий» заявила о себе сибирская общественно-политическая организация, схожая с ВНЦ и СВР по составу и программе, – Омский блок. Истоки его создания относились к середине 1918 г., когда после организации в Сибири антибольшевистской власти ей потребовался представительный «фундамент» в форме «организованной общественности». Поскольку в Сибири (равно как и в других регионах) структуры существовавших партий и групп оказывались достаточно «узкими» для подобной поддержки, происходило их объединение на максимально приемлемой для участников политической платформе. В этом можно отметить определенную тенденцию: чем слабее были партийно-политические структуры, тем на более «широкой» организационной и на более «обобщенной» программной основе

строились те или иные надпартийные объединения (ВНЦ, СВР, тот же Омский блок и др.). Степень сближения этих структур зависела также и от тактических соображений, проявившихся, например, при создании разветвленной сети антисоветского подполья (московские и петроградские «центры» и «союзы»).

«Тезисы доклада по вопросу о блоке» были представлены Жардецким во время работы конференции партии народной свободы в Омске. Работа конференции проходила 15–18 ноября 1918 г., и в историографии нередко высказывалось мнение о поддержке сибирскими кадетами идеи «переворота», что подтверждали документы конференции, утверждавшие необходимость «диктатуры» как средства для «подчинения всяких стремлений всех и каждого целям национального воскрешения России» (доклад товарища министра внутренних дел омского правительства В. Н. Пепеляева). В девяти тезисах своего доклада будущий премьер Российского правительства подчеркивал: «Партия должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но при известной обстановке считает ее необходимой», «всякого рода соглашения, коалиции и компромиссы допустимы, но они не должны: а) иметь самодовлеющего значения, б) затемнять основные цели соблазном кажущегося единения и в) включать в свою сферу антигосударственные элементы, которые должны быть изолированы… На Уфимском Совещании государственные силы допустили ошибку, пойдя на компромисс с государственными и антигосударственными элементами, завершившийся уступкой в пользу Учредительного Собрания настоящего полубольшевистского состава». «Партия находит, что власть должна освободить страну от тумана неосуществимых лозунгов, которые в наших условиях являются пагубными фикциями, самообманом и обманом. Партия не признает государственно правового характера за Съездом членов Учредительного Собрания и самый созыв Учредительного Собрания данного состава считает вредным и недопустимым». Как отметил в своем дневнике Пепеляев, его тезисы были приняты «подавляющим большинством» (41 – за, против – 1). После «переворота», на собрании образованного на конференции Восточного отдела ЦК, с характерным заявлением выступил избранный товарищем председателя отдела А. К. Клафтон: «С 18 ноября мы стали партией государственного переворота. Стоило нам накануне высказать наше мнение, и назавтра то, что должно было совершиться, совершилось». Эту же готовность «слиться» с государственным аппаратом подтвердил Пепеляев: «Мы ответственны… за переворот, и наш долг укрепить власть.

Поэтому должны брать самые ответственные посты, даже с риском погибнуть».

Но, помимо кадетской партии, нарождающейся диктатуре необходимо было обеспечить более широкую поддержку. В упомянутом выше докладе о блоке Жардецкий отмечал важность «содействия национальному объединению всех общественных элементов – деловых и политических – формально правее и левее к.-д. стоящих, но признающих необходимость искреннего объединения всего политически жизненного в стране на задаче воскрешения и воссоздания России, ее национальной государственности и ее великодержавия». Объединения с целью «поддержки государственной власти, деловой общественности и культурной работы». Судя по воспоминаниям Гинса, Омский блок имел достаточный авторитет в Сибири и мог непосредственно влиять на власть. Блок действительно отличался многочисленностью участников (14 организаций, включая представителей Омского отдела Союза Возрождения России, Атамановской группы РСДРП («Единство»), Омской группы эсеров («Воля народа»), Омского комитета партии народных социалистов, Восточного отдела ЦК кадетской партии, Совета кооперативных съездов, Всероссийского Совета Съездов торговли и промышленности, а также – Сибирского, Забайкальского, Семиреченского и Иркутского казачьих войск). Председателем блока стал представитель Совета кооперативных съездов – А. А. Балакшин. Показательно, однако, что в момент «омского переворота», по оценке Пепеляева, «блок растерялся». «Никто ничего не знал. Только моя информация (около 2-х часов дня) несколько успокоила блокистов. Жардецкий (один из членов блока. – *В.Ц.*), которого здесь считают всезнающим, абсолютно ничего не знал, о заговоре узнал лишь утром». Сравнивая влиятельность омской «общественности» с ВНЦ, следует, например, отметить гораздо большую степень участия деятелей Национального Центра в формировании политики Особого Совещания при Главкоме ВСЮР, чем Омского блока в работе колчаковского правительства[41].

Существенное значение в событиях «переворота» имела позиция иностранных представителей. За исключением явного осуждения со стороны Чехословацкого Совета, главы миссий в Омске (Высокий комиссар Франции Э. Реньо, глава дипломатической миссии Великобритании Ч. Эллиот, а также глава военной миссии Великобритании – генерал-майор А. Нокс) в целом положительно отнеслись к действиям «заговорщиков». 14 ноября 1918 г. в Омске были получены копии писем короля Великобритании Георга V и президента САСШ В. Вильсона, в

которых «провозглашались принципы демократии и свободы», предупреждалась недопустимость «попыток вернуть русский народ назад, к системе тираний и бедствий» (это встретит «сопротивление всех свободных народов мира»). По воспоминаниям депутата английского парламента от тред-юнионов полковника Д. Уорда, командовавшего батальоном британских войск в Омске и встречавшегося с Колчаком накануне «переворота», инициатива в его проведении принадлежала Лебедеву, хотя Колчак был осведомлен о готовящихся событиях. 20 ноября он посетил Главную квартиру британской миссии в Омске и изложил происшедшие события Уорду. На опасения британских представителей о судьбе арестованных членов Директории Колчак ответил, что «произведет расследование» об их судьбе и будет продолжать политический курс, направленный на «установление свободной Конституции» и «свободных политических учреждений, как их понимает английская демократия». Уорд подтверждал, что «положение вещей было таково, что только одна диктатура могла установить самый простейший порядок. Я, демократ, верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков русской цивилизации и культуры… и я осмелюсь думать, что если бы те же обстоятельства предстали вообще перед англичанами, то девять из десяти поступили бы так же, как я». В интервью газете «Русская Армия» Уорд заявлял: «Несомненно Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти, цель которой – создание национального правительства». Британские представители «гордились содействием» Колчаку. Так, например, 7 марта 1919 г. корреспондентом газеты Times была отправлена из Омска целая подборка свидетельств об участии солдат и офицеров Миддльсекского батальона в поддержке Российского правительства и «переворота 18 ноября»[42].

Что касается самого Колчака, то его поведение накануне и во время омских событий весьма схоже с позицией Главкома ВСЮР генерала Деникина в подобной ситуации «выбора диктатора». По воспоминаниям Гутмана, Колчак считал, что ему вполне достаточно должности Верховного Главнокомандующего Российских армии и флота, наделенного лишь дополнительными полномочиями в гражданском управлении (в духе Положения о полевом управлении): «Военная диктатура прежде всего предполагает армию, на которую опирается диктатор, и, следовательно, это может быть власть только того лица, в распоряжении которого находится армия».

В то же время военно-политическое credo Колчака было им

высказано еще за несколько месяцев до «омского переворота» в развернутом интервью (полный текст см. приложение № 2), опубликованном в иркутской газете «Свободный Край». Вице-адмирал, откровенно описывая свое участие в событиях 1917–1918 гг., изложил также основные принципы, на которых, по его мнению, могла основываться будущая российская государственность. На первом месте должны стоять интересы армии: «Назначение (армии), ее задача – единственная и настоятельная – борьба с немцами. Только тогда и может существовать правительство, только тогда можно думать об Учредительном Собрании, когда есть вооруженная сила. Только вооруженная сила может обеспечить гражданскую безопасность и обеспечить экономическое существование». Однако «армия должна быть вне политики»: «Армия – это только вооруженная сила, независимая от образа правления… Как оружие (пушка, мортира) не может быть ни республиканским, ни монархическим, так и вооруженная сила. Это только технический инструмент, не более». В этом отношении взгляды Колчака не отличались от позиции военных – сторонников лозунга «все для фронта, все для победы». Особо актуальной признавалась военная поддержка со стороны союзников (в условиях продолжавшейся войны с Германией): «Надо создать фронт. И это можно лишь при содействии союзников. Только они могут дать необходимые войска и технические средства». При этом Колчак полагал, что «только Япония может помочь воссозданию нашей боеспособности».

Интересно отметить, что в частном письме генералу Алексееву, написанном в это же время, Колчак писал иное: «Дальний Восток я считаю потерянным для нас, если и не навсегда, то на некоторый промежуток времени, и только крайне искусная дипломатическая работа может помочь в том безотрадном положении, в котором находится наш Дальний Восток. Отсутствие реальной силы, полный распад власти, неимение на месте ни одного лица, способного к упомянутой работе, создали бесконтрольное хозяйничание японцев в этом крае, в высшей степени унизительное и бесправное положение всего русского населения».

В основе будущего государственного устройства, по убеждению Колчака, должны лежать принципы широкого местного самоуправления. Возрождение Единой России представлялось ему «снизу», посредством объединения отдельных региональных центров, каждый из которых будет иметь элементы суверенитета (в 1920 г. подобные идеи выражал и правитель Юга России генерал-лейтенант П. Н. Врангель). В приверженности

этим принципам проявилась позиция Колчака – лидера недостаточно подготовленного к совмещению военных и политических методов управления (в сравнении, к примеру, с генералом Алексеевым, считавшимся вполне подходящим на роль «всероссийского диктатора»). «Я не политик, но основные положения государственного права помню, – говорил Колчак в интервью. – Каждое правительство должно иметь собственные: территорию, население, вооруженные силы и средства. Без соблюдения хотя бы одного из этих условий правительства быть не может».

Именно по этой причине Колчак отрицал за Временным правительством автономной Сибири, равно как и за Деловым Кабинетом Хорвата, располагавшихся лишь в пределах Владивостокского округа и полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, право считаться правительствами. Поэтому, утверждал Колчак, «правомочны только местные самоуправления… по мере расширения территории должны будут создаваться высшие органы власти, и так дойдет до Учредительного Собрания… При помощи союзников и создании элементарных условий гражданской жизни – личной и имущественной безопасности – возможно будет сформировать местные органы самоуправления, которые постепенно выдвинут более широкие государственные институты, напр., областные правительства. Под прикрытием фронта, имея обеспеченный тыл, можно будет собрать Сибирскую Думу и установить правительство, которое при дальнейшем продвижении фронта на запад будет развиваться до конечной цели – созыва Российского Учредительного Собрания и установления государственной власти, согласно воле свободного народа»[43].

С первого взгляда, при знакомстве с текстом этого малоизвестного (до сих пор) интервью, может создаться впечатление о некоей «политической беспринципности» Колчака, поскольку он весьма откровенно рассказывает о своем сотрудничестве с американцами и англичанами, отмечает важность помощи Японии и говорит о создании собственной вооруженной силы под прикрытием иностранных государств. Но нужно учесть два момента. Первое – речь идет не о врагах антибольшевистской России на тот момент, а о ее союзниках, о союзниках России по Антанте в годы Первой мировой войны. Это не Германия, не страны Четверного Союза, с которыми заключен «похабный» (по выражению самого Ленина) сепаратный Брестский мир и при поддержке которых создается государство (как, например, Гетманская Украина). Во-вторых, Колчак подчеркивает, что новая российская государственность,

основанная на местных самоуправлениях (в частности, на областничестве), должна опираться на российскую территорию и российское население. Союзники могут только помочь (как они конкретно помогли – другой вопрос). Но главные политические задачи должны будут решаться только самой российской нацией, национальными (не социалистическими) правительствами и национальной армией…

Еще одну, психологическую черту произошедших в Омске событий отметил член ЦК кадетской партии К. Д. Набоков в письме главе правительства Северной области известному социалисту Н. В. Чайковскому 17 декабря 1918 г. Еще до «переворота» Набоков признавал неизбежность восстановления монархии в России как оптимальной формы правления. Схожие мысли высказывал он и в отношении Колчака, предупреждая Чайковского от свойственных главе ВПСО опасений по поводу «наступающей диктатуры»: «На происшедшее в Омске не следует смотреть слишком пессимистически, ибо имевший место переворот не является актом реакционным; к тому же в обстановке переживаемого момента единоличие власти дает ей лишние шансы приобрести необходимый авторитет и прочность, ибо природа русского человека такова, что всякая «коллегиальная» деятельность неизбежно порождает разноречие, тормозящее самые благие начинания. Директория искусственно поддерживалась до тех пор, пока здоровое течение – отнюдь не уклоняясь в сторону реакции, – не одержало верх»[44].

Итак, становление единоличной власти, необходимой для «победы над большевизмом», было объективным, закономерным результатом политико-правовой эволюции Белого движения в условиях Гражданской войны. Однако очевидная «политическая целесообразность» перехода к форме единоличного правления делала носителя этой власти не только гарантом ожидаемых побед, но и заложником возможных поражений. Белое дело, взяв на себя главную задачу «борьбы с большевизмом», ориентировалось теперь только на победу. «Сжигая мосты», в правовом пространстве следовало учитывать, что отныне Верховный правитель становится первой мишенью для критики, ведь лично с ним, с возглавляемым им движением будут связывать любые действия всех его подчиненных, а его политический курс при первых же неудачах может быть дискредитирован и, наконец, полностью отвергнут. Для Александра Васильевича Колчака омский переворот стал началом тяжелого «крестного пути». Но от «креста власти» он не отказался, принял его и нес до конца жизни…

Обладало ли Российское правительство адмирала А. В. Колчака легальным статусом государственной власти?

Анализируя политико-правовой аспект истории Белого движения на Востоке России в период года после омского «переворота», следует отметить, что по характеру политического устройства это был наиболее стабильный, устойчивый период. Серьезных перемен в структуре управления в это время не происходило, что дает основание считать целесообразной и оправданной форму «единоличной власти» в условиях войны и экономической разрухи. Если бы не военные поражения, приведшие к отступлению от Урала и падению «столицы Белой России» – Омска, то вполне вероятно, что сложившаяся к началу 1919 г. модель авторитарного руководства, при слиянии законодательных и исполнительных полномочий, ограниченности представительного «фундамента», могла просуществовать «до созыва нового Учредительного Собрания» и окончательного решения «вопроса о власти». Аналогично «Сибирской» политические модели (с непринципиальными отличиями) складывались и в других районах российского Белого движения, что свидетельствовало об общности основных программных положений.

Восприятие результатов «переворота» обществом представлялось для новой власти в целом благоприятным. «Излишне говорить, – заявлялось в правительственном сообщении, – что ныне, после событий 18 ноября, правительство, возглавляемое Верховным Правителем, совершенно не имеет в своем составе реакционных элементов и не одиноко. Оно поддержано все теми же государственными элементами, умеренно-социалистическими, кооперативными, демократическими, буржуазными и военными, которые все с самого начала шли за Сибирским правительством». В Декларации Российского правительства от 21 ноября 1918 г., посвященной обязательствам по внешнему и внутреннему государственному долгу, помимо многочисленных официальных заявлений о порочности «партийного» и выгодах «делового» управления, особо подчеркивался факт правопреемства с точки зрения финансов: «Считая себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 года законных Правительств России

(царского и Временного. – *В.Ц.*), Правительство, возглавляемое Верховным Правителем адмиралом Колчаком, принимает к непременному исполнению, по мере восстановления целекупной (единой. – *В.Ц.*) России, все возложенные на государственную казну денежные обязательства»[45].

Для подтверждения «законности» статуса Российское правительство опиралось на тезис о своем «национальном характере», о правопреемственности: «В Феврале 1917 года рухнуло Царское Правительство… исторически сложившееся, созданное в смутные годы (XVII века. – *В.Ц.*) выборными людьми русской земли (Земский Собор. – *В.Ц.*), оно было русским, национальным и потому законным Правительством, и только воля всех слоев населения, всего народа, выразившаяся в национальной русской революции, могла свергнуть его». Составы Временных правительств (во главе с князем Львовым и Керенским) также могли считаться законными, поскольку, несмотря на многочисленные «ошибки в их деятельности…, они действовали от имени нации и в интересах нации, ибо основной задачей их являлось осуществление того неписаного закона, который лежал в душе каждого русского человека – выявление воли единственного Хозяина Земли Русской – самого народа, созыв Национального Учредительного Собрания». А приход к власти большевиков не мог считаться выражением «национальных интересов», так как «Правительство, отрицающее Родину, нацию, народ, – очевидно не может считаться законным Правительством»[46].

Что же касается главного документа, определившего суверенный правовой статус новой всероссийской власти, то им стала т. н. «Конституция 18 ноября», официально выраженная в Положении о временном устройстве государственной власти в России. Несмотря на краткость, это, пожалуй, редкий пример правового акта, в котором юридическая казуистика играла важную роль, где практически каждое слово и термин заключали существенный смысл. В 1918 г. проводилась линия формального правопреемства от Директории, поскольку ее постановлений никто не отменял (особенно в отношении упразднения отдельных государственных образований и правительств). По оценке управляющего делами МИД И. И. Сукина (преемника Ключникова), «конструкция власти», при которой звание Верховного правителя совмещалось с должностью Верховного Главнокомандующего, а Совет министров Временного Всероссийского правительства сохранял свою персональную преемственность от времени Уфимской Директории, «хотя и созданная в несколько часов, была тщательно продумана».

«Воплощая идею единовластия и милитаризации Правительства, она в то же время сохранила декорум гражданственности, который требовался местной политической обстановкой и неподдельным либерализмом сибирских общественных кругов». «Несложная» «Конституция 18 ноября» тем не менее представляла собой «документ, в общем, довольно совершенный и законченный, если вспомнить, как быстро и без какой-либо подготовки он был отредактирован. Его авторами… были Гинс и Тельберг, точный юридический ум которого и понимание конституционных форм явились весьма полезными при дальнейшей деятельности Правительства».

С ноября 1918 до середины апреля 1919 г. военная и гражданская власть структурно разделялись. Восток России делился на «театр военных действий» и «тыл». Как и в период Первой мировой войны, раздельно существовали аппарат Штаба Верховного Главнокомандующего и аппарат Военного министерства. С началом «весеннего наступления» было признано целесообразным изменить соотношение фронта и тыла. Военное министерство объединилось со Ставкой Главковерха. В конце августа 1919 г., в духе политики «разделения полномочий» Ставка была упразднена, восстановлено Военное министерство и создан Штаб Главнокомандующего Восточным фронтом, подчиненный Главковерху и Верховному правителю. Обобщенную оценку новой модели власти дал Гинс: «Мы остановились на мысли, что Российское Правительство составляют Верховный Правитель и Совет министров. Законодательная власть Верховного Правителя была ограничена, он стал «диктатором конституционным». Другой омский юрист, Ю. Фармаковский, характеризуя «Конституцию», отмечал, что «не нормами положительного закона определяется истинная конституция страны, а жизненное соотношение сил создает формы государственной власти и облекает их в формы закона»[47]. Именно в таком неразделимом сочетании двух субъектов власти – правителя и Совета министров – следует рассматривать понятие «Российское правительство» (нередко под этим подразумевался только Совет министров). Наименование «Российское правительство» было окончательно утверждено Правительствующим Сенатом 29 января 1919 г.

Весьма показательно в плане восстановления правопреемственности от февраля 1917 г. появление звания Верховный правитель. По свидетельству Вологодского, данный термин был принят Советом министров без каких-либо предварительных дискуссий («когда перешли к вопросу, кого же избрать диктатором, то решили дать ему название «Верховного Правителя» и обставить его конституционными гарантиями»).

Сукин отмечал, что «этот термин был избран, как смягчающий неприятное впечатление, которое могло бы произвести на сибиряков объявление «военной диктатуры». Между тем термин «Правитель Государства» был предусмотрен Основными законами Российской империи. Согласно статьям 41-й, 42-й и 43-й Свода основных законов, несовершеннолетнему наследнику на случай вступления на престол царствующим императором производилось назначение правителя и опекуна, «в одном лице совокупно» или «в двух лицах раздельно». Если учесть, что после акта непринятия престола Михаилом Александровичем носителем временной верховной власти (пусть и со многими изъянами в политическом курсе) оказалось Временное правительство, то, следуя принципам фактического правопреемства, определенного на Уфимском Государственном Совещании, Колчак получал статус «Правителя» от всероссийской власти, выраженной Советом министров Временного Всероссийского правительства, и становился носителем этой власти до тех пор, пока новоизбранное Учредительное Собрание не решит вопрос о форме правления. Иными словами, Колчак становился номинально регентом – правителем государства при вакантном престоле. Именно Правителем, поскольку отождествление правителя с царствующим императором – некорректно и неправомерно. Правильнее определять статус Верховного правителя лишь как престолоблюстителя (заявление о правах на престолоблюстительство со стороны Дома Романовых было официально утверждено только Приамурским Земским Собором в августе 1922 г.), а не как лица, «занимающего» престол. Даже если новое Национальное Собрание утвердило бы республиканскую форму правления, временная власть правителя государства – Верховного правителя России ограничивалась временным выражением внутри- и внешнеполитического курса и защитой суверенных государственных прав до окончательного утверждения основ политической системы российской Конституантой. Генерал-лейтенант Д. В. Филатьев так охарактеризовал эту принципиальную идею: «18 ноября в Омске, хотя и в малоудачной процессуальной форме, свершилось то, что по логике государственного разума должно было совершиться в Петрограде после отречения Великого Князя Михаила Александровича. Будь Государственной Думой избран тогда же Верховный Правитель, как несменяемый до Учредительного Собрания носитель власти, Россия не скатилась бы в пропасть». Схожий статус можно отметить и в Положении о Временном Президенте, разработанном накануне созыва Всероссийского Учредительного Собрания осенью 1917 г.

Суть отношения самого Колчака к единоличной власти, к возможности восстановления монархии в России хорошо отражали слова генерала Иностранцева: «Лично сам Колчак намерен обходиться без помощи народа и общественности и думает со всем тяжелым положением, в котором находится наша Родина, справиться сам и один… в минуты, переживаемые Россией, как и всяким другим государством в революционное время, могут появиться люди одного из трех типов, представляемых нам историей, а именно: типа – или Вашингтона, т. е. строителя нового государства, или – типа Наполеона, т. е. диктатора, иначе строителя государства на новых началах, или же, наконец, типа генерала Монка, времен английской революции, т. е. генерала, стоящего во главе реставрации… Колчака не пленяет ни слава Вашингтона, ни неувядаемые лавры Наполеона, а ему, вероятно, более всего улыбается – скромная роль Монка». Довольно показательна оценка Колчаком своей власти в письме своей супруге (С. Ф. Колчак (Омировой)) в Париж 15 октября 1919 г.: «Мне странно читать в твоих письмах, что ты спрашиваешь меня о представительстве и каком-то положении своем как жены Верховного Правителя… Я не являюсь ни с какой стороны представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера. По существу я Верховный Главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной борьбы нельзя отделять последние от функций первого».

Полномочия Верховного правителя во многом были определены по аналогии с российским дореволюционным законодательством. Согласно статье 47-й Свода основных законов, «Правителю Государства полагался Совет Правительства; и как Правитель без Совета, так и Совет без Правителя существовать не могут». По статье 48-й правитель назначал по собственному выбору членов Совета. Компетенция Совета Правительства включала «все без изъятия дела, подлежащие решению Самого Императора и все те, которые как к Нему, так и в Совет Его вступают», то есть – определение направления внутренней и внешней политики (статья 50-я). При обсуждении тех или иных вопросов «Правитель имел голос решительный» (статья 51-я). По «Конституции 18 ноября 1918 г.» законодательная власть и законодательная инициатива «совокупно» осуществлялись Верховным правителем и Советом министров. Совмин проводил предварительное обсуждение всех законов, и без его санкции не мог вступить в силу ни один правовой акт: «Все проекты законов и указов рассматриваются в

Совете министров». При этом Верховный правитель имел право «абсолютного вето» – без его подписи ни один закон не мог вступить в силу: «И по одобрении их (законов. – *В.Ц.*) оным (Советом министров. – *В.Ц.*) поступают на утверждение Верховного Правителя» (ст. 4 «Положения»). Совмин (en corpore) заменял Верховного правителя в случае его «отказа от звания», «долговременного отсутствия», «тяжкой болезни или смерти». Этим, собственно, и ограничивались полномочия Совета министров, в сущности – не такие и ограниченные, если принять во внимание его право «законодательствовать»[48]. Позднее, осенью 1919 г., стремление разграничить законодательные и исполнительные полномочия станет главной сутью т. н. «административной перестройки» правительства. По существу, Совет министров выполнял «двоякую роль». «Исключительные обстоятельства (Гражданская война. – *В.Ц.*) принудили его принять на себя роль суррогата законодательной палаты», тогда как в основном Совмин, осуществляя исполнительную власть, выступал «в качестве высшего административного органа, призванного к объединению и согласованию деятельности различных ведомств». В действующей конституции подчеркивалось, что «осуществление Верховной власти принадлежит Верховному Правителю совместно с Советом министров».

Постановлением 1-го Департамента Правительствующего Сената, принятого после присяги А. В. Колчака как Верховного правителя и присягнувших после него членов Совета министров, определялся статус Российского правительства как единственного общегосударственного органа управления. Во всех текстах присяги мотив верности государству (уже не государю) выдвигался на первое место. Вот слова одобренной Советом министров и утвержденной Сенатом присяги самого Колчака: «Обещаюсь и клянусь перед Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом быть верным и неизменно преданным Государству Российскому как своему отечеству. Обещаюсь и клянусь служить ему по долгу Верховного Правителя, не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспеянии Государства Российского. Обещаюсь и клянусь воспринятую мною от Совета министров верховную власть осуществлять согласно с законами Государства до установления образа правления свободно выраженной волей народа. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знамением и целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Текст присяги, принесенной наличным составом Совета

министров, переданный затем для принятия гражданскими чинами, а также служащими земского и городского самоуправлений, также утверждал: «Обещаюсь и клянусь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему отечеству. Обещаюсь и клянусь служить ему не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспеянии Государства Российского. Обещаюсь и клянусь повиноваться Российскому Правительству, возглавляемому Верховным Правителем, впредь до установления образа правления свободно выраженной волей народа. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знамением и целую слова и крест Спасителя моего. Аминь». Аналогичные слова содержались и в тексте присяги военнослужащих: «Единой властью Временного Всероссийского Правительства Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака». Показательно и «клятвенное обращение», ставшее аналогом присяги «для гражданских лиц»: «Обещаюсь и клянусь в том, что хочу быть верным подданным и неизменно преданным Российскому Государству. Обещаюсь и клянусь исполнять законы Государства Российского и повиноваться Российскому Правительству, ныне возглавляемому Верховным Правителем». Слова присяги подчеркивали временный характер власти – «впредь до созыва Национального Учредительного Собрания». Принесение присяги происходило по порядку, принятому в Российской империи: в православных храмах, мечетях или костелах. Члены Совета министров, сенаторы и Верховный правитель приводились к присяге Высокопреосвященнейшим Архиепископом Омским Сильвестром.

Характерна и корректировка существовавшей еще в Российской империи «подписки, отбираемой от всех военнослужащих при зачислении их в состав Российской армии». Она давалась «независимо от принесения общеустановленной присяги на верность службы Государству Российскому, возглавляемому единой властью Временного Всероссийского Правительства Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака». Военнослужащий давал «торжественное обязательство», что на все время службы он будет «строго соблюдать существующие военные законы и уставы, а также и те, кои будут введены в действие во время нахождения на военной службе». Печальный опыт «демократизации армии» 1917 г., забвения принципа «армия вне политики» отразился в следующих обязательствах: «Не входить в состав и не принимать

участия в каких бы то ни было союзах, группах, организациях (в том числе масонских), товариществах, партиях и т. п., образуемых с политической целью», «не принимать какого-либо участия в противоправительственной агитации и пропаганде»; «не произносить публично речи и суждения политического содержания», «не принимать непосредственного участия и не присутствовать на каких-либо сходках, митингах или манифестациях без разрешения своего непосредственного начальства»; «не участвовать без разрешения своего непосредственного начальника в каких-либо чествованиях, носящих публичный характер», кроме того, «не состоять на службе в городских, земских, общественных и частных учреждениях и предприятиях», «не заниматься литературной работой и сотрудничеством в повременной печати». Что касается «начальства», то здесь «Подписка» отмечала обязательство «для поддержания дисциплины и авторитета начальников никогда и нигде не осуждать их действия, а наоборот, всегда и всеми силами способствовать поддержанию их авторитета». С одной стороны, подобные ограничения по военной службе были вполне оправданны с точки зрения недопустимости всего, что может помешать армии выполнить свой долг восстановления единой российской государственности. С другой – в условиях Гражданской войны, вызванной политической борьбой, отказ от «участия в политике» мог приводить к определенной самоизоляции военных, к проблемам в понимании того, как нужно «обустраивать Россию», как должны работать «гражданские власти». Так или иначе, но обращение к «дореволюционному» опыту организации армии достаточно показателен[49].

В целом сложившаяся в 1919 г. система управления представляла собой видоизмененную модель, уже действовавшую в период октября 1918 г. Только тогда во Всероссийском Временном правительстве место Верховного правителя России занимала пятичленная Директория. Налаженность исполнительно-распорядительного аппарата, чем гордилось ВСП, делала необязательными какие-либо изменения в установившемся с лета 1918 г. порядке делопроизводства. Деятельность правительства по-прежнему проходила в рамках Учреждения Совета министров 1906 г. («Совет министров состоит из министров, главноуправляющих отдельными частями, принадлежащими к общему министерскому устройству»). В Омске, по свидетельству прибывшего из Архангельска князя Куракина, находились «все учреждения Петроградского периода в эмбриональном состоянии». Попытки скорректировать новую систему, «в смысле расширения и точного определения прав

председателя Совета министров, установления таковых для заместителя председателя Совета министров» (предложения П. В. Вологодского и Г. К. Гинса), не считались актуальными[50]. В дополнение к статье 2 Учреждения 1906 г. постановлением от 1 апреля 1919 г. вводилась должность члена Совета министров (как «министра без портфеля»), «назначаемого Указами Верховного Правителя». К ним относились, например, чиновники юрисконсультской части. Постановлением от 10 апреля члены Совета министров уравнивались по классу и окладу с остальными министрами[51]. Большое значение (в плане сочетания в своей работе делопроизводства Верховного правителя и Совета министров) имел аппарат Управления делами Российского правительства. Он включал в себя Общую канцелярию из отделений и секретариат, кабинет Верховного правителя (в составе канцелярии правителя и комендантского управления), Управление делами Совета министров (в составе канцелярии Совета и юрисконсульской части), а также отдел печати.

Статус Верховного правителя отражала ст. 3. Конституции, провозглашавшая, что «власть управления во всем ее объеме принадлежит Верховному Правителю». Аналогии этому усматривались в ст. 10, 11 Основных законов Российской империи, предусматривавших «непосредственную» власть государя «в порядке верховного управления». Модель исполнительной власти отчасти копировала правовую систему, сложившуюся в период действия Высочайше утвержденных Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г. (многие правомерно отмечали сходство ряда полномочий Верховного правителя и государя императора). Верховный правитель возглавлял исполнительную власть, делегируя при этом «определенную степень власти» «подлежащим местам и лицам», то есть конкретным министерствам и ведомствам. Исполнительная власть Верховного правителя выражалась в издании «актов», которые (в отличие от законов и указов) не обсуждались Совмином и формально, post factum, «скреплялись» председателем правительства или главой ведомства, сферу деятельности которого эти «акты» затрагивали: «Все акты Верховного Правителя скрепляются председателем Совета министров и главным начальником подлежащего ведомства». Право назначения и увольнения министров (за исключением премьера) также находилось в компетенции главы исполнительной власти, в чем отмечалось сходство с правами «Правителя» по дореволюционным законам. Кроме этого, Верховный правитель получал также право единоличного «принятия чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и

снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности». Широкое толкование данного положения стало причиной последующих трений между Советом министров и правителем.

Нормативные акты Совета министров (как и в Российской империи), заверенные (контрассигнованные) подписями премьера или соответствующего министра и управляющего делами, должны были утверждаться Верховным правителем. Колчак получал право неограниченной власти и в соответствии со своим статусом Верховного Главнокомандующего (по Положению о полевом управлении). Осуществление «диктаториальных полномочий», в случае необходимости, проводилось им посредством издания такой специальной формы нормативного акта, как «Приказ Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего». Такие приказы подписывались самим Колчаком (даже без чьей-либо контрассигнационной подписи) и, следовательно, не требовали предварительного обсуждения в Совмине. Правительственные «постановления» и «распоряжения» отдельных министерств подписывались министрами, главой Совета министров и, как выше отмечено, утверждались Верховным правителем. Такую же процедуру утверждения проходили Законы правительства и Указы Верховного правителя. Оригинальным видом нормативного акта были грамоты и рескрипты Верховного правителя. Они напоминали высочайшие акты государя императора, не требовали утверждения Совета министров и могли лишь «скрепляться» подлежащим министром или председателем. Практика издания грамот была восстановлена еще в период Сибирской Областной Думы и Уфимской Директории и в целом повторяла российскую правовую традицию издания актов, провозглашающих, гарантирующих определенные права и свободы. Грамоты могли сопровождаться соответствующим рескриптом на имя главы Совета министров (например, Грамота Казачьим Войскам России (1 мая), Грамота таранчинскому народу Семиреченской области (16 июля) или Грамота о созыве Государственного Земского Совещания (16 сентября 1919 г.)).

Очевидно, что в практике любого государственного аппарата фигурируют различные категории законодательных актов, поэтому не всегда целесообразно перегружать высшую власть не требующими согласования ведомственными инструкциями и прочей «законотворческой вермишелью» (это входило в компетенцию, например, Малого Совета министров). Проблемы возникали в области профессиональной компетенции правительственных чиновников, установления пределов

полномочий, которые, например, в отношении железнодорожных коммуникаций, в вопросах снабжения армии трудно было разграничить между военными и гражданскими властями. По оценке омских юристов, «при наличности основной идеи акта 18 ноября – идеи чрезвычайной власти при чрезвычайных переживаниях Государства – нельзя допустить, чтобы мы имели связанность носителя чрезвычайной власти не только в законодательстве…, но и в области управления, природе которого свойственна энергия целесообразного действия, в пределах законом отмежеванных»[52].

Таким образом, статьи 3 и 4 Конституции выражали идею разграничения «законодательствования» и «области управления», сосредоточив последнюю в фактической компетенции Верховного правителя и приблизив его статус к статусу государя императора по Основным государственным законам. Многие современники отмечали даже внешнее сходство организации белой власти с государственностью Российской империи. Законодательная практика в 1919 г. во многом повторяла законодательную практику Российской империи, вплоть до цвета папок в департаментах МИДа и Правительствующего Сената. «Настольными книгами» у Колчака были тома «Свода законов Российской империи», а принятый в омской резиденции церемониал развода караула практически полностью повторял принятый в Российской императорской армии и напоминал высочайшие приемы в Петербурге. В повестках заседаний Совмина встречались указания на учреждение нового Капитула орденов, хотя наградная система дореволюционной России (включая награждение орденом Св. Георгия) сохранялась. Но так ли необходимо было создавать громоздкий аппарат всероссийской власти? По оценке современников, возможно, проще было обойтись «созданием временного аппарата для гражданского управления в тылу» (подобного тому, который действовал на белом Юге в форме Особого Совещания при Главкоме ВСЮР). Вместо этого «несложный и небольшой аппарат Сибирского правительства, достаточно справлявшийся с задачами краевой власти, стали в Омске, ни с чем не считаясь, развертывать в широком государственном объеме. Восстановлены были все министерства и государственные учреждения, судебные учреждения царского времени и даже Правительствующий Сенат с отдельными первым административным и кассационным департаментами. Приступлено было к реорганизации полиции наружной и внутренней… Не забыто было даже и государственное коннозаводство, во главе которого поставлен был г. Киндяков – деятель Российского Красного Креста. Вместо

Святейшего Синода учреждено было Высшее Церковное управление под главенством архиепископа Омского Сильвестра. Для громоздкого аппарата в 15 министерств и нескольких десятков подсобных к ним учреждений, естественно, понадобилась армия чиновников в несколько десятков тысяч человек, понадобились обширные специальные помещения, значительные финансовые средства»[53].

Утверждалась вместе с тем и новая общегосударственная («державная») символика и атрибутика. По предложению Ключникова Совет министров 19 ноября 1918 г. постановил считать национальным гимном России старейший духовный гимн Российской империи «Коль Славен наш Господь в Сионе» (слова М. М. Хераскова, музыка Д. С. Бортнянского)[54]. Правила его исполнения повторяли порядок исполнения гимна «Боже, Царя храни»[55]. Постановлением Совета министров от 9 мая 1919 г. утверждалась символика Верховного правителя – флаг и брейд-вымпел с двуглавым орлом, но без знаков «царской» власти[56]. В январе – апреле 1919 г. в Омске прошли два конкурса: на новый государственный гимн, государственный герб и новые государственные ордена («Возрождения России» и «Освобождения Сибири»). Инициатором выступило Общество художников и любителей искусств Степного Края. По условиям конкурса государственный герб, «сохраняя изображение двуглавого орла, должен быть скомпонован в более художественных формах, в основах древнерусского стиля, и должен соответствовать современному пониманию декоративности». Предполагалось, что «вместо снятых эмблем царской эпохи (короны, скипетра и державы) Герб должен быть украшен эмблемами, характерными для новой возрождающейся государственности». Аналогичным образом предполагалось «воплотить идею возрождения России из смуты гражданской войны» в ордене «Возрождения России». Считалось, что «символами возрождения могут быть мотивы, заимствованные из русских и национальных сокровищ древней орнаментальной мистики и современных графических аллегорий» при обязательной ленте «национальных цветов» (бело-сине-красной). Орден «Освобождения Сибири» «предназначался для награждения за военные и гражданские заслуги участников борьбы за освобождение Сибири», и его «идея» призвана была «воплощать в себе природные силы Сибири с орнаментацией, изображающей растительные и животные формы страны». В жюри входили представители власти (Совета министров, военного и морского министерств) и «творческой общественности» (членов Общества художников и любителей искусств Степного Края, томского и иркутского обществ художников). Конкурс на новый

государственный гимн должен был пройти два этапа – утверждение текста и утверждение мелодии (сначала следовало утвердить текст). Конкурсы вызвали большую активность. Было предложено 210 вариантов текста гимна, 97 проектов государственного герба. Наиболее вероятным претендентом на победу считался проект, созданный художником из Казани Г. А. Ильиным. Это был двуглавый орел, над которым возвышался крест с девизом «Сим победиши». С крыльев орла были сняты областные гербы империи, но остался Московский герб на груди. Согласно условию конкурса, исчезли короны, но осталась держава, а скипетр заменил меч. Проект Ильина часто встречался на канцелярских печатях, денежных знаках и на страницах сибирской прессы. На некоторых проектах двуглавый орел имел на груди равноконечный крест, герб Сибири, был осенен лучами «всевидящего ока», окружен гербами Оренбурга, Уфы, Челябинска, Омска, Екатеринбурга и Перми. Держава заменялась сердцем с крестом, но неизменным оставался меч как символ «воинской доблести» и «вооруженной борьбы».

Проект государственного герба не был окончательно утвержден жюри. Не получили одобрения и проекты ордена «Возрождения России». Результатом конкурса стало лишь утверждение проекта ордена «Освобождения Сибири», автором которого был тот же Ильин (он получил вторую премию, первая не была присуждена). Основной причиной отсутствия результата считалась «идеологическая несвоевременность» подобных решений. Главным содержанием подавляющего большинства проектов, как выразился член жюри сибирский писатель С. Ауслендер, было отражение идеи «Русь в походе», но временный характер неизбежной «вооруженной борьбы» не должен был доминировать в государственной символике будущего, обновленного Российского государства. В жюри высказывались также сомнения по поводу отсутствия «монархической символики», что казалось своеобразным «предрешением» воли будущего Национального Собрания[57].

Дальнейшей тенденцией эволюции белой власти на Востоке России стало постепенное укрепление и расширение полномочий Совета министров. Так, постановлением от 24 января 1919 г. Совет министров получил право без утверждения Верховным правителем принимать законодательные акты по изменению штатного расписания (утверждение в должностях ниже 4-го класса, то есть ниже руководителей департаментов министерств) и решения по ассигнованиям (не свыше 200 тыс. рублей). В конце августа произошел характерный «взаимообмен» полномочиями между Колчаком и Вологодским. 27 августа 1919 г. Указ

Верховного правителя предоставлял Совету министров право самостоятельного утверждения постановлений, не затрагивающих «основ государственного строя». Речь шла именно о «постановлениях», то есть правовых нормах «текущей» законотворческой практики. Увеличен был и размер ассигнований, выделяемых распоряжениями Совмина (до 15 млн рублей), а изменения в штатном расписании могли затрагивать уже должности 3-го класса и ниже. А 29 августа Совет министров принял постановление, согласно которому указы Верховного правителя, «издаваемые в порядке чрезвычайной меры по силе ч. 2 ст. 3 акта 18 ноября», не подлежали «обычному порядку прохождения законодательных предположений через Совет министров»[58].

В газетных статьях, посвященных своеобразному юбилею – годовщине образования Временного Сибирского правительства, в качестве особого «достоинства» отмечалось «постоянство» Совета министров, имевшего (в отличие от Временного правительства периода 1917 г.) практически неизменный состав на протяжении столь большого (по меркам «русской смуты») периода времени. В отношении же Конституции 18 ноября считалось, что «идея, заложенная в нее, – идея диктатуры – укрепляется в сознании общества как единственная форма власти, могущая вывести Россию на путь государственности и порядка»[59]. Подобные качества аппарата предполагалось сохранить в будущем, сделать правительство по-настоящему «деловым», однако последующие события на фронте этого не позволили. Примечательна попытка «совершенствования» Конституции 18 ноября путем дополнения ее неким «общегражданским сводом прав и обязанностей». По замыслу Тельберга, к существующим «статьям о порядке осуществления высшей государственной власти» нужно было добавить «ряд параграфов, выраженных в простых и отчетливых словах, которые запомнились бы каждому и дали бы населению свою собственную народную Конституцию, которую каждый бы знал наизусть и где каждый гражданин находил бы определение своих прав и обязанностей. Эта идея, однако, не была осуществлена»[60].

Как определялась репрессивная политика белой власти?

Оформление верховного управления Белого движения требовало не только определенных правовых категорий и формальных признаков, но и конкретных санкций за противодействие белой власти. Вскоре после прихода к власти Колчака Российский Совет министров постановлением от 3 декабря 1918 г. «в целях сохранения существующего государственного строя и власти Верховного Правителя» скорректировал статьи Уголовного Уложения 1903 г., уравняв статус власти Верховного правителя и статус государя императора. Была восстановлена санкция, существовавшая в Уголовном Уложении 1903 г. и измененная Временным правительством. Принципиально эти редакции отличались только субъектами посягательств (государь император, Временное правительство, Верховный правитель России).

Статья 99 определяла, что «виновные в покушении на жизнь, свободу, или вообще неприкосновенность Верховного Правителя, или на насильственное его или Совета министров лишение власти, им принадлежащей, или воспрепятствование таковой наказуются смертной казнью». При этом как «совершение тяжкого преступления», так и «покушение на оное» уравнивались в санкции. Статья 100 звучала в следующей редакции: «Виновные в насильственном посягательстве на ниспровержение существующего строя или отторжение, или выделение какой-либо части Государства Российского наказуются смертной казнью». «Приготовления» к данным преступлениям карались «срочной каторгой» (ст. 101). «Виновные в оскорблении Верховного Правителя на словах, письме или в печати наказуются тюрьмою» (ст. 103). Бюрократический саботаж подлежал наказанию по скорректированной ст. 329: «виновные в умышленном неприведении в исполнение приказа или указов Верховного Правителя подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет». Вышеперечисленные деяния рассматривались военно-окружными или военно-полевыми судами в прифронтовой полосе[61].

Данные изменения действовали лишь «до установления народным представительством основных государственных законов». По этим статьям квалифицировались, например, действия большевистско-эсеровского подполья, организовавшего восстание в Омске в конце декабря 1918 г. Но вскоре стала

очевидной необходимость выделения дел о большевистской партии и советской власти в отдельное судопроизводство. В Министерстве юстиции в начале 1919 г. был разработан законопроект «О Государственном бунте». Проект состоял из «Положения о подчинении некоторых преступных деяний, совершенных в целях осуществления бунта, начатого в октябре 1917 г. против власти Временного Правительства Государства Российского, военным судам» и «Положения о лицах, опасных для государственного порядка, вследствие прикосновенности их к бунту, начатому в октябре 1917 г.».

Законопроект дважды обсуждался в Совмине, в сибирской печати. Критику вызывали, в частности, статьи проекта о «бунте» лишь против Временного правительства Керенского, тогда как следовало бы расширить их в диспозиции «преступлений и бунта против всех антибольшевистских организаций и правительств». Передача дел о «бунте» в ведение военной юстиции означала, что ответственность наступит только в случае совершения преступлений в прифронтовой полосе или в местности, объявленной на военном положении, что сужало круг лиц, подлежащих ответственности[62]. Лиц, «опасных для государственного порядка», предполагалось отправлять в ссылку «в отдаленные местности» на срок до 5 лет. Подобная «гуманность» в отношении государственных преступников также вызывала нарекания. Отмечалось, что в этом случае выгодно быть членом большевистской партии, так как, например, за грабеж предусматривалось наказание в виде каторжных работ до 12 лет, а членство в «преступной» организации каралось только ссылкой. Справедливую критику вызывало и отсутствие в проекте наказаний за преступления против Православной Церкви, типичные для «безбожников-большевиков»[63].

Законопроект был утвержден 11 апреля (№ 428) и опубликован 19 июля 1919 г. в «Правительственном вестнике» как «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие принадлежности к большевистскому бунту» за подписью министра юстиции С. Старынкевича (Правительственный вестник. Омск. № 188. 19 июля 1919 г.). В окончательном варианте приоритет отдавался гражданскому судопроизводству, а военно-полевые суды исключались из системы. Расследование возлагалось на специально создаваемые Окружные Следственные Комиссии (их полномочия определялись постановлением от 1 июля 1919 г. (№ 508) «О порядке расследования и рассмотрения преступлений, совершенных в целях большевистского бунта», подписанным преемником Старынкевича Г. Тельбергом), а предварительное дознание – на

следователей Министерства внутренних дел или чиновников особых поручений при Департаменте милиции.

Ответственности подлежали «лица, признанные опасными для государственного порядка, вследствие прикосновенности их каким-либо образом к большевистскому бунту». Санкция осталась прежней и считалась «неоправданной» в условиях жестокостей гражданской войны – ссылка от года до 5 лет без конфискации и лишение на данный период «политических прав». «Иностранным подданным – высылка заграницу». Лица, не достигшие 17 лет (например, члены Коммунистического союза молодежи), отдавались «под надзор родителей». Только в случае «самовольного возвращения» из ссылки или из-за границы предусматривалась ответственность в виде каторжных работ от 4 до 8 лет. В отличие от «Постановления» 1918 г., данное «Положение» не ограничивалось «содержанием под стражей до созыва Всесибирского Учредительного Собрания», а «предрешало» нормы ответственности, ориентируясь на Устав Уголовного Судопроизводства в редакции до 1917 г.

Хронологические рамки «участия в большевистском бунте» в Положении 11 апреля отсутствовали, что позволяло широко определять категорию «бунта». С другой стороны, при наличии статей 99—101 в редакции 3 декабря 1918 г. всегда можно было квалифицировать действия «противников власти» по нормам, предусматривавшим смертную казнь, каторжные работы и тюремное заключение, выносимые уже органами военной юстиции…».

Таким образом, можно подвести следующие итоги:

Законодательство антибольшевистских и белых правительств, основываясь на принципе правопреемственности от дореволюционного законодательства, ориентировалось на нормы права, действовавшие до октября 1917 года, до прихода большевиков к власти. Следовательно, само установление советской власти и ее декреты признавались недействительными, юридически ничтожными. Тем самым действия членов партии большевиков, представителей советской власти попадали под категорию политических, государственных преступлений с соответствующими санкциями. Действия же представителей антибольшевистских и белых правительств по борьбе с советской властью получали полное политико-правовое оправдание на основе принятых в 1917–1919 гг. законодательных актов.

Наступила непримиримая гражданская «война законов». С одной стороны, провозглашались «мятежными» и «преступными», ставились «вне закона» действия антибольшевистских, белых правительств, а их представители объявлялись «врагами народа».

С другой стороны, действия большевиков и советской власти признавались «захватническими», «преступными», подлежащими «суровому наказанию».

Эти правовые противоречия того времени ни в коем случае нельзя игнорировать при вынесении современных суждений о «правоте белых» или «правоте красных», о «преступности» или «оправданности» действий Верховного правителя адмирала Колчака и возглавляемого им Российского Правительства.

О классификации «преступлений против мира и человечности» и «военных преступлений» при оценке Белого движения

В формулировках обвинений в отношении Колчака нередко фигурирует словосочетание «преступления против мира и человечности». Есть данная формулировка и в упомянутом уже законе «О реабилитации жертв политических репрессий». Здесь она присутствует в статье 4. Приведем ее полностью, поскольку ссылки на нее используются в качестве одного из аргументов, препятствующих реабилитации Колчака. «Не подлежат реабилитации лица… обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов (а заметим, что Иркутский ревком не являлся специфически судебным органом. – *В.Ц.*), в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия; б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны; в) организация бандформирований, совершавших убийства, грабежи и другие насильственные действия, а также принимавших личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований; г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Кроме того, не подлежат реабилитации направленные в административном порядке на спецпоселение лица из числа репатриированных советских граждан (военнопленных и гражданских лиц), служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения, за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной Армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления».

Итак, контекст употребления данной формулировки достаточно очевиден. В пункте б, в частности, ясно говорится, например, о «насильственных действиях в отношении гражданского населения», но при этом четко обозначен временной промежуток «совершение таких действий во время Великой Отечественной войны». Что касается формулировки «военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия» – то она почти дословно повторяет формулировку, использовавшуюся во время работы Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, в его Уставе, по отношению к нацистским преступникам. Используется она и в соответствующих резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Но для этого необходимо доказать, что адмирал Колчак, равно как и Российское правительство, им возглавляемое, а также и все белые правительства являются ни больше ни меньше – нацистскими преступниками. То есть никакой разницы между фашистскими, нацистскими режимами и режимами Белого движения не существует.

Действительно, подобное отождествление более чем определенно выражено на просторах нашего Интернета – и уравнивание Колчака, Маннергейма с Гитлером, Муссолини, Франко и Власовым стало, к сожалению, весьма популярным среди определенной части исторических публицистов и политологов (не говоря уже о «простых читателях»). Несостоятельность подобных тезисов уже неоднократно рассматривалась в публикациях на «Русской линии»[64].

Абсурдность подобного умозаключения с юридической точки зрения очевидна хотя бы уже потому, что Белое движение было не после, а до вышеупомянутых военно-политических деятелей, а о влиянии на формирование «нацистской» программы в идеологии российского Белого движения не писал ни один из идеологов национал-социализма или фашизма.

Иное дело весьма популярный среди публицистов тезис о том, что, поскольку «Краснов, Шкуро и атаман Семенов в 1941–1945 гг. были пособниками оккупантов», то, следуя данной «логике», этим отождествляются Белое движение и фашистские, нацистские режимы. Но и этот тезис не выдерживает критики, так как, во-первых, ни Краснов, ни Шкуро, ни Семенов в своих действиях и решениях, будучи абсолютно самостоятельными, не опирались на политико-правовые установки Белого дела в 1917–1922 гг. Во-вторых, российское Белое движение, конечно, продолжается в Русском Зарубежье, но только в духовном, идеологическом качестве, а никак не в принципе политико-

правовой преемственности (в противном случае пришлось бы говорить о функционировании в эмиграции, например, Российского правительства, Правительства Юга России, Правительства Северной области или еще какого-нибудь «правительства в изгнании»).

Таким образом, применение к оценке Колчака и Российского правительства терминологии обвинительных заключений Нюрнбергского трибунала юридически некорректно, а по сути – бессмысленно.

Но есть еще тезис о «шпионаже», «государственной измене» Колчака. В качестве подтверждающего аргумента приводится, в частности, письмо адмирала Анне Тимиревой, где он якобы говорит о своей службе Великобритании. Разбирая несостоятельность данного тезиса, следует, прежде всего, учитывать характер данной переписки и психологическое состояние самого Александра Васильевича. Следующий момент, бесспорно необходимый для утверждения о «государственной измене» или о «шпионаже», – состояние войны России с Англией, но его, как известно, не было ни у Российской империи, ни у Российской республики, ни у РСФСР. И, наконец, – отсутствуют свидетельства о зачислении Колчака на британскую службу, платежные ведомости на получение жалованья и т. п. формальные моменты. Рассуждения же о том, что «Англия – наш традиционный геополитический противник», имеют такой же контекст, как любые рассуждения о «противниках» и «союзниках» в зависимости от конъюнктуры внешней политики.

Встречается иногда и обвинение Колчака в «преступлениях против правосудия». Тут уместно процитировать интервью с одним из авторов закона «О реабилитации», судьей Конституционного суда в отставке А. Кононовым (опубликовано на независимом информационном портале «Медуза» – https://meduza.io/feature/2016/10/18/gosudarstvo-dolzhno-bylo-izvinitsya). Судье был задан вопрос: «Закон запрещает реабилитировать людей, которые сами участвовали в репрессиях. А как быть с теми, кто участвовал, но при этом сам явно пострадал от внесудебного политического приговора?» Ответ был таков: «С этим вопросом возникли определенные сложности. Понятно, что все, кого осудили не судебным порядком, а через «тройки» (внесудебные органы, состоящие из представителей НКВД, прокуратуры и партийного начальства. – *Прим. «Медузы»*) и тому подобным образом, получили свои приговоры незаконно и неконституционно. И надо было, с точки зрения разума, закона, рациональности, просто всех их оправдывать. Но вдруг там действительно были люди, осужденные на реальных основаниях.

Скажем, из тех военнопленных, которые были осуждены за предательство [в период Великой Отечественной войны] – вдруг среди них были такие люди, которые действительно с оружием в руках сражались против нас? А как с ними быть? Можно ли их оправдывать? Или с работниками НКВД, которые сами принимали участие в репрессиях? Поэтому встал вопрос о некоторых исключениях из общего правила, и мы как-то пытались эти исключения перечислить, и они есть в законе. Поэтому такие люди, скажем так, как [народный комиссар внутренних дел Николай] Ежов, [министр внутренних дел Лаврентий] Берия (оба – ключевые организаторы массовых репрессий, расстрелянные по фальсифицированным делам. – *Прим. «Медузы»*) и сотрудники НКВД, принимавшие участие в фальсификации дел и репрессиях, – все они по закону оправданию не подлежат…».

Итак, ни с точки зрения принадлежности к нацистскому, фашистскому режиму, ни с точки зрения «измены» в пользу враждебного государства, ни с точки зрения принадлежности к репрессивным органам НКВД («нарушающим правосудие») Колчак и его правительство не могут считаться виновными.

Остается последний термин – «военные преступления». Благодаря ему адмирал Колчак именуется «военным преступником». Здесь необходимо обратиться к законодательной базе, действующей на то время, т. е. в период 1917–1920 гг.

В 1908 г. в России была опубликована «Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны» (т. н. «Гаагская конвенция»). Этот документ имел важное историческое значение, поскольку именно в нем были четко обозначены категории воюющих сторон, мирного (гражданского) населения, определены общие принципы функционирования фронта, прифронтовой территории. Увы, но подписание «Конвенции» еще не означало ее выполнения, что и подтвердили события Первой мировой войны. Тем не менее ее нормы вполне применимы для определения видов «военного преступления», критериев его оценки, действовавших в начале XX столетия. О положениях Конвенции были осведомлены военнослужащие Российской императорской армии и флота.

Важны следующие правовые категории данной Конвенции: «О том, кто признается воюющим» (Отдел 1, глава 1). Статья 1: «Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны. Ополчение или добровольческие отряды

в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии». Статья 2. «Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться, согласно статье 1, будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и будет соблюдать законы и обычаи войны». Статья 3: «Вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных…»

Теперь «о военнопленных» (глава II). Статья 4: «Военнопленные находятся во власти неприятельского Правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью». Статья 5: «Военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте…»

Не менее важна глава «О средствах нанесения вреда неприятелю, об осадах и бомбардировках». Статья 22: «Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю»; статья 23: «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается: а) употреблять яд или отравленное оружие; б) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался; г) объявлять, что никому не будет дано пощады; д) употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания; е) незаконно пользоваться парламентерским или национальным флагом, военными знаками и форменной одеждой неприятеля, равно как и отличительными знаками, установленными Женевскою конвенциею; ж) истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военною необходимостью; з) объявлять потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования подданных противной стороны. Равным образом воюющему запрещено принуждать подданных противной стороны принимать участие в военных действиях, направленных против их страны, даже в том случае, если они были на его службе до начала войны».

Статья 25: «Воспрещается атаковать или бомбардировать

каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения». Статья 26: «Начальник нападающих войск ранее, чем приступить к бомбардированию, за исключением случаев атаки открытою силою, должен сделать все от него зависящее для предупреждения о сем властей». Статья 27: «При осадах и бомбардировках должны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники, госпитали и места, где собраны больные и раненые, под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям. Осаждаемые обязаны обозначить эти здания и места особыми видимыми знаками, о которых осаждающие должны быть заранее поставлены в известность». Статья 28: «Воспрещается отдавать на разграбление город или местность, даже взятые приступом».

И, наконец, «О военной власти на территории неприятельского государства» (Отдел III). Статья 42: «Территория признается занятою, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность». Статья 43: «С фактическим переходом власти из рук законного Правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия». Статья 44: «Воюющему воспрещается принуждать население занятой области давать сведения об армии другого воюющего или о его средствах обороны».

Статья 45: «Воспрещается принуждать население занятой области к присяге на верность неприятельской Державе». Статья 46: «Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность, равно как и религиозные убеждения и отправление обрядов веры, должны быть уважаемы. Частная собственность не подлежит конфискации». Статья 47: «Грабеж безусловно воспрещается». Статья 48: «Если неприятель взимает в занятой им области установленные в пользу Государства налоги, пошлины и денежные сборы, то он обязан делать это, по возможности сообразуясь с существующими правилами обложения и раскладки их, причем на него ложится проистекающая из сего обязанность нести расходы по управлению занятой областью в размерах, в каких обязывалось к сему законное Правительство». Статья 49: «Взимание неприятелем в занятой им области других денежных сборов, сверх упомянутых в

предыдущей статье, допускается только на нужды армии или управления этой областью». Статья 50: «Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния единичных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения». Статья 51: «Никакая контрибуция не должна быть взимаема иначе как на основании письменного распоряжения и под ответственностью начальствующего генерала. Сбор оной должен, по возможности, производиться согласно правилам обложения и раскладки существующих налогов. По каждой контрибуции плательщикам должна выдаваться расписка».

Статья 52: «Реквизиции натурой и повинности могут быть требуемы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не налагали на население обязанности принимать участие в военных действиях против своего отечества. Эти реквизиции и повинности могут быть требуемы лишь с разрешения военачальника занятой местности. Натуральные повинности должны быть по возможности оплачиваемы наличными деньгами; в противном случае они удостоверяются расписками, и уплата должных сумм будет произведена возможно скорее». Статья 53: «Армия, занимающая область, может завладеть только деньгами, фондами и долговыми требованиями, составляющими собственность Государства, складами оружия, перевозочными средствами, магазинами и запасами провианта и вообще всей движимой собственностью Государства, могущей служить для военных действий. Все средства, приспособленные для передачи сведений на суше, на море и по воздуху, для перевозки лиц и вещей, за исключением случаев, подлежащих действию морского права, склады оружия и вообще всякого рода боевые припасы, даже если они принадлежат частным лицам, также могут быть захвачены, но подлежат возврату с возмещением убытков по заключении мира».

Статья 55: «Государство, занявшее область, должно признавать за собою лишь права управления и пользовладения по отношению к находящимся в ней и принадлежащим неприятельскому Государству общественным зданиям, недвижимостям, лесам и сельскохозяйственным угодьям. Оно обязано сохранять основную ценность этих видов собственности и управлять ими согласно правилам пользовладения». Статья 56: «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих Государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват,

истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию»[65].

Часто употребляется понятие «заложничества». Действительно, в отмеченной выше статье 50 говорилось о том, что «Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния единичных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения». Однако Редакционный комитет конвенции отметил, что данная статья не относится к казни заложников, взятых заранее. А казни заложников-военнопленных были формально запрещены Женевским соглашением только в 1929 году.

Итак, критерий «военного преступления», следуя «Гаагской конвенции», может быть квалифицирован применительно к «воюющим сторонам». И здесь вполне были бы уместны обозначения правонарушений (в отношении военнопленных, «гражданского» населения или «добровольческих» (по сути «партизанских») отрядов) в отношении враждебной страны – «воюющей стороны».

Принципиально важный правовой момент:

Как уже отмечалось в предыдущей публикации (часть 4 статьи), территории и население бывшей Российской империи, на которых действовали белые правительства, равно как и СНК РСФСР, никоим образом не считались территориями и населением враждующего государства. Обоюдно и советская, и «белая» политико-правовая системы исходили из того, что их противники – преступники не военные, а «политические». Это «бунтовщики», «мятежники», «враги народа», но никоим образом не «военнопленные», защищенные принципами Гаагской конвенции. Это жестокая реальность не просто войны, а именно Гражданской войны.

Уместно ли, таким образом, определение «военного преступления» в отношении действий государственной власти, ее представителей, осуществляющих свои полномочия не на враждебной территории, а на собственно российской территории? Уместно ли определение «военного преступления» при ответственности самого адмирала Колчака, подчиненных ему воинских командиров, а также частей Восточного фронта Русской армии (как официально именовались воинские части т. н. «колчаковской армии»)?

Каковы же были принципы политико-правовой системы, применявшиеся Российским правительством адмирала Колчака, в отношении тех территорий, того населения, которое определялось «противником»?

Как определялось «военное положение» в условиях Гражданской войны?

Поскольку политико-правовая система Белого движения, его репрессивная политика ориентировались не на войну с «внешним врагом», а на противостояние с «захватчиками власти» (как они определялись в белом законодательстве) – большевиками, то нормы «военного времени», действовавшие, например, во время Первой мировой войны, конечно, оказывали влияние на законодательство (в форме организации белой власти, например), но в меньшей степени, чем это было в 1914–1917 гг. Гораздо большее влияние оказывало репрессивное законодательство Российской империи, ориентированное на «подавление революционного движения», в частности, юридические акты, вводившие положения чрезвычайной и усиленной охраны («Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.) и принятые по инициативе П. А. Столыпина законодательные постановления о военно-полевых судах.

После 1917 года, в условиях т. н. «военно-походного законодательства», приходилось учитывать необходимость создания и «гражданской» власти. Однако изначально в истории Белого движения данная управленческая модель опиралась на «Положение о полевом управлении войск в военное время». Оно было разработано под руководством великого князя Николая Николаевича накануне Первой мировой войны (утверждено 16 июля 1914 г.). Другой законодательный акт, также оказавший влияние на формирование репрессивной политики Белого движения, – «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (приложение к ст. 23-й Общего Учреждения губернского, т. 2. Законов Российской империи). «Положение» определяло статус «театра военных действий», на котором «все гражданское управление подчинялось главным начальникам соответствующих военных округов или военным генерал-губернаторам».

Военная власть превосходила «гражданское управление» тем, что ее распоряжения исполнялись «всеми правительственными местами, общественными управлениями, должностными лицами всех ведомств и всем населением». «Никакое правительственное место, учреждение или лицо» не имели права «давать

Главнокомандующему предписаний или требовать от него отчетов».

Главком мог «устранять от должностей всех должностных лиц всех ведомств на государственной, земской или городской службе в подчиненном ему районе, без различия чина и звания», а также «утверждать предельные цены, продовольственные и иные тарифы, общие для армий и тыла подчиненного ему района», «устанавливать в занятых неприятельских областях подати и налоги, а равно налагать контрибуции и подвергать имущество жителей конфискации»[66].

«Правила о местностях» предусматривали полноту власти Главнокомандующего, Командующего фронтом или Командующего армией. Они получали право «воспрещать удаляться из места жительства таким лицам, которых… предполагается привлечь к работам для достижения целей войны», «назначать общие и частные реквизиции», «воспрещать вывоз необходимых для работ орудий и материалов… могущих потребоваться для войск…» (ст. 9, 10). Военной власти подчинялись и обязаны были «оказывать всякое содействие» генерал-губернатор, полицейские начальства и «все гражданские власти, а равно городские и земские управы» (ст. 13.). Особенно примечательна была ст. 12 «Правил»: «…Если в местности, объявленной на военном положении, будет признано необходимым для охранения государственного порядка или успеха ведения войны, принять такую чрезвычайную меру, которая не предусмотрена в сем приложении, то Главнокомандующий, непосредственно или по представлению Командующего армией, делает распоряжение о принятии сей меры собственной властью…».

«Положение» и «Правила» в полной мере вводили принцип военной диктатуры, делая гражданскую власть лишь вспомогательным звеном в системе прифронтового управления, полностью зависимой от распоряжений военачальника. Как будет показано ниже, подобная система практиковалась в Сибири (когда в 1919 г. на военном положении объявлялись отдельные участки Транссибирской железной дороги), на белом Севере и Северо-Западе. Интересно отметить, что, по мнению министра финансов Уральского областного правительства, члена ЦК кадетской партии Л. А. Кроля, Колчак, «как и большинство военных, …очень высоко ставил «Устав о полевом управлении войск», который может быть вполне пригоден для занятых армией мест в неприятельской стране, но чрезвычайно малопригоден в гражданской войне, в применении у себя дома». В беседе с Управляющим делами Российского правительства Г. К. Гинсом в

октябре 1919 г. адмирал называл «Положение» «несравненным по обдуманности и стройности», воплотившим в себе «опыт и гений веков»[67].

Говоря же о Гражданской войне вообще и о белой Сибири в частности, уместно отметить постановление Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 г., утвердившее «Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Опираясь на них, функционировала репрессивная система и Российского правительства адмирала Колчака. Здесь уже вполне логично отметить преемственность от репрессивного законодательства Российской империи. А, как известно, подобная репрессивная политика стала основанием для многих сегодняшних «обвинений» Колчака: «военный преступник», «преступления против правосудия», «преступления против человечности» и т. п.

Итак, содержание «Временных правил».

Статья 1. Руководство и направление действиями по охранению государственного порядка и общественного спокойствия принадлежит Временному Сибирскому Правительству. Задачу эту Временное Сибирское правительство осуществляет через министра внутренних дел.

Статья 2. Министру внутренних дел предоставляется право – в целях охраны государственного порядка и общественного спокойствия – объявлять ту или иную местность на военном положении, донося об этом Временному Сибирскому правительству.

Статья 3. В местностях, находящихся на театре военных действий, а также в местах расположения военных частей и обслуживающих их учреждений вблизи театра военных действий (войсковых районах, ст. 13 Положения о полевом Управлении войск), право объявлять военное положение предоставляется Командующему армией и командирам отдельных корпусов, с донесением о том Временному Сибирскому правительству.

Статья 4. Военное положение вступает в силу с момента объявления его на местах и действует в течение шести месяцев, если не будет отменено ранее.

Статья 5. При объявлении военного положения должны быть точно указаны местности, на которые оно распространяется.

Статья 6. По истечении шестимесячного срока военное положение может быть продолжено в порядке, указанном ст. 2 и 3 настоящих правил.

Статья 7. С прекращением военного положения в данной местности восстанавливается полная сила действующих законов и отменяются все временные обязательные постановления,

введенные на основании этого положения.

Статья 8. В местностях, объявленных на военном положении министром внутренних дел, права и обязанности по охранению государственного порядка и общественного спокойствия возлагаются на областных и губернских комиссаров или на особых лиц, по назначению министра внутренних дел; в местностях, означенных в ст. 3 настоящего постановления, – на особых начальников по назначению командующего армией или командиров отдельных корпусов.

Статья 9. В местностях, где объявлено военное положение, указанные в предшествующей статье лица имеют право: а) издавать обязательные постановления или приказы, представляющиеся им необходимыми, для предупреждения нарушения государственного и общественного порядка; б) устанавливать за нарушение обязательного постановления или приказа взыскания в виде заключения в тюрьме до 3 месяцев или денежного штрафа до 3000 руб.

Статья 10. В местностях, объявленных на военном положении, министру внутренних дел, командующему армией или командиру отдельного корпуса по принадлежности (ст. 2, ст. 3) предоставляется: а) воспрещать общественные, народные и частные собрания; б) воспрещать отдельным лицам пребывание в местности, объявленной на военном положении на срок его действия; в) приостанавливать периодические издания с направлением дела по ст. 1213 1/23 Уст. Угол. Судопроизв. изд. 1914 г.

Статья 11. В местностях, объявленных на военном положении в порядке ст. 3, командующему армией или командиру отдельного корпуса предоставляется: а) воспрещать удаляться из места жительства таким лицам, которых по их знанию, ремеслу и занятию предполагается привлечь к работам для достижения целей войны; б) назначать общие и частные реквизиции; в) воспрещать вывоз необходимых для работ орудий и материалов, а также продовольственных и перевозочных средств, фуража, дров и тому подобных предметов, могущих потребоваться для войск; г) уполномочивать на принятие мер, означенных в п. «б» и «в» сей статьи, подчиненных ему военных начальников. Примечание. Лицам, упомянутым в п. «а» сей статьи, если они не имеют собственных запасов продовольствия, таковое может быть назначаемо наравне с чинами армии.

Статья 12. В местностях, объявленных на военном положении в порядке ст. 3, каждый военный начальник, под личной своей ответственностью, вправе распорядиться уничтожением строений и истреблением всего того, что, по военным соображениям, может

затруднить движение или действие наших войск или благоприятствовать неприятелю. Примечание. За все уничтоженное и истребленное на основании сей статьи – частным лицам и учреждениям производится по их заявлениям вознаграждение, определяемое особою комиссией, состав и объем компетенции которой будет определен особо.

Статья 13. В местностях, объявленных на военном положении (ст. 2 и 3), милиция подчиняется непосредственному руководству той гражданской или военной власти, по принадлежности, на которую, согласно ст. 8, возлагаются обязанности по охранению порядка и общественного спокойствия.

Статья 14. В изменение и дополнение уголовных законов, лица, виновные: а) в вооруженном восстании и призыве к таковому против Временного Сибирского Правительства и за Государственную измену, б) в умышленном поджоге, истреблении, приведении в негодность воинского вооружения и снаряжения, средств нападения и защиты, запасов продовольствия и фуража, в) в умышленном истреблении и повреждении водопроводов, мостов, плотин, шлюзов, колодцев, бродов или иных средств, назначенных для передвижения, переправы, судоходства, предупреждения наводнения или необходимых для снабжения водой, г) в умышленном истреблении или повреждении всякого рода телеграфов, телефонов или иных снарядов или аппаратов, назначенных для передачи известий, д) в умышленном повреждении железнодорожных сооружений пути, подвижного состава и установленных знаков на водных путях, е) в вооруженном нападении на места заключения, на часового, военный караул и всякого рода стражу, за вооруженное сопротивление военным и гражданским властям, часовым, военному караулу и всякого рода страже, ж) во всяком умышленном убийстве, а также и в покушении на убийство должностных лиц при исполнении и по поводу исполнения ими служебных обязанностей, з) в изнасиловании, разбое и умышленном зажигательстве или потоплении чужого имущества, – если деяния эти совершены в местностях, где введено военное положение (ст. 2 и 3), при действии сего последнего наказуются на одну степень выше установленного уголовными законами наказания.

Статья 15. В местностях, указанных в ст. 3, а также на линиях железных дорог и водных путей, объявленных на военном положении, командующему армией или командиру отдельного корпуса предоставляется – лиц, находящихся в указанных районах, если они обвиняются в совершении преступлений, поименованных в ст. 14, предавать военному суду.

Статья 16. В местностях, где рассмотрение преступлений, перечисленных в ст. 14, передано военным судам, лица, признанные виновными в совершении указанных преступлений, подвергаются наказанию каторгою без срока и срочною на 20 лет.

Статья 17. В случае бездействия власти со стороны должностных лиц, указанных в ст. 8, при исполнении ими служебных обязанностей в местностях, объявленных на военном положении, лица сии могут быть, по определению суда, подвергаемы определенным в законе взысканиям не только в высшей оных мере, но даже одною и двумя степенями выше.

Статья 18. Жалобы на действия и постановления министра внутренних дел, командующего армией или командира корпуса, областных и Губернских комиссаров и особых начальников и лиц, назначенных в порядке ст. 8 настоящих правил, приносятся через министра юстиции Временному Сибирскому правительству в семидневный срок. Принесение жалоб не останавливает приведение в исполнение распоряжений и постановлений, принятых на основании этих правил. Жалобы подаются тому лицу, на действия которого приносятся, а им должны быть представлены по принадлежности с необходимыми сведениями не позже трех суток после их подачи.

Статья 19. Настоящие правила издаются в отмену всех существовавших ранее и изданных во время переворота узаконений и правил об исключительных положениях, кроме положения осадного.

Председатель Совета Министров Петр Вологодский. Члены Совета Министров: Министр финансов И. Михайлов, Министр Внутренних Дел В. Крутовский. Скрепил Товарищ Министра Юстиции Морозов[68].

После прихода к власти адмирала Колчака суть репрессивной политики оставалась прежней, но ее применение отразило специфику положения Сибири, рост повстанческого движения, признание необходимости жесткой «борьбы с большевизмом». Довольно развитая структура Российского правительства отнюдь не гарантировала отсутствия внутренних проблем в его практической деятельности, от разного рода трений между военными и гражданскими властями на самых различных уровнях.

Важно отметить, что уже в «Конституции 18 ноября» (законодательном акте, регламентировавшем порядок функционирования «колчаковской власти») был заложен принцип особого статуса Верховного правителя. В частности, поскольку Колчак занимал должности Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего, ему предоставлялось «особенное» право

«принятия чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности» (часть 2 ст. 3 «Конституции»)[69]. Колчак мог использовать полномочия, согласно Положению о полевом управлении, с передачей гражданской власти под контроль военных.

И такая ситуация возникла довольно скоро. 11 февраля 1919 г. приказом Верховного правителя были приняты «Правила о военном положении», объявленном на линиях железных дорог и в местностях, к ним прилегающих. Ими вводилось военное положение на линии Транссибирской железной дороги «для восстановления правильного движения, а также для обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия». В зону военного положения вошли города Омск, Томск, Ново-Николаевск, Барнаул, Канск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, а также прилегающие к железной дороге территории. Данные «Правила», по существу, создавали «двоевластие», оправдываемое ссылками на условия «военного времени», но порождающее в то же время разногласия в полномочиях между военной и гражданской администрациями, а также – с полномочиями Межсоюзнического железнодорожного комитета (подробнее о соотношении военных и гражданских властей на местном уровне см. раздел, посвященный системе местного управления в белой Сибири). «Правила» предусматривали целый ряд мер для «предупреждения нарушений государственного порядка и общественного спокойствия», в частности: запрет на проведение «всякого рода стачек и забастовок»; изъятие, с последующим привлечением к ответственности, любой печатной продукции, «угрожающей государственному порядку»: закрытие признанных «угрожающими государственному порядку и общественному спокойствию» обществ и союзов, наказания за спекуляцию. Вся полнота власти передавалась управляющим губерниями, по территории которых проходила железная дорога, или «уполномоченным», назначавшимся Верховным правителем (представители военного ведомства или МВД). Их действия могли обжаловаться в 1-м департаменте возрождаемого Сената[70].

Как уже упоминалось, законодательная база с учетом военного положения в Сибири была введена законом от 11 февраля 1919 г. в отношении линии Транссиба и прилегающей к ней территории и дополнена приказом Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего от 23 марта 1919 г. Однако в тыловых районах действовала гражданская администрация, не способная справиться с восстанием собственными силами.

Рассмотрение и анализ причин и последствий повстанческого

движения в Сибири, форм и методов борьбы с ним может стать предметом отдельных монографий и сборников документов. Часть данных документальных материалов приведена в приложениях к книге. Пока же заметим следующее:

Действия Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака в целом вписывались в рамки той политико-правовой компетенции, которая была утверждена законодательством российского Белого движения, выработанного на дореволюционной законодательной базе и претендующего на абсолютную законность в период Гражданской войны и необходимой для полной «победы над большевизмом».

Никакой другой законодательной базы, определявшей правомерность действий адмирала Колчака в 1918–1919 гг., не было и быть не могло (норм международного права применительно к гражданским войнам не существовало, советское законодательство отрицалось полностью).

Говорить о гуманизме или, напротив, об отсутствии такового в данном случае не приходится. В противном случае необходимо, например, утвердить статус «Столыпина-вешателя» на основании той репрессивной политики которую проводил премьер-министр и глава МВД в 1906–1907 гг. (не говоря уже о «Николае Кровавом»). Ведь положение и статус П. А. Столыпина и А. В. Колчака – в контексте «борьбы с революцией» – абсолютно идентичны. Разница только во времени.

Заканчивая тему понимания причин и последствий повстанческого движения, представителями «белой власти» уместно привести слова Верховного правителя адмирала Александра Васильевича Колчака, сказанные им на последнем допросе перед расстрелом (6 февраля 1920 г.): «Я недавно беседовал с одним из членов революционного комитета. Он меня спрашивал, известны ли мне зверства, которые проделывались отдельными частями. Я сказал, что в виде общего правила это мне неизвестно, но в отдельных случаях я допускаю. Далее он мне говорит: «Когда я в одну деревню пришел с повстанцами, я нашел несколько человек, у которых были отрезаны уши и носы вашими войсками». Я ответил: «Я наверное такого случая не знаю, но допускаю, что такой случай был возможен». Он продолжает: «Я на это реагировал так, что одному из пленных я отрубил ногу, привязал ее к нему веревкой и пустил его к вам в виде «око за око, зуб за зуб». На это я ему только мог сказать: «Следующий раз весьма возможно, что люди, увидав своего человека с отрубленной ногой, сожгут и вырежут деревню. Это обычно на войне и в борьбе так делается»[71].

Подобного рода оценка Гражданской войны вполне

объективна и дает представление о нарастающей эскалации братоубийственного противостояния.

Примечательно, что в конце июля 1919 г., в условиях начавшегося отступления белых армий, резко обострилась проблема «стабильности тыла». В условиях, когда фронт постоянно требовал пополнений, а любое «восстание» в тылу требовало отвлечения и без того скудных сил и средств, Колчак утвердил довольно жесткий приказ (№ 167 от 27 июля 1919 г.). По сути, им вводилась уже военная диктатура на местах. Его текст достаточно красноречив и в комментариях не нуждается.

«Отход наших армий на Уральском фронте вызвал в тылу армии и во многих городах среди населения совершенно недопустимые и неприличные явления.

Большевистские агенты совместно с представителями противоправительственных партий и организаций усилили свою работу по созданию всевозможных ложных и тревожных слухов об армии и правительстве. Появились воззвания, где под старыми лозунгами выступили организации, уже испробовавшие свою работу над развалом России, приведшую к большевистской анархии и неслыханному позору.

Среди тех граждан, которые никогда ни о чем не думали, кроме наживы, забыв государственное бедствие, и утратили всякие представления о долге, совести и чести; в связи с указанной деятельностью создалась животная трусливая паника.

Появились отвратительные явления беженства здоровых, сильных физически людей, неспособных с оружием в руках отстаивать даже себя и свое достояние и уклоняющихся под разными предлогами от величайшего долга перед Родиной – военной службы.

Усиленно распространяются слухи о готовящихся выступлениях большевиков в разных городах.

Только трусы, негодяи и изменники могут говорить о какой-то катастрофе, и только в нравственно разложившемся обществе могут возникать такие явления трусости и низости.

Я буду вести борьбу с большевизмом на фронте и в тылу до полного уничтожения этого позора и верю, что армия той части, которая ведет борьбу на жизнь и смерть, сделает то же; я хочу верить, что среди граждан и населения Сибири есть сильные и твердые духом, которые помогут армии и мне довести до конца начатое дело, не смущаясь никакими неудачами и испытаниями, которых много предстоит еще на крестном пути освобождения и восстановления Родины и Государства Российского. Повелеваю всем военным и гражданским начальникам, особенно командующим военными округами и их помощникам,

начальникам гарнизонов, комендантам, управляющим губерниями и уездами обратить внимание на активных деятелей, работающих по созданию и распространению ложных слухов и воззваний и применять к ним самые суровые меры до полевого суда и смертной казни, как за измену.

Я возлагаю ответственность за спокойствие и порядок на указанных выше лиц.

Военной и гражданской администрации, начальникам ведомств и правительственных учреждений принять меры для исключения из состава служащих тех лиц, которые своей трусостью и болтливостью способствуют вышеуказанному.

Что касается до возможных большевистских и вообще каких бы то ни было вооруженных выступлений повелеваю:

При первой обнаружившейся попытке к вооруженному выступлению в каком-либо городе – город объявить на осадном положении, осуществляя все таковым положением, применить предусматриваемые меры и использовать вооруженную силу с целью полного уничтожения выступивших банд, действуя с решительностью без колебания, с ответственностью военных начальников перед полевым судом за проявленную слабость и нераспорядительность. Настоящий приказ широко распространить среди населения.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак»[72].

Насколько этот приказ способствовал укреплению доверия между военными властями и местным населением – риторический вопрос…

Как начинались антиколчаковские восстания и как их подавляли белые власти?

В истории Гражданской войны в Сибири антиколчаковское повстанчество занимало важное место. Как и на белом Юге, развернувшееся в конце 1918–1919 гг. партизанское движение весьма негативно сказывалось на состоянии белого тыла, отвлекая силы с фронта на подавление многочисленных восстаний. Одно из наиболее сильных восстаний – т. н. Енисейское, или Тасеевское восстание. Ниже приводится отрывок из неопубликованных воспоминаний генерал-лейтенанта М. А. Иностранцева «Адмирал Колчак и его катастрофа» (Рукопись хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Приведенные ниже свидетельства взяты из фонда 5960. Оп. 1. Д. 1а. Л. 163–165). Вообще, следует отметить, что в фондах ведущего архива нашей страны хранится ценнейшее документальное наследие, хорошо известное специалистам-историкам, но, к сожалению, практически не введенное в широкий научный и публицистический оборот. К сожалению, некоторые мемуары недостаточно четко атрибутированы, в частности, не установлено авторство воспоминаний (например, авторство А. Гутмана (Гана) в опубликованном на «Русской линии» очерке «Декабрьское восстание в Омске» было установлено после источниковедческого анализа). Большое значение в возвращении документального наследия имеет публикаторская деятельность издательства «Кучково поле», регулярно издающее мемуары из фондов ГА РФ.

Рассматривая юридические аспекты репрессивной политики в белой Сибири, необходимо помнить провозглашаемый принцип правопреемственности от дореволюционного управления в Российской империи. На основании этого строилась как государственная система, так и, в значительной степени, идеология Белого движения во время Гражданской войны. Отречение от престола 2 марта 1917 г., узаконенное (если и не законное) единоличной волей государя, непринятие престола великим князем Михаилом Александровичем без решения Учредительного Собрания, установление власти Временного правительства. Все эти акты утверждались Правительствующим Сенатом.

Низложение Временного правительства восстанием большевиков, с последующим «разгоном» Учредительного

Собрания, с одной стороны, и категорическое отрицание этих действий; продекларированный возврат к санкционирующему представительному органу (Национальному Собранию или Земскому Собору), с другой стороны, все это устанавливало политико-правовую специфику.

Впрочем, вернемся к воспоминаниям генерала Иностранцева. «…В Сибири обнаружилось явление, также не очень радостное и вселявшее серьезную тревогу на будущее. В это время, весьма резко, стало проявляться безусловное оживление на внутренних фронтах, т. е. районы восстания внутри Сибири расширились и сами действия сибирских большевиков стали более решительными и дерзкими. Так на Алтае, в районах Барнаула и Бийска, были обнаружены уже весьма серьезные очаги восстаний, причем правительственным войскам приходилось вести против них уже настоящие военные действия с участием всех родов войск. В Томской губернии по-прежнему окрестности города Мариинска были наиболее горячими местами внутренней войны, но, кроме того, расширившись к югу и востоку, они почти сплелись с восставшими районами Алтая – с одной стороны и Красноярской губернии – с другой. В Красноярском крае, несмотря на энергичные меры, принимавшиеся генералом Розановым и на кажущееся наступившее успокоение, на самом деле восстание ушло лишь в отдаленные от Сибирской железной дороги и потому в более бедные места, и создался так называемый Тасеевский район. О последнем следует сказать несколько слов, чтобы охарактеризовать особенности и чрезвычайные трудности ведения Гражданской войны в условиях сибирской обстановки. Район получил свое название от деревни Тасеевой, ставшей не только центром восстания в этом крае, но и бывшей одно время как бы настоящей крепостью, или цитаделью восстания. Деревня Тасеева, как и большинство сибирских деревень, была весьма большой, а именно в несколько тысяч дворов, и была расположена чрезвычайно благоприятно, чтобы сделаться центром восстания. Она удалена от железной дороги на несколько сот верст, и к ней ведет всего только одна дорога, пролегающая среди непрерывного и дикого леса, или так называемой тайги, в которой, до самой Тасеевой, нет ни одного населенного пункта. Мало того, единственная дорога, соединяющая ее с железной, весьма плоха, проходит по болотам и диким лесным пространствам и едва допускает движение узкой крестьянской телеги. Сама деревня расположена на большой поляне среди тайги на возвышенности с довольно крутыми склонами. Вследствие всего сказанного последняя представляла весьма сильное сопротивление посланному против нее отряду, и

ему пришлось отступить с довольно большими потерями, которые увеличивались еще и от лишений, являвшихся следствием безлюдной окружающей местности.

Следующая попытка смирить непокорное лесное большевистское гнездо последовала уже много позже описываемого времени, так как, в связи с ухудшением положения на фронте, в тылу не было большого количества войск, а восстания разгорались все более и более и войск для борьбы с ними уже не хватало. Поэтому новая попытка овладеть Тасеевой была произведена в сентябре, или даже в октябре, когда в Сибири уже наступает зима и вся тайга завалена снегом. Поэтому ясно что затруднения посланного отряда возросли еще более. Артиллерии с отрядом послано не было, как и в первый раз, так как считали, что последняя не пройдет по упомянутой лесной дороге, тянущейся на сотни верст, и только свяжет собой отряд.

После невероятных трудностей отряд, наконец, добрался до твердыни большевиков и повел на нее атаку. Однако последняя снова не имела успеха, так как, помимо малочисленности отряда по сравнению с противником, последний применил и весьма оригинальное средство, чтобы затруднить атакующим достижение деревни. Повстанцы задолго до приближения правительственных войск, о наступлении которых они знали уже вследствие хорошо знавшей местность собственной кавалерии, следившей в тайге за движением отряда, стали поливать крутые скаты высот, на которых расположена Тасеева, водою, и последняя при сильных морозах обращалась в лед, делая совершенно невозможным подъем атакующих к деревне. Артиллерии, как уже сказано, в отряде не было, и заставлять противника покориться артиллерийским огнем было невозможно.

Наконец, была сделана третья попытка овладеть мятежным гнездом, и для этой цели был отправлен отряд значительно большей силы и снабженный артиллерией, которую решили так или иначе, но подвезти к неприятелю. С этой целью орудия, насколько было возможно, разобрали и уложили на сани, и в таком виде отряд двинулся в поход. Но при приближении к Тасеевой отряд собрал свои орудия и, разделившись на несколько колонн, без дорог, прямо через тайгу, окружил деревню со всех сторон, а затем открыл по ней артиллерийский огонь и продолжал до тех пор, пока мятежники не сдались.

Этот эпизод показывает всю своеобразность действий в Гражданской войне в условиях Сибири и необычайные трудности ее. А между тем таких мест, как Тасеева, были десятки, и потому ясно, как тяжела была такая борьба. Далее, очаги восстаний были расположены в окрестностях Нижнеудинска и только

приближаясь к Иркутску становились несколько реже. Но в районе Забайкалья они снова появлялись, хотя и в меньшем количестве, и сами были значительно слабее. Зато возникали новые места восстаний в Приморской области, и там они требовали также серьезной борьбы. Одним словом, при взгляде на карту Сибири, на которой были нанесены мятежные районы, поражало, что, в сущности, вдоль всей сибирской железнодорожной магистрали были расположены их пятна и только к северу от нее и в большом от нее удалении их не было, но там ведь и была в сущности пустыня. Сколько-нибудь важные районы, как прилегающие к железной дороге, или богатые, как Алтай, были ими охвачены.

Оживление на внутренних фронтах было тем неприятнее, что совпадало с неудачами, начавшимися на главном фронте; оно вызывало необходимость усиления войск в тылу, и приходилось части, расположенные в тыловых районах, еще не закончившие свою подготовку, двигать в мятежные места, и, таким образом, резервы армии не только становились хуже по качеству, но и таяли, т. е. уменьшались количественно. Вместе с тем при действиях на внутренних фронтах, в чрезвычайно трудных, как уже сказано, климатических и других условиях сильно изнашивалась материальная часть…»

В этих условиях власть решила проявить твердость. Политико-правовая база для борьбы с повстанческим движением опиралась на законодательство Российской империи. Это имеет отношение к тезису, активно развиваемому в публицистике, о том, что «Колчак является военным преступником». Здесь уместно отметить, что применение насилия при подавлении антиправительственных беспорядков (в юридической практике того времени «возмущений» или «бунтов») не вменялось в вину военным. Вот как развивался данный тезис в «Воинском уставе о наказаниях» 1868 года. В главе 2 «О преступлениях и проступках, совершаемых в местностях, объявленных на военном положении, и о преступлениях против безопасности армии» отмечалось, в частности (статья 284): «Смертоубийство, а также нанесение телесных повреждений не вменяется в преступление, сверх случаев, предусмотренных общими уголовными законами, еще и в следующих:… 4) когда во время возмущения открытой силой или вооруженной рукою начальник, для восстановления порядка, будет вынужден употребить необыкновенные меры усмирения и при том ранит или убьет непокорного, или прикажет тут же убить его».

При этом, как отмечалось выше, действия красных партизан вполне попадали под действие репрессивных мер

законодательства Российской империи. Статья 278 гласила: «…В местах, защищаемых против неприятеля, или же в виду его, виновные в умышленном поджоге или в ином истреблении каких-либо военных снарядов, предметов и вещей, принадлежащих к средствам защиты или продовольствия, подвергаются: лишению всех прав состояния и смертной казни, с позорным лишением воинской чести; на том же основании подвергаются наказанию виновные в умышленном истреблении, повреждении в военное время телеграфов, водопроводов, железных дорог, мостов, плотин, переправ и других средств сообщения…»

Но репрессии, конечно, не должны были носить стихийный характер мести, «сведения счетов». Опыт пресловутой «атамановщины» был неуместен, но репрессии, проводимые на основе судебных решений, вполне вписывались в правовую систему, создаваемую Российским правительством адмирала Колчака.

1 февраля 1919 г., было принято постановление Совета министров Российского правительства, утвержденное Верховным правителем. Оно гласило: «Совет Министров постановил: 1. Изложить ст. 90 кн. 22 Свода Военных Постановлений в следующей редакции: «В военное время на театре военных действий, когда какие-либо преступления или проступки чрезмерно увеличиваются, Главнокомандующему армиями фронта, Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего, Командующему Отдельной армией, Командующему армией и лицам, пользующимся равной с ними властью, разрешается усиливать временно строгость наказаний, в законе положенных, до смертной казни включительно, объявляя о том предварительно во всеобщее сведение с одновременным донесением по телеграфу в порядке подчиненности Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему о принятых ими мерах и о причинах их несостоятельности.

Сим же лицам и с соблюдением тех же условий присваивается право в тех случаях, когда вследствие военных обстоятельств или во время возмущения, для общей безопасности приняты будут особые меры предосторожности, за нарушение оных устанавливать наказание до смертной казни включительно, с тем, чтобы наложение таковых наказаний производилось по приговорам военно-полевых судов. Примечание: Означенное в сей статье право принадлежит исключительно должностным лицам, в статье поименованным, и не может быть ими передаваемо другим должностным лицам (явное указание на недопустимость самосудов. – *В.Ц.*). Настоящее постановление ввести в действие до обнародования его Правительствующим Сенатом.

Председатель Совета Министров Петр Вологодский. Военный Министр Степанов»[73].

В Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства (№ 4 от 30 апреля 1919 г. Ст. 35.) был опубликован «Приказ Верховного Правителя» «О введении военного положения на линии железной дороги», в отношении Транссиба и прилегающей к нему территории. Вот текст данного документа: «…Для восстановления правильного движения, а также для обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия на территории железных дорог, не входящих в прифронтовую полосу, повелеваю:

Ввести, впредь до отмены, военное положение на линиях железных дорог: Омской от станции Куломзино включительно до ст. Ново-Николаевск, Томской от ст. Ново-Николаевск до ст. Иннокентьевской, Забайкальской от ст. Иннокентьевской до ст. Байкал включительно, Колундинской от ст. Татарская до станции Славгород включительно, Алтайской от ст. Ново-Николаевск до ст. Шипуново включительно, Кольчугинской от ст. Югра до ст. Кольчугино включительно; Ачинск-Минусинской от ст. Ачинск до ст. Минусинск включительно и в городах, прилегающих к названным дорогам: Омске, Татарске, Славгороде, Каинске, Ново-Николаевске, Барнауле, Мариинске, Ачинске, Минусинске, Красноярске, Канске, Нижнеудинске и Иркутске и на ветках: Томской, Бийской, Кемеровской с гор. Томском и Бийском.

На основании правил, утвержденных мною 1 марта 1919 года, военное положение осуществляется на перечисленных линиях железных дорог Главным Начальником Военных Сообщений или его заместителем по должности и в вышепоименованных городах вне полосы отчуждения Командующими Округов через Начальников Гарнизонов.

Адмирал Колчак, Военный Министр, Генерального Штаба Генерал-Майор Степанов».

Вышеотмеченные особенности организации власти, территориальные пределы чрезвычайного законодательства дополнялись приказом Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего от 31 марта 1919 г. «…I. Для решительного и окончательного прекращения мятежных и разбойных выступлений, продолжающихся в отдельных местах Енисейской и Иркутской губерний, на основании 2 части 3 статьи «Положения о временном устройстве государственной власти в России», объявляю, впредь до отмены, губернии Иркутскую и Енисейскую на военном положении, согласно приложения к статье 23 тома II

Св. Зак. (общее учреждение губернское). II. Для осуществления прав и обязанностей, указанных в приложении к статье 23 тома II Св. Зак., предоставляю: Командующему войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанту Артемьеву – права Командующего армией, а Командующему войсками, действующими в Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде Иркутской губернии Генерального Штаба генерал-лейтенанту Розанову – права генерал-губернатора. III. Приказ мой от 14-го марта сего года о военном положении на железных дорогах считать в силе в отношении линии железной дороги и городов, за исключением Ачинска, Минусинска, Красноярска, Канска и Нижнеудинска, в каковых городах осуществление обязанностей по охране государственного порядка, согласно ст. 6 Правил о военном положении на основании Закона 11 февраля 1919 года, возлагается на генерал-лейтенанта Розанова. IV. Приказ этот ввести в действие по телеграфу.

Верховный Правитель Адмирал Колчак, Военный Министр Генерал-майор Степанов, Зам. Министра Внутренних Дел Товарищ Министра В. Пепеляев»[74].

Данный акт был продублирован в приказах по войскам Иркутского военного округа № 381 от 1 апреля 1919 г. и по Енисейскому отряду № 140 от 3 апреля 1919 г.

В отношении же общих указаний по «борьбе с повстанчеством и бандитизмом», не имеющих, правда, четкого правового обоснования, показательно «Повеление» Верховного правителя, согласно которому следовало «возможно скорее, решительнее покончить с Енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже и жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживавшего их; в этом отношении пример японцев в Амурской области, объявивших об уничтожении селений, скрывающих большевиков, вызван, по-видимому, необходимостью добиться успехов в трудной партизанской борьбе (в данном случае указание на «японский опыт» следует понимать как разъяснение действий интервентов, а отнюдь не обязательный пример для подражания. – *В.Ц.*). Следовало также «требовать, чтобы в населенных пунктах местные власти сами арестовывали, уничтожали агитаторов и смутьянов». «За укрывательство большевиков-пропагандистов и шаек должна быть беспощадная расправа, которую не производить только в случае, если о появлении тех лиц (шаек) в населенных пунктах было своевременно сообщено ближайшей воинской части…; для разведки и связи пользоваться местными жителями, беря заложников. В случае неверных, несвоевременных

сведений заложников казнить, а дома, им принадлежащие, сжигать. При остановках, на ночлегах… брать заложников из соседних незанятых красными селений. Всех способных к боям мужчин собирать в какое-нибудь небольшое здание, содержать под охраной и надзором во время ночевки; в случае измены и предательства – беспощадная расправа».

Указания Колчака получили развитие в приказе Розанова «Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания» от 27 марта 1919 г., указывавшего методы борьбы с повстанческим движением в крае: «При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются – расстреливать каждого десятого». «Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т. д. отбирать в пользу казны (все отобранное должно быть проведено приказом по отряду)»; «если при проходе через селения жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население взыскивать денежные контрибуции за круговой порукой… суммы впоследствии сдать в казну»; «при занятии селений по разбору дела неуклонно накладывать контрибуции на всех тех лиц, которые способствовали разбойникам хотя бы косвенно, связав их круговой порукой»; «объявить населению, что за добровольное снабжение разбойников не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч., селения виновные будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны. Население обязано увозить свое имущество или уничтожать его во всех случаях, когда им могут воспользоваться разбойники. За уничтоженное таким образом имущество населению будет уплачиваться полная стоимость деньгами или возмещаться из реквизированного имущества разбойников»; «среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно». «Как общее руководство помнить: на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть как на врагов и расправляться беспощадно. А их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства». Нельзя не отметить, наряду с исключительной жестокостью, определенную архаичность подобных методов противодействия повстанцам (заложники из числа местного населения, круговая порука,

характерная для сельской общины). Объясняется это не только стремлением локализовать партизанское движение, но и очевидным намерением «расколоть» повстанцев, противопоставить одну часть населения («которая стоит на стороне правительства») другой («помогающей разбойникам»).

Примечательно, что в условиях подготовки земельной реформы Колчак издал специальный указ (21 июня 1919 г.), согласно которому (на основании части 2, статьи 3 «Положения о временном устройстве государственной власти в России») «государственные земли, входящие в состав наделов селений Тасеева Канского уезда и Степно-Баджейского Красноярского уезда Енисейской губернии (на земли, бывшие в частной крестьянской собственности, этот указ не распространялся. – *В.Ц.*), изъять из пользования крестьян названных селений и обратить в земельный фонд, предназначенный для устройства воинов» (то есть казенные земли от повстанцев передавались под наделение военнослужащих белой армии. – *В.Ц.*). В административном отношении территория, подконтрольная Розанову, делилась на военные районы, во главе которых ставились подчиненные генералу воинские начальники, а гражданская администрация или упразднялась, или ставилась в прямое подчинение военным. Судопроизводство совершалось исключительно по формам военно-полевой юстиции[75].

Приведенные заявления Колчака, приказы и постановления подчиненных ему генералов стали позднее главными основаниями в обвинении Верховного правителя в «широкомасштабном белом терроре», развернутом против «мирного крестьянского населения» в белом тылу, предъявленном ему на следствии в январе – феврале 1920 г. Тем не менее эффективность «чрезвычайной юстиции» оказалась действенной. Повстанческое движение, как уже отмечалось в воспоминаниях генерала Иностранцева, пошло на убыль, партизанские отряды ушли в Хакасию и Урянхайский край, где, правда, захватили город Белоцарск, тогда как в Енисейской и Иркутской губерниях размах партизанского движения, вплоть до конца осени 1919 г., значительно уменьшился. Это позволило генералу Розанову отказаться от режима военного положения, о чем было заявлено в приказе № 215 от 24 июня 1919 г.

Остановимся подробнее на этом документе.

Приказ Розанова подводил итоги проведения антиповстанческих операций и декларировал возвращение к нормам мирного времени. «Совместными действиями русских, чехословацких и итальянских войск (данные воинские контингенты участвовали в операции согласно договору об

охране линии Транссибирской магистрали. – *В.Ц.*) большевистские банды врагов возрождения России разбиты… Глава восстаний и организаторы нападений на поезда расстреляны правительственными войсками либо убиты самим населением. Награбленный у населения хлеб, скот, а также мастерские и склады, снабжавшие банды всем необходимым, захвачены, а насильно мобилизованные красными – распущены по домам… Нет больше ежедневных многочисленных жертв на железных дорогах среди русских, чехословацких, английских и итальянских войск, беззащитных пассажиров и железнодорожных рабочих… Задача, поставленная мне Верховным Правителем по обеспечению железнодорожного подвоза… и прекращению насилий над населением Енисейской и части Иркутской губерний, потребовала решительных действий против успевших сорганизоваться большевистских банд и временно перейти на законы чисто военного времени, вызвавшие ряд моих суровых обязательных постановлений. Теперь, когда наступило успокоение и представляется возможным перейти к нормальным условиям жизни, временно нарушенным борьбой с врагами Русской Государственности, я призываю военных и гражданских начальников всех степеней, войска и все население Енисейской и части Иркутской губерний посвятить свои силы общей дружной работе по воссозданию Армии и возрождению России».

Таким образом, в приказе четко декларировалось восстановление прав гражданской власти и общей «гражданской юстиции», причем в сжатые сроки. «Военным Начальникам теперь же приступить к постепенной передаче временно взятых ими на себя гражданских, административных обязанностей соответствующим Губернским властям, с оказанием им должного доверия и полного содействия… Начальникам военных районов, кроме Нижнеудинского, теперь же начать постепенную передачу временно взятых на себя функций по гражданскому управлению Управляющим соответствующих уездов, а функции по охране спокойствия и порядка соответствующим Начальникам милиции, с таким расчетом, чтобы 15 июля таковая сдача состоялась полностью, после чего круг обязанностей Начальника района… выразится лишь в форме содействия гражданским властям по укреплению Правительственной власти на местах и обеспечении порядка и спокойствия в уездах… Что касается порядка судопроизводства, то оно также должно постепенно войти в обыденные, установленные законом рамки». Розанов определенно заявил об отмене своих прежних «Обязательных постановлений», «вызванных исключительной обстановкой»: «О расстреле заложников» (от 28 марта), «О расстреле на месте без Суда» за

преступления, перечисленные в постановлении от 26 марта, и цитированный выше приказ «начальникам военных отрядов» от 27 марта 1919 г.

Приказ о восстановлении порядка завершался недвусмысленным указанием и призывом: «Отменяя перечисленные обязательные постановления, предупреждаю, что в случае, если наступившее успокоение будет нарушено, я буду снова вынужден прибегнуть к ним и к тем решительным мерам и действиям, коими были ликвидированы недавние восстания. Призываю всех Государственно мыслящих людей, любящих Россию, оказывать военным и гражданским властям всех степеней полное содействие в поддержании общественного порядка и наступившего успокоения и посвятить все свои мысли строительству молодой России на началах, возвещенных единым Всероссийским Правительством, возглавляемым Верховным Правителем всей России Адмиралом Колчаком». Одновременно с карательными мерами Розанов заявлял о смягчении ожидаемых наказаний. «Обязательное постановление» от 9 июля 1919 г. объявляло, что «все насильно мобилизованные красные, которые явятся с оружием в руках к военным, гражданским и сельским властям, после соответствующей регистрации, необходимой для их личной безопасности, будут помилованы и получат право безнаказанно вернуться к мирной жизни, к своим семьям. Все, не выполнившие этого требования к 1-му августа нового стиля, будут изловлены и преданы военно-полевому суду, а их дворы с постройками сожжены. Регистрацию насильно мобилизованных, возвратившихся домой и прием от них оружия производить Уполномоченным начальников военных районов»[76].

В контексте издаваемых актов об амнистии (широко объявленных в белой прессе) было издано «Обязательное Постановление Уполномоченного Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего и Командующего Русскими войсками, действующими и расположенными на территории Енисейской и части Иркутской губерний» от 9 июля 1919 г. В нем отмечалось: «…Объявляю, что все мобилизованные красные, которые явятся с оружием в руках к военным, гражданским и сельским властям после соответствующей регистрации, необходимой для их личной безопасности, будут помилованы и получат право безнаказанно вернуться к мирной жизни, к своим семьям. Все, не выполнившие этого требования к первому августа нового стиля, будут изловлены и преданы военно-полевому суду, а их дворы с постройками сожжены. Регистрацию насильно мобилизованных, возвратившихся домой и прием от них оружия производить Уполномоченными начальников военных районов

при содействии гражданских и сельских властей. Местами явки насильно мобилизованных и сдачи оружия назначаются: (далее перечисление населенных пунктов. – *В.Ц.*)… Всю ответственность за точное исполнение сего Обязательного Постановления возлагаю на Начальников военных районов и их Уполномоченных. Уполномоченный Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего по Енисейской и части Иркутской губерний, на правах Генерал-Губернатора, Генерал-лейтенант Розанов…»[77].

Позднее срок действия данного постановления был продлен.

После подавления повстанческого движения Розанов был отозван из Енисейской губернии и переведен во Владивосток с назначением на должность Главного начальника Приамурского военного округа. Его преемником в должности командующего войсками Енисейской губернии стал генерал-лейтенант В. И. Марковский. Тем не менее окончательного «замирения» в крае все-таки не произошло. После поражений белых армий в октябре – ноябре 1919 г. партизанское движение вспыхнуло с новой силой, чему способствовали и возвращение из Урянхайского края отрядов красных повстанцев, и деятельность эсеро-большевистского подполья, и отказ подразделений чехословацкого корпуса от охраны линии Транссиба в связи с общим кризисом белой власти в Сибири и на Дальнем Востоке.

Генерал Марковский тем не менее стремился к поддержанию относительного порядка, хотя положение в тылу ухудшалось (см. документы в Приложении 7). 8 сентября им был издан приказ № 19, гласивший: «Ввиду удостоверения Г. Управляющего губернией, что в числе скрывающихся в лесах местных жителей, по заблуждению приставших к красным, имеются многие, которые желают сложить оружие и вернуться к своим мирным занятиям, но не успели сделать этого только потому, что не были своевременно осведомлены о приказе генерала Розанова о добровольной сдаче, нахожу возможным объявить нижеследующее: 1) Предоставляю всем, кто с оружием явится и добровольно сдастся местным военным начальникам или чинам милиции, свободно возвратиться в свои селения и проживать там; 2) Тем из возвратившихся, кои лично совершали преступления, грабежи и другие насилия и подлежат суду, обещаю сохранить их жизнь; 3) Последний срок явки и добровольной сдачи назначаю 14 октября, т. е. 1 октября по старому стилю (день праздника Покрова Пресвятой Богородицы)»[78].

Но в условиях падения белой власти это обращение уже теряло смысл.

Еще один широко распространенный тезис

«антиколчаковской» публицистики: «Колчак знал о беззакониях, но ничего не сделал для того, чтобы остановить их».

Не касаясь действий самого Верховного правителя (об отмене «розановского приказа» о заложниках, о создании комиссий по расследованию законности действий местной администрации неоднократно писал исследователь белой Сибири В. Г. Хандорин), отметим несколько приказов от подчиненных адмирала, непосредственно относящихся к проблеме «борьбы с беззакониями» военных властей.

Приказ № 275 Войскам Сибирской армии, отданный в мае 1919 г. в Екатеринбурге, гласил: «Официальные донесения и жалобы обиженных и пострадавших указывают, что самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции, чинимые представителями власти, к сожалению, не прекращаются. Подобная система произвола может вселить в умах населения представление о новой власти не как о носительнице здоровых начал, законности и правопорядка, но как о власти, чуждой этим началам, идущей по стопам своих предшественников, сгубивших Родину.

Закон и право – спутники сильной и здоровой власти, олицетворяющей собою идею Государственного правопорядка. И этот путь единственный для каждого, на чью долю выпало большое счастье стать проводниками начал Государственности, порядка, права и законности. Воссоздание правового Государства немыслимо, пока агенты власти – от высших начальников до рядовых исполнителей воли последних – не проникнутся сознанием, что власть Государственная сильна своим правом и законностью.

Между тем многим понятия законности чужды или непонятны. Они не мыслят, что расправы, порка и даже расстрелы, творимые без суда, одной лишь их волей, нарушают создающийся с неимоверным трудом Государственный аппарат, роняют авторитет власти и, ничего не создавая, губят Великое дело воссоздания России.

Такие явления недопустимы. Вся сила карающего возмездия должна пасть на головы тех, кто своими действиями играет на руку врагов Государства, кто создает для них столь удобную обстановку для нового натиска на молодую Россию.

Сознавая великую ответственность за будущее народа, я не могу щадить творящих произвол, попирающих элементарные понятия законности и права. Всех, кто будет самочинно производить экзекуции, расправы и расстрелы, я буду предавать военно-полевому суду за истязание и обыкновенное убийство. Предваряя, что лишать кого бы то ни было жизни, даже самых

злых и очевидных преступников – врагов Государства и народа – можно лишь по суду – Общему Корпусному, Военно-Окружному или Военно-Полевому, учреждаемому каждый раз по моему приказанию, или приказаниями Генералов Пепеляева и Вержбицкого. Подлинный подписали: Командующий Сибирской армией, генерал-лейтенант Гайда. Начальник штаба, Генерального Штаба, Генерал-майор Богословский. Скрепил: Помощник Главного Военного Прокурора театра военных действий при Штабе Сибирской армии, Полковник Мельников»[79].

Еще один примечательный документ принадлежит генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу, будущему Правителю Приамурского Земского Края и Воеводе Земской Рати. «Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего № 1107 г. Омск. 20 сентября 1919 года. За последнее время начали поступать сведения, что воинские части, командируемые для прекращения беспорядков, позволяют себе разного рода бесчинства по отношению к ни в чем неповинным мирным жителям.

Это обстоятельство доказывает, что как начальники этих частей, так и солдаты не понимают цели и назначения армии как таковой, являющейся всегда оплотом порядка и законности. Ввиду изложенного Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий повелел: начальникам воинских отрядов и частей строго следить за действиями своих подчиненных и, в случае проявления с их стороны ни чем не оправдываемых бесчинств или других противозаконных деяний, немедленно таковые пресекать решительными мерами, не стесняясь в выборе средств. Те же начальники, которые не проявят в подобных случаях должной распорядительности, будут ответственны наряду с подчиненными им младшими начальниками. Настоящий приказ ввести в действие по телеграфу. Генерального штаба генерал Дитерихс»[80].

Подведем итоги

Конечно, тема политико-правового статуса Белого движения вообще и Верховного правителя адмирала А. В. Колчака весьма обширна. Но даже имеющихся юридических и политических фактов, относящихся к 1917–1920 гг., вполне достаточно для того, чтобы установить:

– Февральский приговор 1920 года в отношении «врагов народа» Колчака и Пепеляева представлял собой исключительно политическое решение, решение в отношении политического противника, объявленного «вне закона», но никоим образом не «военного преступника».

– Иркутский ревком мог принимать решения, квалифицированные как «судебные», что являлось распространенной правоприменительной практикой в РСФСР, однако решения о «смертной казни» должны были иметь четкое обоснование.

– Мотивированность данного решения, вызванного опасениями «контрреволюционного восстания» в Иркутске, была существенно преувеличена.

– Следственные действия в отношении Колчака не были доведены до конца, а в отношении Пепеляева они вообще не производились. Несмотря на наличие «судебных полномочий» у ревкома, никаких действий, имеющих даже подобие суда, в отношении Колчака и Пепеляева не производились.

Это что касается конкретно принятых тогда решений. Помимо этого, необходимо учитывать также следующее:

– Политико-правовые системы РСФСР и правительств, определенных как «белые», в 1917–1922 гг. практически полностью исключали друг друга, отличаясь четко обозначенной непримиримостью к своему политическому противнику. На этом основании невозможно судить о неких «общих» для белых и красных политико-правовых нормах на тот период, равно как и судить о правых и виноватых.

– Вынесенные «белыми» вердикты в отношении представителей советской власти, членов РКП(б), партизан и подпольщиков находились в правовом поле юридических норм, устанавливающих незаконность образования советской власти, преступность действий ее сторонников и сотрудников, а также санкционирующих особый порядок управления территориями, на которых вводилось «особое», «чрезвычайное», «военное» положение.

– Категории «военных преступлений», существовавшие на тот

момент, применялись в отношении правонарушений, совершенных по отношению к армиям и населению других стран, а не жителей одного государства, хотя бы и расколотого Гражданской войной. К иной категории относились преступления, связанные с несением «военной службы» (мародерство, дезертирство и др.).

– Аналогично относительным и спорным является понятие «государственная измена» в отношении противоборствующих сторон Гражданской войны.

На основании вышеизложенных позиций представляется возможным осуществить реабилитацию адмирала А. В. Колчака как жертвы политических репрессий в рамках существующих правовых норм (закон «О реабилитации жертв политических репрессий»). Тем более очевидно данное решение в отношении В. Н. Пепеляева.

Конечно, все перечисленное выше имеет лишь юридическую трактовку. На деле же предстоит, видимо, еще большая работа по разъяснению того очевидного принципа, что Гражданская война – это война народная, массовая война. Война, в которой одна часть народа (некорректно говорить, лучшая или худшая) ведет непримиримую борьбу против другой части народа…

Гражданская война по праву считается самой страшной из войн. И дело не только в ее братоубийственном характере. Один из ее признаков – отсутствие точного учета тех потерь, которые несет население прежде единого государства. Российская Гражданская война тому яркий пример. До сих пор неизвестно и, наверное, никогда не будет известно точное число погибших «красных», «белых», «зеленых», просто мирных жителей, обывателей, убитых и ограбленных безо всяких политических причин, а в результате элементарного бандитизма, грабежей и разбоя. Не поддается учету количество погибших в результате эпидемий, голода. В очень многих регионах отсутствовала реальная, сколько-нибудь устойчивая власть и не велся элементарный учет погибших и родившихся. Приблизительное количество жертв до сих пор исчисляется примитивным способом сравнения советских переписей 1920-х гг. с предреволюционными переписями (посредством вычитания или сложения двух соответствующих показателей).

Тем более некорректно, мягко говоря, приписывать погибших в годы Гражданской войны на территории Центральной России – «красному террору», Юга России – «деникинским бандам», а в Сибири и на Дальнем Востоке – «кровавому режиму колчаковщины». Сводки белой контрразведки, воспоминания участников большевистского и эсеровского подполья, повстанцев,

не говоря уже о газетных сообщениях с той или другой стороны, изобилуют в большинстве случаев округленными, нередко субъективными цифрами погибших, а порядок цифр может колебаться от нескольких сотен до десятков или сотен тысяч.

Проводить на основе данных весьма субъективных источников исследования «красного» и «белого» террора можно только с оговорками, а уж делать оценочные выводы о том, «кто больше убил», – не только некорректно, но и цинично (как минимум).

Аналогично спорным является, например, тезис о «расстреле Колчаком» членов Учредительного Собрания в декабре 1918-го (известно, что в результате офицерского самосуда, а не по мифическому «приказу Колчака») был убит один реальный депутат – Нил Валерианович Фомин (бывший, кстати, в 1918 году активным антибольшевиком и поддерживавшим выступление Чехословацкого корпуса), а членство в Собрании второго убитого вызывает сомнения (А. Брудерера, кстати, одного из организаторов антибольшевистского выступления юнкеров в Петрограде 29–30 октября 1917 г.). Уместно вспомнить и двух убитых в больнице в результате матросского самосуда (а не по приказу Совнаркома) двух кадетских лидеров, депутатов Учредительного Собрания – А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина.

Или уж совсем анекдотичный выверт о том, что «собакам в Сибири дают кличку «Колчак» (на «просторах Интернета» это стало, как ни странно, еще одним «аргументом против» реабилитации Верховного правителя). Но, во-первых, собака – друг человека. Во-вторых, дать такую кличку собаке с агрессивным характером – тоже, наверное, неплохо. Такая собака и врагов к дому не подпустит, и на охоте хозяина защищать станет. Так что ничего зазорного, по большому счету, в этом нет.

Увековечивать же память адмирала русского флота и, безусловно, выдающегося полярного исследователя (достаточно сравнить, например, результаты экспедиции капитана Седова, память о котором сохранялась и в СССР и не оспаривается до сих пор, с реальными результатами экспедиций Колчака) – необходимо, нужно. Очевидно и то, что память Верховного правителя Российского Государства, общепризнанного всеми белыми силами, также должна быть увековечена, коль скоро в современной России всерьез даже не поднимается вопрос о демонтаже, например, памятника Ленину на Октябрьской площади (последний монумент «вождю мирового пролетариата» в СССР, посвященный 70-летию «Великого Октября» в 1987 году). Если речь идет о «перезахоронении», «перенесении» некрополя у Кремлевской стены в новое, специально выделенное, достойным

образом подготовленное и оформленное место, то это не «кощунственное глумление над памятью предков», а, по сути своей, развитие идей начала 1950-х годов о создании некрополя «великих людей», о котором я упоминал в начале книги[81].

В более «глобальном» ключе – любая власть (и красная, и белая) столкнулась бы с теми проблемами, которые оставила после себя Гражданская война. Одинаково касались и «красных», и «белых» не решенные в начале XX века проблемы российской жизни: многоукладность экономики, крайне слабая транспортная и социальная инфраструктура, низкий уровень культуры населения (не путать с уровнем грамотности), низкая производительность труда и т. д., и т. п.

Еще раз повторю то, о чем писал в «Предисловии». Важна память и о тех и о других. Без этого невозможно понимание и примирение, без чего невозможны сплоченность общества, истинный патриотизм и уверенное всестороннее развитие…

В заключение стоит привести весьма актуальные ныне слова известного русского историка, профессора всеобщей истории Московского университета, а также организатора и руководителя Высших женских курсов в Москве (предшественниц МПГУ) В. И. Герье, данные им в книге «Очерк развития исторической мысли»: «Ясное представление о развитии исторической науки особенно важно для начинающих заниматься историей. Эта наука едва ли не считается самой общедоступной. К изучению ее можно, по-видимому, приступить без особенного приготовления, и выводы ее кажутся понятными с первого раза. Это, с одной стороны, доставляет ей популярность, но с другой – влечет за собой много вредных последствий. Ни об одном предмете не высказывается так много незрелых суждений, нигде нет так много непризнанных деятелей, ни в одной науке учащиеся не смотрят так легко на свою задачу, и нигде они не подвержены такой опасности – считать себя после непродолжительного труда за авторитеты и за специалистов. Знакомство с ходом развития исторической науки может лучше всего предохранить от этих ошибок.

Кто знает, как различно понимали в разное время задачу истории, с каких различных сторон подступали к ее изучению, как часто злоупотребляли ею ради личных целей и в интересах партий, какие из нее выводили противоречивые результаты, тот легко поймет, что чем обширнее этот предмет и чем легче увлечься в его изучении преждевременными заключениями, тем серьезнее должно углубляться в него и тем менее удовлетворяться достигнутым результатом…»[82].

И принимая эту оценку, можно, безусловно, пожалеть о том, как много «дилетантов» стало «заниматься историей» и как

поэтому понизился уровень ее изучения. И именно из-за этого появились далекие от объективности оценки Белого движения и, в частности, адмирала Колчака…

Но, с другой стороны, уместно привести еще одну цитату Герье: «…То, что мы склонны называть ложными взглядами на историю, никогда не было случайным явлением, и в самых этих заблуждениях мы можем найти разумную связь и последовательность…»[83]. Остается надеяться, что рано или поздно нынешние дилетантские «заблуждения» рассеются и станут лишь неизбежным этапом в изучении многих драматических событий нашей отечественной истории…

А отмеченный в решении Смольненского районного суда «недостаток информации» о Колчаке, конечно, надо восполнить.

Приложения

Приложение 1

«Декабрьское восстание в Омске»

Так называется отрывок из неопубликованной рукописи известного российского публициста и политического деятеля Анатолия Гутмана (А. Гана). Хотелось бы обратить внимание на достаточно объективную оценку им трагических событий декабря 1918 года, остающихся до настоящего времени (в части современной публицистики) свидетельством т. н. «белого террора» со стороны «только что захватившего власть Колчака». Оценка Гутмана (Гана) тем более интересна, что он был человеком отнюдь не правых взглядов. Тем не менее «трагедия братоубийства» Гражданской войны, пресловутая «атамановщина», равно как и очевидная слабость власти самого Колчака, показаны им достаточно четко. Примечательно, что при описании подавления восстания речь идет о казнях «социалистов» (членов эсеровской и большевистской партии), а отнюдь не об одних «учредиловцах». Таким образом, не приходится говорить о «массовых убийствах членов Учредительного Собрания», как это подчас утверждает современная публицистика. Приведена статистика убитых, раненых с обеих сторон. Порядок чисел, конечно, большой, но никак не многотысячный. Наиболее актуальными представляются свидетельства о непричастности адмирала Колчака и возглавляемого им Российского правительства к самосудам «атаманской вольницы».

Первая часть воспоминаний Гутмана (Гана) (также не переизданная до сих пор в России) увидела свет в Шанхае, в 1921 году, под наименованием «Россия и большевизм».

Рукопись текста хранится в Государственном архиве Российской Федерации (фонд 5881, Опись 1, Д. 180. Л. 146–168). Сохранена пунктуация подлинника. Комментарии Гутмана (Гана) даны в скобках, комментарии публикатора – в скобках, курсивом.

Уместно также привести документальные свидетельства из книги исследователя Белого движения и красного террора в Сибири С. С. Балмасова «Красный террор на Востоке России в 1918–1922 гг.», увидевшей свет в издательстве «Посев» в 2006 году. Данная книга содержит убедительные сведения о причинах карательных акций белой власти, которые нередко представляли собой ответные действия на выступления местных красных партизан и подпольщиков.

«…С момента свержения в Сибири советской власти большевики ушли в подполье, энергично продолжая свою работу. Отогнанные правительственными войсками от центров железнодорожной магистрали, они ушли частью в тайгу, частью в отдаленные от центров селения, где оправлялись от ударов, собирались с силами. Поддерживая оживленную связь с хорошо законспирированными городскими ячейками, большевикам время от времени удавалось вызывать местные восстания, не носившие, однако, серьезного характера. Сибирь всегда таила в себе массу бродяжного, таежного и уголовного элемента, к которому присоединялись разбитые в боях в середине 1918 г. с чехословаками и белыми русскими и бежавшие в тайгу красногвардейцы (Красной армии, как известно, в продолжении первой половины 1918 года еще не существовало). Комиссары, в большинстве уголовные преступники, прошедшие тяжелую школу каторги, умели использовать активный преступный элемент. Вокруг них группировались социальные отбросы городов и сел, при любом строе готовые на грабежи и убийства. Красногвардейцы из военнопленных мадьяр опасались, что в случае поимки их ждет неминуемая смерть, главным образом, со стороны чехов, не дававших им никакой пощады. Они предпочитали укрываться в тайге и, присоединяясь к разбойничьим шайкам, спасались от голодной смерти. Пользуясь сибирскими безлюдными пространствами и тайгой, большевики учли невозможность организации их врагами правильной с ними борьбы.

Они продолжали накапливать свои силы, организовывая исподволь восстания. В средствах у них недостатка не было, так как они при побеге успели захватить награбленные в казначействах и Государственных банках денежные знаки и золото.

30 ноября в Тюмени большевикам удалось взбунтовать мобилизованных омским правительством новобранцев. Произошла кровавая свалка. Убито и ранено было несколько десятков чинов администрации и милиции. Благодаря подоспевшей воинской части бунт был скоро подавлен, и наиболее виновные, в числе которых оказались комиссары, были расстреляны. Через некоторое время большевики подняли восстание в Мариинском уезде на станциях Камарчага и Иланской Сибирской железной дороги. Эти восстания кончились для них также неудачно. Правительственным войскам не стоило большого труда восстановить порядок. При ликвидации восстаний зачинщики главари обыкновенно уходили своевременно, а страдающим элементом оказывалась слепая

толпа, соблазнявшаяся возможностью погромить начальство и пограбить богатых людей.

Непрекращающиеся восстания в тылу Сибирской армии, сражавшейся на главном фронте, создали крайне напряженную атмосферу в Омске, откуда часто приходилось посылать специальные, преимущественно казачьи отряды, для их подавления. Бунты носили крайне жестокий, зверский характер. Партизаны, предводительствуемые коммунистами, бесчеловечно убивали и истязали правительственных чиновников, офицеров и солдат.

Вот характерная выдержка из протокола осмотра трупов погибших во время крестьянского бунта в Мариинске, Томской губернии.

«…В город привезли пять трупов офицеров. У каждого из них вырезаны ремни из спины. Медицинским осмотром трупов установлено, что ремни были вырезаны у живых. Все офицеры, взятые крестьянами в плен, варварски перебиты» (Заря. Томск. 5 февраля 1919 г.). Такие сообщения часто появлялись в повседневной печати *(в следующих документальных публикациях предполагается привести свидетельства подобного рода. – Прим. В.Ц.)*.

Тяжесть борьбы с партизанскими восстаниями в тылу легла преимущественно на, так называемые, отряды особого назначения, организованные казачьими офицерами, по местному названию – атаманами, Красильниковым, Волковым, Катанаевым и Анненковым еще задолго до ноябрьского переворота.

После переворота большевики получили неожиданно для себя весьма ценных союзников в лице подпольных организаций эсеров, энергично взявшихся за «работу».

После изгнания Авксентьева, Зензинова и Аргунова из Омска эсеровские организации повели из подполья объединенную с большевиками работу по свержению правительства. К тому же времени стало известно о начавшихся переговорах между советским правительством и некоторыми лидерами эсеровской партии о примирении. Сообщались имена членов партии Вольского, Шмелева, Падвицкого и др., протянувших руку советскому правительству и уехавших через уфимский фронт в Москву. Омск, как и вся Сибирь, был наполнен эсеровскими агентами, укрывавшимися в общественных и государственных учреждениях. Город кишел также большевистскими агентами, официально выступавшими под фирмой эсеров. На окраине Омска находился большой концентрационный лагерь, в котором содержалось несколько тысяч пленных мадьяр и красногвардейцев. Лагерь охранялся чехословацкими и русскими

отрядами. Можно понять, какой опасности подвергалось только что возникшее правительство адмирала Колчака и в каком нервном состоянии жила тогдашняя резиденция правительства.

В то время в местной тюрьме сидело много большевистских комиссаров со своим главой Михельсоном, бывшим председателем Омского совдепа. Благодаря слабости стражи и ее подкупленности, Михельсон получил возможность из тюрьмы сноситься со своими, оставшимися на воле, товарищами и руководить подготовкой восстания. Подпольный коммунистический комитет имел свои ячейки в местном гарнизоне, милиции и других организациях; совместно с группой железнодорожных рабочих, он разработал план восстания до мельчайших подробностей. Расчет был, главным образом, на пленных красногвардейцев и рабочих. Небольшой отряд вооруженных заговорщиков должен был захватить городские склады оружия, освободить военнопленных из лагеря, арестантов из тюрьмы, вооружить их и с ними отправиться на узловую станцию Куломзино (в 7 верстах от Омска). Там предполагалось захватить железнодорожный путь, прервать телеграф и телефоны, разрушить железнодорожный мост на Иртыше и этим воспрепятствовать подвозу правительственных войск с фронтов. После этого было легко захватить и правительство. Заговорщики, если не рассчитывали на поддержку чехов, то были все же уверены, что чехи, как и другие союзники, сохранят нейтралитет.

Охранные власти Омска агентурным путем узнали о заговоре за два дня раньше. Удалось накрыть тайную квартиру в момент заседания большевистского штаба, обсуждавшего последние мероприятия задуманного дела. Было арестовано 20 человек главарей, и в ту же ночь они, по приговору военно-полевого суда, были казнены. Другая же часть заговорщиков успела скрыться и решила, по-видимому, привести задуманное в исполнение.

В некоторых частях омского гарнизона заговорщики имели своих людей. В ночь на 22 декабря взбунтовались две роты расположенного в городе 8-го сибирского полка в количестве 300 человек и, захватив оружие, вышли на улицу. Там их ожидали предводители. По дороге им удалось в некоторых местах прервать телефонную и телеграфную проволоку. Подойдя к тюрьме они вошли в караульное помещение, обезоружили караул в 40 человек, связали караульного офицера, потребовали ключи и вошли внутрь. Все это было проделано в 15 минут; внутренняя тюремная стража, совершенно растерявшись, исполнила беспрекословно приказания бунтовщиков.

* * *

В то время в омской тюрьме содержались доставленные из Уфы и Челябинска бывшие члены Учредительного Собрания, несколько служащих канцелярии «Комуча» – партийные лидеры социалистических организаций. Среди арестованных были эсеры Нил Фомин, Подвицкий, Лотошников, Филипповский, Павлов, Девятов, Локотов, Иванов, Николаев, Еврасов, Сперанский, Нестеров, Феодорович и др., задержанные в Уфе; редактор социалистической газеты в Челябинске «Власть народа» Евгений Маевский, социал-демократ Брудерер, и бывший уполномоченный Екатеринбургского Временного Правительства социал-демократ Кириенко. Деятели «Комуча» обвинялись в расхищении многомиллионных сумм из Уфимской конторы Государственного Банка и Казначейства, в произвольном печатании денежных знаков и в участии в заговоре против центральной власти, организованной группой Чернова. Маевский обвинялся в призыве к восстанию. Газета «Власть Народа», которую редактировал Маевский, изо дня в день вела резкую пропаганду против Омского правительства и открыто призывала к вооруженному выступлению. Военные власти подвергли ее предварительной цензуре и требовали ее закрытия. В одной из своих статей под заглавием «Все о том же» Маевский между прочим писал: «Народу пора сказать адмиралу Колчаку: твое место на острове Святой Елены». Тогда по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандующего Маевский был арестован и доставлен в омскую тюрьму. Штаб настаивал на предании его прифронтовому военно-окружному суду для осуждения по законам военного времени. Но по личному распоряжению адмирала было решено предать его в распоряжение прокурора Омского окружного суда. Некоторые другие лица были задержаны по распоряжению местных начальников гарнизонов как опасные антиправительственные агитаторы, но им конкретных обвинений не предъявлялось.

Указанные лица воспользовались предложением прибывшего ночью в тюрьму большевистского отряда и ушли вместе со своими освободителями. Как удостоверяет эсеровский «летописец» (см. брошюру «В застенках Колчака» члена ЦК Д. Ракова), дело происходило так: «начали освобождать «политических» и прежде всего большевиков и красногвардейцев. Часть наших стала обсуждать, следует или не следует покидать тюрьму. Большевики торопили с выходом. Солдаты по наивности говорили «учредителям», чтобы те шли в казармы и образовывали власть. Наконец, все вышли. Чуваши сейчас же отправились на квартиру к знакомым. Павлов, Лотошников, Подвицкий и еще несколько человек отправились на квартиры кооператоров –

возрожденцев. Положение остальных становилось критическим. Большевистский отряд отправился на Куломзино. Начало светать, и в городе поднялась тревога, показались патрули казаков. Наши всей толпой двинулись в дом «Земля и воля», что на углу Гасфортовской и Второго Взвода. Владыкина, у которого больная нога, пришлось нести на руках. С огромным риском прошли мимо патрулей, спрятались в подвальном этаже указанного дома». Дальше события разыгрывались в следующем порядке: над усиленным приблизительно до 500 человек отрядом принял командование освобожденный из тюрьмы большевистский комиссар Михельсон. Отряд отправился к концентрационному лагерю, где все было подготовлено к освобождению военнопленных. Заметив издали приближение подозрительного отряда, дежуривший у телефона чешский унтер-офицер успел предупредить чешский штаб, и оттуда к месту двинулась рота с пулеметами. По распоряжению большевистского командира, верный своему долгу чешский солдат был расстрелян у телефонной будки. Чешская стража отказалась пропустить мятежников за проволочную ограду, а последние не решались дать тут бой и быстро ретировались. Они отправились на станцию Куломзино, где ожидали вооруженные группы железнодорожных рабочих. Тотчас же были построены правильные боевые колонны, которым был дан приказ обезоружить железнодорожную милицию, занять станцию и депо, разрушить железнодорожный мост на реке Иртыш и двинуться к городу. Все это было проделано между часом ночи и 6 часами утра.

Однако нападение на тюрьму и концентрационный лагерь не застало военные власти врасплох; они были к этому подготовлены. К станции Куломзино были быстро двинуты правительственные войска: казачьи части и полевая артиллерия. Около 10 часов утра между правительственными войсками, среди которых была небольшая часть чешских легионеров, и мятежниками завязался горячий бой. В ход были пущены пулеметы и полевая артиллерия, расположившаяся против станционного поселка и обстреливавшая укрывшихся в станционных зданиях большевиков. У восставших были только ружья и пулеметы, ибо их попытки разграбить в городе склад оружия успехом не увенчались. После пулеметной подготовки казаки окружили и атаковали восставших. Последние сначала сильно защищались, стреляя в упор в атакующих, но вскоре, терпя большие потери, стали отступать за линию железной дороги. Часть их разбежалась. Однако большую часть бунтовщиков удалось окружить и загнать в железнодорожное депо, где их разоружили. К вечеру 22 декабря мятеж был

подавлен. Город еще с утра был объявлен на осадном положении, и власть перешла в руки военных. Взятых в плен с оружием в руках судили военно-полевым судом.

По проверке задержанных оказалось, что руководители боя, комиссары, в том числе Михельсон, успели скрыться. В результате кровавой схватки на стороне восставших было много потерь убитыми и ранеными. Это объясняется отсутствием у восставших артиллерии и тем, что они были окружены. Бывшая на стороне правительственных войск артиллерия быстро решила судьбу боя. Крайне озлобленные казачьи части жестоко расправлялись на месте боя со своими врагами. Командирам отдельных частей стоило большого труда остановить расправу с пленными большевиками. Той же ночью по распоряжению командующего войсками были учреждены два полевых суда – на станции Куломзино, на месте боя, и в г. Омске, в котором в течение дня и ночи на окраинах были задержаны отдельные группы восставших, стрелявшие в правительственные отряды. Согласно опубликованным вскоре официальным данным, при подавлении мятежа в Омске по приговору военно-полевого суда было расстреляно 49 человек, приговорено в каторжные работы и в тюрьмы 13 человек, убито во время подавления беспорядков 133 человека. В Куломзино же по приговору военно-полевого суда было расстреляно 117 человек, оправдано 24 человека, убито при подавлении мятежа 124 человека. На стороне правительственных войск было потерь: 24 убитыми, 35 ранеными. Чехов было убито 7 человек, ранено 18.

В момент поднятия бунта в Омске находились, кроме чехословаков и сербо-румын, следующие части союзных войск: батальон английской пехоты, под командой полковника Уорда, две бригады канадской пехоты. Полковник Уорд, он же начальник британской военной миссии, узнав ночью о происшествии, по собственной инициативе двинул часть своего отряда в главную ставку и личную квартиру адмирала Колчака на набережной Иртыша. Эта охрана была вскоре по желанию адмирала снята. Отряд чехов и сербов своевременно занял железнодорожный мост, концентрационный лагерь и иностранные миссии. Канадские войска держали нейтралитет. Впрочем, в их услугах не было никакой надобности.

На следующий день, от имени начальника гарнизона г. Омска был распубликован приказ, в котором предлагалось всем бежавшим из тюрьмы явиться обратно в трехдневный срок (Д. Раков в своей брошюре удостоверяет, что срок для возвращения был дан однодневный. Однако официальными документами устанавливается трехдневный срок). Возвратившимся

добровольно гарантируется безнаказанность, так как побег признавался вынужденным. Неявившимся же в указанный срок приказ грозил расстрелом на месте задержания. Та же кара предусматривалась для хозяев квартир, где бы беглецы по истечении срока были обнаружены.

Вместе с большевиками указанные выше лица разбрелись по городу к знакомым. Они выжидали там результатов восстания. Когда выяснилось, что большевики проиграли свою ставку и военные власти жестоко наказывают участников мятежа, для бежавших встал вопрос – как быть? В городе шли повальные обыски, особенно в подозрительных квартирах, и дальше оставаться укрытыми становилось опасным. Некоторые из бежавших: Феодорович, Нестеров, Филипповский, Иванов, Сперанский и Владыкин не пожелали вернуться в тюрьму и скрылись из Омска. Другая же часть, а именно: эсеры Девятов, Кириенко, Фомин, Барсов, Саров, Локотов, Павлов, Лотошников, Подвицкий и социал-демократы Маевский и Брудерер решили вернуться в тюрьму, доверяя опубликованному приказу, гарантировавшему их безопасность. Их родственники в день распубликования приказа обращались по этому поводу через близких им местных кооператоров к министру юстиции Старынкевичу и другим начальствующим лицам и спрашивали, как поступить. Они получили успокоительные заверения в том смысле, что арестованные могут вполне спокойно вернуться в тюрьму и что им ничто не угрожает. Старынкевич помимо того уверил, что после наступления некоторого успокоения и выяснения их непричастности к мятежу многие из арестованных будут совершенно освобождены за отсутствием серьезных оснований к их дальнейшему задержанию. В тот же день Девятов, Фомин, Кириенко, Маевский, Брудерер и др. добровольно явились в тюрьму и были рассажены по камерам.

Казалось, ничто не предвещало рокового конца и все кончится для них благополучно. Но в создавшихся на тот момент в Омске условиях можно было ожидать всяких эксцессов. Правительство адмирала Колчака пришло к власти всего месяц тому назад. Оно еще не успело закрепиться. В его распоряжении не было надежных военных сил. Омский гарнизон состоял преимущественно из казаков и добровольческих частей, сформированных казачьими офицерами. Так называемая атамановщина играла тогда доминирующую роль.

Самоопределившиеся военные единицы всегда представляют опасность для нормального государственного порядка, особенно когда им самим приходится его поддерживать. Но в данном случае приходилось начать строить государственность, опираясь

именно на эти самоопределившиеся отряды. Если отрешиться от всякой предвзятости, то нужно признать, что новая власть, воцарившаяся в Омске 18 ноября, была главным образом, обязана своим успехом этим казачьим офицерам, легко сбросившим членов «Директории» и расчистившим путь для адмирала. Вполне понятно, что новое правительство, не обретшее еще ни внутренней, ни внешней силы, находилось как бы в плену у казачьих атаманов и было вынуждено с ними считаться, особенно когда дело шло о защите безопасности правительственной резиденции. Выше я упомянул, что казачьим частям, так называемым отрядам особого назначения, приходилось все время на своих плечах выносить тяжесть борьбы с внутренним врагом. Вполне естественно была повышенная нервность их начальников и введенных в бой казачьих масс, которые действительно проявили необычайную жестокость при подавлении мятежа.

Атмосфера в Омске накалялась. В военных кругах росла ненависть к социалистам-революционерам, объединившимся с большевиками в борьбе с правительством. Черновская грамота *(декларация-обращение В. М. Чернова с призывами сопротивляться Колчаку, упразднившему Уфимскую Директорию. – Прим. В.Ц.)* и беспримерная подпольная агитация эсеров безусловно содействовали мятежу 22 декабря, хотя эсеры сами открыто не выступили, предоставив совершить кровавое дело несчастной распропагандированной кучке солдат и рабочих; этой массе и пришлось жестоко расплатиться. Естественно и понятно было доведенное до высших градусов чувство возмущения эсеровскими лидерами у казачьих атаманов, как и вообще у военных. И если от армейских офицеров, под влиянием воспитанной в себе дисциплины и достаточной культурности можно было ожидать подчинения своих личных чувств требованиям закона, то атаманы этим требованиям удовлетворяли в значительно меньшей степени. Казачьи атаманы представляли собой готовых на личное самопожертвование, но, к сожалению, людей больше волевых импульсов, чем разума, культурности и дисциплины. К тому же они были проникнуты безудержной жаждой мести по отношению к коммунистам и социалистам вообще. Они считали необходимым уничтожить «головку» как большевизма, так и эсеровщины, не соображаясь ни с какими указаниями государственной мудрости и политической тактики. Они рассуждали примитивно, по-военному: социалисты в подполье опаснее крупных воинских частей, открыто вступавших с ними в бой, и поэтому мы стремимся их уничтожить. Можно сколько угодно осуждать этих людей за такую примитивность образа мыслей и кровожадность. Но это был факт. Если удалось

избегнуть кровавых эксцессов в ночь ноябрьского переворота, прошедшего в мирной обстановке, то теперь, когда страсти разгорелись, когда запахло кровью и порохом, предотвратить эксцессы было уже не в человеческой власти: тем более что в дни подавления мятежа правительство бездействовало и власть принадлежала военачальникам.

По всем данным, идея расстрела наиболее одиозных учредиловцев и социалистов, содержавшихся в тюрьме, принадлежала атаманам Красильникову, Катанаеву и др. Красильников руководил всеми операциями против мятежников и состоял комендантом города. Высшее военное начальство – командующий Степным корпусом генерал Матковский и начальник гарнизона генерал Бржозовский – никакого участия в этом убийстве не принимали, ибо, во-первых, это были достаточно ответственные люди, чтобы не оценить всего вреда, наносимого той расправой правительству, и, во-вторых, они знали, как это будет видно из нижеследующих фактов, что подобные расправы вызовут возмущение Верховного Правителя и Совмина. Но казачьи атаманы ни с чем этим не считались. Они, наоборот, обвиняли адмирала в потворствовании демократии и в его нежелании идти по сомнительному пути кровавой мести, они видели его заигрывание с социалистами.

Хотя документально установить это и не удалось, но из совокупности всех данных, сопровождавших акт убийства, не оставалось сомнения, что неофициальный приказ офицерам Рубцову, Барташевскому и др. забрать всю группу учредиловцев как наиболее опасных большевиков из тюрьмы и доставить их в полевой суд, функционировавший в гарнизонном собрании, отдал Красильников, который не мог действовать без ведома и участия других казачьих атаманов. Они рассчитывали, что полевой суд приговорит к расстрелу приведенных арестантов, не разобравшись в их вине, без какого-нибудь уличающего материала.

В ночь на 23 декабря, около 12 часов, в омскую областную тюрьму явился воинский отряд под командой капитана Рубцова и Барташевского, которые предъявили начальнику тюрьмы требование выдать им группы арестованных по представленному списку для конвоирования их в военно-полевой суд. Ордера председателя суда о приводе командиры отряда не представили. Так как накануне тюрьма была разгромлена и находилась под ведением недостаточно опытного военного караула, то дежурный караульный офицер не стал возражать против требования отряда и выдал Рубцову и Барташевскому требуемых лиц, ограничившись их приемной распиской. В список входили некоторые

большевистские комиссары, в том числе интернационалист Н. А. Попов, активный деятель большевистских организаций, подлежавший военно-полевому суду. Однако Попов лежал в тифозном отделении тюремной больницы, куда офицеры не решались войти (присяжный поверенный Н. А. Попов, опаснейший большевистский деятель, через некоторое время был освобожден из тюрьмы по распоряжению омских судебных властей и взялся вновь за свое дело подготовки свержения власти. В начале 1920 года, после ареста адмирала «Политическим Центром» Попов был делегирован большевиками в следственную комиссию, допрашивавшую адмирала и Председателя Совета Министров Пепеляева. Последнего Попов допрашивал единолично (*допрашивал так «хорошо», что никаких «следов» проводимого следствия не сохранилось. – В.Ц.*)).

Арестованных: Маевского, Кириенко, Девятова, Нила Фомина и др., в числе 13 человек, на грузовом автомобиле интендантского управления повезли в военно-полевой суд, помещавшийся в гарнизонном собрании в самом центре города. Председатель суда, просмотрев список приведенных арестованных, заявил, что об этих лицах никакого дела в производстве суда не имеется и что он не считает возможным их судить. Предстояло их отправить обратно.

Как удостоверяют данные следствия военного прокурора Кузнецова и сенатора Висковатова, в то же самое время происходило заседание военно-полевого суда и партию приговоренных к расстрелу отправляли для исполнения приговора. К этой партии присоединили часть приведенных из тюрьмы и повели в предместье Омска «загородную рощу», где всех расстреляли и похоронили в общей могиле. Другую же часть, приведенную Барташевским, увели на реку Иртыш, где их тоже расстреляли. На следующий день на берегу Иртыша нашли девять изуродованных трупов, среди которых были опознаны: Нил Фомин, Брудерер, Кириенко и др. Судебно-медицинским осмотром трупов было установлено, что убитым нанесено много сабельных ударов и штыковых ран во время завязавшейся борьбы. Очевидно, убитые отчаянно сопротивлялись.

Когда этот вопиющий факт стал известен в городе, общество пришло в крайнее возбуждение. Уже одно то, что убитые добровольно вернулись в тюрьму, исключало всякую необходимость не только казни, но и каких-либо других репрессий. Наконец, если бы убитые были казнены по приговору военно-полевого суда, то можно было бы, учитывая тогдашнюю обстановку, с этим примириться. Тут же произошла бессудная расправа над беззащитными людьми, не нужная никому, разве

только злейшим врагам адмирала и его правительства. Естественно, что возмущение по поводу этого факта охватило в равной мере правительство, общественные организации и союзные миссии, к которым родственники убитых обращались с жалобами.

У Омского правительства оставался единственный выход из положения: привлечь виновных к суду и их покарать, чтобы дать удовлетворение возмущенному общественному мнению. По приказанию Верховного Правителя было назначено следствие на второй день после происшествия.

Адмирал в то время болел острым воспалением легких, имел температуру свыше 40 и почти не вставал с постели. Мятеж застал его в этом тяжелом состоянии. Об убийстве учредиловцев он узнал впервые из доклада Вологодского и Старынкевича и был настолько этим известием потрясен, что впал в бесчувственное состояние. Адмирал отдавал себе отчет, что этим фактом нанесен тяжелый удар престижу его власти и что для эсеров и большевиков он послужит материалом против омской власти. Из помещенных в конце настоящей главы выдержек из предсмертных показаний адмирала Колчака, данных Иркутской следственной комиссии *(их текст, ввиду достаточной известности, не приводится. – В.Ц.),* мы узнаем подробности мятежа и расстрела членов Учредительного Собрания, поскольку их запомнил глава правительства. Этот исключительный документ бросает яркий свет, прежде всего, на роль самого адмирала в этом кровавом эпизоде.

Расследование следственных властей приводило неизменно к атаману Красильникову и другим казачьим военачальникам, как к главным виновникам убийства. Были указания об участии в этом деле также казачьего генерала Иванова-Ринова. С точки зрения закона следовало бы предать суду Красильникова и его сообщников, – но для адмирала и его правительства это было совершенно невозможно. Адмиралу Колчаку пришлось бы пойти на конфликт с казачеством, объявить казакам войну. Это угрожало большой опасностью для едва укрепившейся власти и еще неизвестно, чем бы такой конфликт окончился. Нельзя забывать и того, что в то время назревал острый конфликт с атаманом Семеновым, не признававшим омской власти.

Казачьи части были той активной силой, которая подавила восстание и спасла существование правительства. Можно ли было военачальников, вчера рисковавших жизнью и оказавших правительству неоценимые услуги, сегодня арестовать и предать суду.

Верховному Правителю скрепя сердце пришлось примириться

с фактической невозможностью покарать виновных (дальнейшая судьба атамана Красильникова изложена в фундаментальной двухтомной монографии омского историка В. П. Шулдякова «Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1, 2. – *Прим. В.Ц.)*.

Таковы были условия реальной обстановки. Посмотрим, как рисовали эти события сами большевики.

В обвинительных актах, предъявленных омским военно-революционным трибуналом арестованным в Иркутске в 1920 г. бывшим министрам и сотрудникам адмирала Колчака, события 22 декабря рисуются так:

«21 декабря 1918 года в Омске произошло не увенчавшееся успехом восстание рабочих. Прежде всего, восставшие подошли к тюрьме и освободили не только большевиков, но также и прочих политических узников. Мы не можем отделаться от невольного чувства возмущения при чтении показаний, данных эсерами, членами Учредительного Собрания колчаковской следственной комиссии, в которых они заявляют, что они ушли из тюрьмы из боязни со стороны насильников большевиков, но что они на следующий день добровольно явились в тюрьму стоявшего за свободу, демократа Колчака.

На следующий день утром колчаковцы стали выводить на казнь не только большевиков, которые были захвачены силой, но также и меньшевиков, которые вернулись добровольно. Офицер Черченко пришел с личным приказом Колчака вывести на казнь социал-демократа Кириенко, социал-революционера Девятова и интернационалиста Попова. Кириенко и Девятов были расстреляны на улице. Попов был болен сыпным тифом. Поэтому они пытались сбросить его в водосточную трубу, но тут помешали «технические условия», отверстие было слишком узко. Офицер Бастымаевский из отряда Красильникова вывел на казнь 15 заключенных, включая членов Учредительного Собрания, социал-революционеров Брудерера и Маевского».

Таков судебный материал, которым судебные органы оперировали особенно за границей (этот материал печатался во всех противобольшевистских органах печати в Соединенных Штатах и на Дальнем Востоке и т. д.). Тут фигурирует и «личный» приказ адмирала Колчака, и попытка «сбросить Попова в водосточную трубу, не удавшаяся по техническим условиям». Не будем удивляться этой фантастической лжи, обычному орудию пропаганды большевиков. Однако и эсеры настойчиво вменяли это преступление в вину адмиралу и его правительству (Иркутская следственная комиссия, состоявшая из эсеров и большевиков, одним из мотивов казни адмирала выставила

«расстрел членов Учредительного Собрания, учиненный по приказу адмирала, и награждение им убийц военными орденами»).

Попытаемся проследить их аргументацию. Не будем останавливаться на агитационных выпадах социалистических деятелей и на их брошюрной и газетной литературе. Серьезного внимания заслуживает лишь повествование об этом кровавом эпизоде одного из «героев» сибирской катастрофы, эсера Евгения Колосова. Вот что он, между прочим, пишет в № 21 журнала «Былое» за 1922 г. и повторяет в недавно вышедшей книге, посвященной характеристике правления Колчака.

Подпольные эсеровские организации принимали деятельное участие в подготовке восстания, но Колосов, как знаток дела, в успех восстания не верил. «Одних чешских сил, – говорит он, – хватило бы для подавления какого угодно внутреннего движения на городской территории. Но тем более страшными должны были быть расправы, а в такие моменты не разбирают, кто прав, кто виноват, особенно среди сидящих в тюрьмах». Далее Колосов в том же очерке приводит длинный разговор жены расстрелянного Нила Фомина и затем доказывает, что заключенных в омской тюрьме Фомина, Брудерера, Сарова и др. вывезли ночью из тюрьмы по приказу председателя военно-полевого суда, что их будто бы в ту же ночь судили в гарнизонном собрании и в ту же ночь расстреляли на Иртыше. Никаких фактов и документов в защиту этих утверждений Колосов не приводит. Он считает достаточным ссылаться на беседу его с разными лицами в омской, уже большевистской тюрьме, в 1920 году. Колосову важно доказать, что тут имел место не самосуд опьяненных местью офицеров, а легальное убийство по суду, покрытое Верховным Правителем.

Если бы в действительности дело происходило так, как голословно уверяет Колосов, – то ни адмиралу Колчаку, ни омскому правительству не пришлось бы назначать следствия и привлекать кого-либо к суду. В ночь убийства Омск находился в осадном положении, власть принадлежала исключительно военному командованию, учредившему военно-полевые суды для суждения участников мятежа. Приговоры таких судов были окончательны и конфирмации не подлежали. Никакой закон не давал права привлечения членов полевого суда к ответственности за неправомерные приговоры.

Но если бы военно-полевой суд, действуя при таких исключительных обстоятельствах, и допустил судебные ошибки и осудил невиновных, то не было бы никакой надобности оправдываться кому бы то ни было и искать виновников.

Приведенные выше документальные данные с исчерпывающей полнотой дают право утверждать, что правительство, а тем более адмирал Колчак, не несут ответственности за совершенный в Омске расстрел социалистов.

В то же время не следует забывать, что во всех своих воззваниях и прокламациях эсеры призывали к восстанию и кровопролитию. Они подготовляли террористические акты против адмирала и отдельных членов омского правительства. Лучшим подтверждением этого являются собственные признания все тех же эсеровских летописцев и участников сибирской эпопеи. Тот же Евгений Колосов, оплакивая смерть своего друга Нила Фомина, пишет в № 21 «Былого» за 1923 г. следующее:

«Он (Фомин) считал тогда, что истинным вождем реакции являются Михайлов и Гришин-Алмазов, особенно первый. Так, оно, конечно, и было на деле. Считая, что он сам помог им возвыситься и укрепиться, Нил Вал. *(Нил Валерианович. – В.Ц.)* полагает, что он же должен взять на себя инициативу для решительного пресечения их деятельности. Нил Вал. ставит вопрос о совершении немедленно террористического акта против Михайлова, причем брал на себя выполнение его. Не знаю в точности, но, по-видимому, он обращался с этим предложением к официальным партийным организациям. Сам я полагал тогда, что человеку в положении Нила Вал. подобные акты нужно предпринимать непосредственно на свою ответственность, не ища их санкций со стороны. Так или иначе, но это покушение не состоялось. Михайлов не был устранен ни прямо, ни косвенно и вскоре сам перешел в наступление».

В другом месте цитированного очерка Колосов подробно описывает, как он сам однажды таким же образом собирался устранить адмирала Колчака.

Эти строки лидера эсеровской партии дают достаточно материала, чтобы в должной мере оценить сущность идеологии эсеровских вождей. Колосов считает закономерной и, очевидно, вполне соответствующей его социалистической совести кровавую расправу со своими политическими противниками: министром финансов Михайловым и военным – Гришиным-Алмазовым. Убийство из-за угла Колосов, со свойственным ему цинизмом, именует «прямым устранением». Нил Фомин считал себя вправе самолично убить министра финансов Михайлова только за то, что тот не последовал за его программой, а отмежевался от эсеров и стал на государственную точку зрения. Фомину как правоверному эсеру убийство политического противника казалось естественным исполнением партийного долга. Если бы это убийство ему удалось выполнить, то можно ли сомневаться в том, что его

политические друзья и единомышленники аплодировали бы его героизму.

И если бы самому Колосову удалась бы операция «прямого устранения» – т. е. попросту убийства – адмирала Колчака, то нашелся ли хоть один эсеровский публицист, который осудил бы это убийство?

Имеют ли, однако, эти идеологи террора и восстаний право жаловаться общественному мнению, негодовать и возмущаться убийством тех товарищей, которым не удалось привести в исполнение задуманных преступлений, а пасть жертвой аналогичной расправы.

Откровенные признания Колосова послужат цели противоположной той, которую он себе поставил. Они не поведут к вящему посрамлению адмирала Колчака и не запятнают его памяти. Все же те, кто был склонен отнестись к убийствам на Иртыше с известной снисходительностью и оправдать их атмосферой гражданской войны, найдут в них новое подтверждение для такой оценки драмы 22 декабря…»

Приложение 2

Александр Васильевич Колчак о своих убеждениях и своей политике

Единоличная власть

В моменты остроты политических осложнений, в моменты великой разрухи и тревоги понятно, что люди ищут умиротворяющие начала. Одним из таких выходов обычно признается твердая власть и, как ее наиболее гибкая форма, власть единоличная.

Такое признание далеко не ново, оно было и в древности. Римская республика знала власть диктатора и обращалась к ней в тот момент, когда государству грозили величайшие бедствия. В диктатуре видели крайнее средство и прибегали к ней только в самые острые моменты.

То, что мы теперь переживаем, такой момент не может вызывать споров, и разговоры о диктатуре вполне понятны. Тем не менее вопрос этот требует величайшей осторожности, т. к. ни одна власть не способна так легко выродиться в самовластие, как власть диктаторская.

Если она и может быть признана, то только в случае введения ее в строго определенные рамки и признания общенародного. Строго определенная компетенция диктаторской власти вещь вполне возможная. Для этого необходимо, чтобы диктаторские полномочия вручались на определенный срок с определенными заданиями и с условием полнейшей ответственности за свои действия после истечения срока.

Кроме того, единственным возможным способом образования этой власти является делегирование ее одному лицу или группе лиц органами, признанными законной властью всем или значительнейшей частью населения.

Только признанное всеми правительство может делегировать такую власть. Только в этом случае она не будет висеть в воздухе, не опираться ни на кого, кроме самой себя.

Что такая власть не противоречит принципам демократии, примером нам могут служить демократии классического мира. Всякое иное решение вопроса ни в коем случае не может рассчитывать на сочувствие страны и слоев социалистической и несоциалистической демократии

А.К.Голос Приморья. Владивосток. № 248. 1 (14) июля 1918 г.

Интервью А. В. Колчака иркутской газете «Свободный край»

Имя адмирала А. В. Колчака так настойчиво повторялось в различных правительственных комбинациях дальневосточного происхождения, что в связи с событиями во Владивостоке представляется весьма важным выяснить истинную точку зрения адмирала.

Важно потому, что имя адмирала Колчака – одно из лучших имен первых месяцев революции и появление его на пекинско-харбинском горизонте вызвало понятное недоумение.

Наш корреспондент имел возможность беседовать с адмиралом в Токио, который он избрал своим временным местопребыванием.

Высказанное адмиралом Колчаком рассеивает всякие подозрения в его антидемократичности.

Адмирал Колчак о себе

– Я – человек военный и чужд всякой политики. Всю жизнь я работал для войны. Я давно видел неизбежность этой войны, я желал ее и готовился к ней, еще будучи относительно молодым и занимая скромные должности.

Я участвовал во многих предварительных работах и без излишней скромности должен сказать, что достиг известных результатов (выработка морской программы и пр.).

Словом – целью и смыслом моего существования была подготовка к войне.

Переворот

– Не буду повторять всем известные факты. С некоторых пор мне стало ясно, что война должна быть проиграна. Распутинщина, сухомлиновщина, протопоповщина и многое другое вели Россию к гибели.

Только переворот мог спасти положение, вывести Россию на путь возможной борьбы с врагом.

Переворот, конечно, не был для меня неожиданным.

Я приветствовал переворот, как путь к победе. Я искренно надеялся, что теперь налажен будет тыл и пр. и Россия соберет мощь, необходимую для победы.

То, что мне пришлось наблюдать на Черном море, подогревало эти надежды. Единодушный подъем обещал многое, и работа кипела.

Команды с восторгом выходили в море. Настроение было превосходное.

Рядом с требованием свободы раздавались и требования

Босфора. Настроение было сознательное, боеспособное, я сказал бы, победное. Так продолжалось 2 недели.

Я вспоминаю горячую, талантливую речь члена Госуд. Думы Александрова, произнесенную при большой аудитории в Морском Собрании в Севастополе. Этот умный и чуткий деятель уже понял, что революция вступила на гибельный для России путь.

Он ярко и образно нарисовал опасное положение и кончил – как сейчас помню – утверждением, что 180-миллионный народ не может покончить самоубийством. А между тем народ уже шел к самоубийству.

Речь Александрова произвела громадное впечатление в Севастополе.

Обо мне писали в газетах, что у меня на Черном море порядок. Но его не было.

Временное Правительство мне доверяло и было спокойно за Черноморский флот. Но оно не знало истинного положения вещей.

Правда, мое влияние многое сдерживало. Не заслуженная мною слава была сдерживающим началом, охраняла внешний порядок.

Но анархия, я чувствовал это, приближалась медленными, но верными шагами.

И то, что было на Балтике, должно было случиться и на Черном море.

Война проиграна

– В 20-х числах апреля меня вызвал Гучков в Петроград.

В это время происходили совещания в Пскове. Я виделся с Алексеевым, познакомился с Корниловым, сделал доклад в Совете министров.

Я изложил министрам, как обстоит положение вещей на самом деле.

Они не знали истинного положения и представляли его себе гораздо лучшим, более прочным.

Я разочаровал их.

Соколов, например, встретив меня, поздравлял с порядком на Черном море.

Я возражал ему, объяснив, что анархия коснулась и нас, и Черноморский флот идет к поражению и гибели. За эту поездку я узнал истину о положении вещей в России и понял всю безнадежность.

Война была проиграна.

Последнее усилие

– Вернувшись в Севастополь, я собрал команды и в откровенной речи обрисовал им полную картину происходящего.

Я рассказал им все, что узнал и видел. Я сказал, что все зависит от войны. Если война будет выиграна, то революция принесет желанные плоды. Если же война будет проиграна, то погибнет и революция.

Мое сообщение вызвало всеобщий подъем настроения, и, желая его использовать, я отправил несколько сот лучших во флоте людей для пропаганды по России, на фронте и в Балтийский флот продолжать войну.

Меня предупреждали, что этот шаг может быть фатальным для моря, что без этих лучших людей здесь все развалится.

Работа немцев

– Так и случилось. Произошел полный развал, но я сознательно отправлял лучших людей на фронт, считая, что фронт важнее Черного моря.

Вы помните, вероятно, то, что тогда происходило в Севастополе: ничем не вызванное разоружение офицеров.

Ко мне не было предъявлено никаких требований. Но я считал себя первым офицером на море. Раз отнято у других оружие, я сам лишил себя его – бросил свою саблю в море и тем самым отказался от командования.

Следствие Зарудного выяснило причину волнений. Они явились результатом агитации германских агентов, кронштадтских матросов и уголовных элементов.

Я сдал командование. Уехал в Петроград и сделал резкий доклад Керенскому. В докладе я указывал на несомненную гибель революции и проигрыш войны.

В Совете министров ничего не могли мне возразить. Они сами соглашались, что положение безнадежно.

Это было в июне.

Поездка в Америку

– В это время в России находилась американская миссия Рута. В составе ее был адмирал Гленон. Он выразил желание, чтобы я приехал в Америку обменяться чисто техническими военно-морскими вопросами.

Его особенно интересовала постановка у нас минного дела.

Это дело было у меня поставлено очень хорошо, и мы плавали по морю, как в мирное время.

При мне ни одно боевое неприятельское судно, кроме подводных лодок, не смело показываться.

Несмотря на желание Керенского, чтобы я вернулся обратно в

Севастополь, я принял предложение адмирала Гленона.

Я пробыл в Англии два месяца, занятый чисто техническими задачами.

Я продолжал работать для войны.

Продолжать войну

Большевистский переворот случался во время моего проезда из Америки в Японию. Я приехал в Йокагаму, где узнал о перевороте и начале мирных переговоров. Я решил не признавать этого правительства и продолжать войну вместе с союзниками. Я предложил свои услуги британскому послу в Токио. Не как адмирал, а как простой солдат.

Мне предложили выехать на Месопотамский фронт.

Я выехал с двумя офицерами через Шанхай до Сингапура.

Далее я должен был проехать в Бомбей и там в штабе индийской армии должен был получить инструкции.

Я не знал, какая роль меня ожидает в Месопотамии.

В Шанхае я получил предложение от нашего посла в Пекине кн. Кудашева и от Путилова принять службу в полосе отчуждения.

Я отказался, сославшись, что уже имею военное назначение.

В Сингапуре меня настигло распоряжение английского правительства о прекращении моего следования, ввиду распадения Кавказской армии и изменившейся обстановки в Месопотамии.

Пекин – Харбин

– Я попросил разрешения приехать в Пекин поступить в распоряжение нашего посла.

В Пекине я встретился с Хорватом и Путиловым, кои решили создать вооруженную силу в полосе отчуждения для борьбы с большевиками и немцами.

Меня пригласили командовать этими войсками, и я принял командование.

Тут, в Харбине, я познакомился с Сибирским Правительством.

Впечатление мое от знакомства с членами Сибирского Правительства отрицательное.

Это – те же представители крайних социалистических партий, которые однажды уже привели Россию к гибели.

Ожидать от них чего-либо дельного, по моему мнению, нельзя.

В это время Семенов развивал свои действия на запад от Маньчжурии, и японцы его поддерживали.

Мое мнение было, что действовать надо по направлению к Владивостоку, а не на запад.

Владивосток, как крайний пункт, притом располагающий запасами вооружения, мог служить базой для создания вооруженных сил.

В полосе отчуждения ничего серьезного создать было нельзя. Необходимо было перенести все на русскую территорию, лучше всего на восток.

Тогда же Семенов, Таскин и др. объявили себя правительством в Забайкалье, и Семенов отказался признать мое командование.

Правительство Хорвата

– О правительстве Хорвата не могло быть серьезного разговора.

Я не политик, но основные положения государственного права помню.

Каждое правительство должно иметь собственные:

территорию,

население,

вооруженные силы и средства.

Без соблюдения хотя бы одного из этих четырех условий правительства быть не может.

Правительство же, созданное вне этих условий, будет не правительством, а только пародией на правительство.

В состав такого правительства я никогда не войду.

В полосе отчуждения какое может быть правительство?

Правительство, которое каждый китайский городовой может выселить!

Без территории и населения нельзя создать власть.

Чем должна быть армия

– Армия всегда и везде выполняет чисто военные задачи.

Армия – это только вооруженная сила, независимая от образа правления.

Это – технический инструмент. Она всегда одна и та же, всегда одинакова.

Как оружие (пушка, мортира) не может быть ни республиканским, ни монархическим, так и вооруженная сила. Это только технический инструмент, не более.

Таков мой взгляд на существо армии.

Назначение ее, ее задача – единственная и настоятельная – борьба с немцами.

Только тогда и может существовать правительство, только тогда можно думать об Учредительном Собрании, когда есть вооруженная сила.

Только вооруженная сила может обеспечить гражданскую безопасность и обеспечить экономическое существование.

Я говорил Краковецкому: его попытка создать «революционную армию» – вредная попытка. Она уже развалила одну армию. Создать другую на таких основаниях нельзя.

Надо создать фронт. И это можно лишь при содействии союзников. Только они могут дать необходимые войска и технические средства.

Только Япония

– Я считаю, что только Япония может помочь воссозданию нашей боеспособности.

Япония играет решающую роль на Дальнем Востоке.

Я так и смотрю. И раз я не могу работать совместно с ними – я прекратил работу.

Признаюсь, мне горько, что мое желание работать не встретило сочувствия.

Но личных целей я никогда не преследовал и потому устранился.

Власть – местная.

Большевизм в теории – одно, а на практике – другое.

На практике это моральное разложение и измена!

Мы стоим перед фактом ликвидации большевизма.

О Правительстве Сибирском сейчас нельзя говорить: нет территории, нет армии.

Правомочны только местные самоуправления

– По мере расширения территории должны будут создаваться высшие органы власти и так дойдет до Учредительного Собрания.

В настоящее время создание вооруженной силы возможно только при помощи союзников, сначала при их военных частях.

При помощи союзников и создании элементарных условий гражданской жизни – личной и имущественной безопасности – возможно будет сформировать местные органы самоуправления, которые постепенно выдвинут более широкие государственные институты, напр. областные правительства. Тогда русские вооруженные силы могут вступить в их распоряжение и при помощи русских вождей и союзников развертываются в самостоятельные боевые части, имея целью вместе с союзниками создать новый фронт. От исхода борьбы на этом фронте будет зависеть и дальнейшее политическое существование нашей Родины.

Под прикрытием фронта, имея обеспеченный тыл, можно будет собрать Сибирскую Думу и установить правительство,

которое при дальнейшем продвижении фронта на запад будет развиваться до конечной цели: созыва Российского Учредительного Собрания и установления государственной власти, согласно воле свободного народа.

Свободный край. Иркутск. № 72. 25 (12) сентября 1918 г.

Речь Верховного правителя адмирала Колчака на торжественном объединенном заседании Екатеринбургской городской думы и земской управы. Февраль 1919 г.

Господин председатель Городской думы и господа гласные. Не в первый раз за настоящую мою поездку мне приходится встречаться с представителями земств и городов и с представителями общественности, и я с глубоким удовлетворением должен установить отсутствие разногласий взглядов моих и Правительства, которое я возглавляю, с положениями, что я слышал до сих пор от местных людей. Я должен отметить глубокое значение этого факта, ибо в безвозвратное прошлое ушло то время, когда власть могла себя противопоставлять общественности как силе ей чуждой и даже враждебной. Новая свободная Россия должна строиться на фундаменте единения власти и общественности. Я не буду подробно касаться тех местных, хозяйственных вопросов, которые подробно доложили здесь официальные представители города и земства, скажу лишь, что вопросы эти – одного порядка для всех земств, для всех городов, освобожденных от власти большевиков в России. Разрушенные хозяйства, выведенные из состояния равновесия бюджеты – вот то тяжелое наследие, которое оставили муниципальной жизни большевики, а для прифронтовых местностей это наследие отягощается еще неотложными заботами как о нуждах Армии, так и о больных и раненых воинах, попечение о которых взяли на себя прифронтовые земства и города.

Я и Правительство, мною возглавляемое, отчетливо представляем себе всю тяжесть условий, в которых приходится начинать свою созидательную работу молодой русской общественности. В программу Правительства входит поэтому как широкая помощь земствам и городам в деле выполнения задач общегосударственных, так и оказание им содействия всякого рода по восстановлению разрушенного хозяйства и развитию муниципальных предприятий. Часть вопросов, связанных с оплатой городу расходов, понесенных им на удовлетворение военных потребностей по расквартированию войск, я могу разрешить теперь же. Я должен при этом оговориться, что лишь в хозяйственной деятельности муниципалитетов, в широком

развитии муниципальных предприятий лежит путь устойчивого хозяйства и процветания городских самоуправлений, но в настоящий момент не эти вопросы, местные и хозяйственные, имеют первенствующее значение. Население ждет от власти ответа, и задача власти открыто сказать, куда и какими путями она идет и какими идеями одухотворена борьба с большевизмом, борьба, не допускающая никаких колебаний и никаких соглашений.

Вот первая задача и цель Правительства, которое я возглавляю. Вопрос должен быть решен только одним способом – оружием и истреблением большевиков. Эта задача и эта цель определяют характер власти, которая стоит во главе освобожденной России – власти единоличной и военной. Вторая задача Правительства, мною возглавляемого, есть установление законности и порядка в стране. Большевизм слева и справа, как отрицание морали и долга перед Родиной и общественной дисциплины, справа базирующийся на монархических принципах, но, в сущности, имеющий с подлинным монархизмом столько же общего, сколько имеет общего с демократизмом большевизм, характеризующийся для своих адептов свободой преступления и подрывающий государственные основы страны, большевизм, который еще много времени будут требовать для упорной борьбы с собой. Одни отрицают право, другие желают быть выше права. Законность и порядок поэтому должны составить фундамент будущей великой, свободной демократической России. Я не мыслю будущего ее строя иначе как демократическим. Не может он быть иным и теперь. Быть может, только суровые, военные задачи заставляют иногда поступаться им и в условиях борьбы вынуждают к временным мероприятиям власти, отступающим от тех начал демократизма, которые последовательно проводит в своей деятельности Правительство.

Всеобщее избирательное право в области местного самоуправления, широкое развитие последнего, проникнутое духом демократизма, социальное законодательство в области рабочего и земельного вопросов служат последнему доказательством. В области аграрного законодательства Правительство стоит на точке зрения укрепления и развития мелкой земельной собственности за счет крупного землевладения и широких земельных реформ в целях удовлетворения землей земледельческого населения, нуждающегося в ней. Эти реформы оно мыслит лишь на основе права, государственной необходимости и социальной справедливости.

В области международных отношений Правительство стремится к поддержанию тех международных отношений, с

которыми Россия вступила в великую Европейскую войну, стремясь всемерно укрепить и поддержать прежние дружеские отношения. Еще недавно вся свободная Россия была встревожена, когда получилось предложение держав Согласия всем правительственным организациям, обладающим вооруженными силами, послать представителей на Принцевы острова для соглашения с большевиками. Мы сочли ниже своего достоинства даже отвечать на эти предложения. Ныне этот вопрос может считаться поконченным. Сговора с большевиками на Принцевых островах не будет, и те западноевропейские государственные деятели, которые еще недавно поддерживали эти планы, ныне, прозрев, клеймят большевиков названием убийц-террористов, как это сделал Ллойд-Джордж в палате депутатов.

Вот те ближайшие задачи, которые поставило себе Правительство, мною возглавляемое, и ради которых оно требует от населения суровых, жертвенных подвигов. Оно проникнуто идеей возрождения Родины и не мыслит себя призванным к разрешению всех коренных вопросов устройства страны, но считает народ русский единственным хозяином своей судьбы, и когда, освобожденный от гнета и насилия большевиков и язв большевизма, он через своих свободно избранных представителей в Национальном Учредительном Собрании выразит свою свободную волю об основных началах политического, национального и социального быта, то я и Правительство, мною возглавляемое, почтем своим долгом передать правительству, им авторизированному, всю полноту власти, нам ныне принадлежащей.

Ауслендер С. Верховный Правитель Адмирал Колчак. Омск. 1919. С. 10–11.

Приложение 3

Формирование и развитие политического курса Белого движения в Сибири

Правительственное сообщение о событиях 18 ноября 1918 г. в Омске

Утром 18 ноября к председателю Совета министров поступило сообщение о том, что минувшей ночью в квартирах членов Временного Всероссийского правительства Авксентьева и Зензинова, заместителя Аргунова и товарища министра внутренних дел Роговского произведен был обыск лицами, одетыми в военную форму, и после обыска вышеперечисленные лица арестованы и увезены, причем местопребывание их Председателю Совета Министров установить не удалось.

Проверив это сообщение, Председатель Совета Министров по соглашению с членом Временного Всероссийского Правительства немедленно созвал чрезвычайное заседание Совета Министров, и из сведений, сообщенных другими министрами, выяснилось, что за последнее время среди широких общественных кругов, особенно среди кругов военных, назревало сильное недовольство нерешительной политикой Временного Всероссийского Правительства по отношению к тем левым течениям, которые вновь начинали свою разрушительную противогосударственную работу, выразившуюся в составлении и распространении преступных прокламаций, попытках частичных восстаний и проч. Нерешительная политика Всероссийского Временного правительства по отношению к этим левым течениям ставилась общественными кругами в связь с тем фактом, что председатель Временного Всероссийского Правительства Авксентьев, заместитель его Аргунов, член Правительства Зензинов и руководитель государственной милицией Роговский были видными деятелями и отчасти ответственными руководителями партии социалистов-революционеров и что, согласно постановлению последнего съезда этой партии, члены ее, участвовавшие в Правительстве, должны нести ответственность за свою политику перед центральным комитетом партии.

При таких обстоятельствах резкое недовольство, накопившееся в широких общественных и военных кругах политикой Временного Всероссийского Правительства, естественно сосредоточилось около четырех вышеперечисленных лиц. Из доклада Председателя Совета министров выяснилось, что

министерство внутренних дел, стремясь предотвратить возможность каких-либо эксцессов на этой почве, держало усиленные наряды около помещений, занятых Н. Д. Авксентьевым и В. М. Зензиновым.

Выслушав эти сообщения и установив, что никакими законными властями – ни военными, ни гражданскими, не отдавалось распоряжения об аресте вышеперечисленных лиц, Совет Министров почел первым своим долгом единодушно осудить такие самоуправные и вносящие смуту действия и постановил безотлагательно назначить под личным наблюдением министра юстиции расследование событий, имевших место в ночь на 18 ноября, поручив вместе с тем министру юстиции и военному принять решительные меры к обнаружению местонахождения незаконно лишенных свободы членов Правительства и к обеспечению личности их от всяких насилий.

После сего Совет Министров занялся обсуждением вопроса о возможности дальнейшей деятельности Временного Всероссийского Правительства. Председательствовавший на заседании член Временного Всероссийского Правительства П. В. Вологодский и все члены Совета выразили единодушное убеждение, что при сложившихся обстоятельствах Временное Всероссийское Правительство, представленное сейчас в Омске лишь двумя членами, должно слиться с Советом Министров и что Совет Министров при таких условиях естественно становится временно органом верховной власти. К этому мнению присоединился и член Временного Всероссийского Правительства В. А. Виноградов, который вместе с Советом Министров пришел к выводу, что Временное Всероссийское Правительство, потрясенное в своем авторитете как событиями минувшей ночи, так и вообще настроениями, вызвавшими эти события, не будет в состоянии поддержать порядок и спокойствие в государстве и предотвратить возможности дальнейших самоуправных действий.

Выслушав эти сообщения и исходя из убеждений, что на Совете Министров, ответственном за судьбу государства, лежит обязанность обеспечить непрерывное функционирование Верховной Власти, Совет Министров в полном единении с наличными членами Временного Всероссийского Правительства постановил принять на себя всю полноту верховной государственной власти. Вслед за сим Совет Министров, приняв, в качестве верховного органа, некоторые положения экстренного неотложного характера, приступил к обсуждению вопроса о тяжком и тревожном положении государства. В последовавшем обмене мнений членами Совета Министров высказаны были и единодушно поддержаны следующие положения: 1) Что основная

задача, стоящая сейчас перед правительством – борьба с германо-большевистским натиском, от исхода которой зависит судьба России, требует полного сосредоточения власти военной и гражданской в руках одного лица с авторитетным именем в военных и общественных кругах; 2) Что только такое сосредоточение власти, отвечающее общественным настроениям, остановит, наконец, непрекращающиеся покушения справа и слева на не окрепший еще государственный строй России, покушения, глубоко потрясающие государство в его внутреннем и внешнем положении и подвергающиеся опасности политическую свободу и основные начала демократического строя; 4) Что такое сосредоточение власти необходимо как для длительной борьбы против разрушительной работы противогосударственных партий, так и для прекращения самоуправных действий отдельных воинских отрядов, вносящих дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны и в общественный порядок и спокойствие.

Под давлением таких соображений Совет Министров единогласно и в полном составе постановил передать временно осуществление верховной власти одному лицу, присвоив ему наименование Верховного Правителя. Вслед за тем Совет Министров, непрерывно продолжая заседание, приступил к обсуждению проекта положения о временном государственном устройстве России с целью установить порядок совместной деятельности Верховного Правителя и Совета Министров. По одобрении сего положения произведены закрытой баллотировкой выборы Верховного Правителя.

Правительственный вестник. Омск. № 3. 21 ноября 1918 г.

Русское дело

Будущий идеолог «национал-большевизма», а в 1919 г. глава Русского Бюро печати Российского правительства профессор Н. В. Устрялов о необходимости военной диктатуры в условиях Гражданской войны.

Процесс ликвидации русской революции затянулся. Чтобы проделать весь путь «углубления» революционных дерзаний и достижений, стране потребовалось всего лишь восемь месяцев. Но ей двух лет оказывается недостаточным, чтобы изжить и преодолеть достигнутые глубины. Однако эти годы не прошли бесплодно. Их тяжкий, но богатый опыт запечатлелся глубоко в национальной жизни и в национальном сознании. Революция окончательно выявила себя, революция внутренне самоопределилась в своих завершенных очертаниях, но, с другой стороны, достаточно четко определились исторические силы, призванные реально ей противостоять, ее сменить.

В первые месяцы большевизма еще не были вполне обличены и развенчаны иллюзии революционной весны. Мечтали сокрушить железную фигуру Ленина легковесным дуновением черновского социализма и анемичным призраком Учредилки. Действовали методом коалиций, компромиссов, коллективов, совещаний. Продолжали, заикаясь и картавя, твердить азы идеологии, последнее слово которой отчетливо и твердо произнес Совет народных комиссаров. Словно революция упорно не хотела признать себя созревшей и тоге мужа предпочитала детскую рубашку.

Но все-таки она созрела – таков закон природы, таков закон истории. 5-е января – детская рубашка решительно трещит по швам. И вот, когда страна окончательно упала в революционную бездну, когда расцветшая революция продиктовала народу свою суровую программу во всей ее ясности и полноте – началось отрезвление. Нация пришла в себя и содрогнулась. Первой ужаснулась интеллигенция, потом вскоре, увидев практическое осуществление революционной программы, всколыхнулся и «народ». Сам собой возник и сложился тот знаменитый «пересмотр идеологии», который в настоящее время приводит к осознанию не только положительных ценностей, освящающих реальную борьбу против углубленной до дна революции, но и необходимых внешних средств этой борьбы.

Вместо интернационала – нация. Вместо класса – родина. Вместо коммунистической общины – правовое государство на основе национальной демократии. Вместо мертвой и принудительной религии механизма – живая жизнь в духе, в свободе. Вместо всеобщего принципиального уравнения – иерархия ценностей. Вместо пролеткульта – культура. Вместо бесшабашного политического футуризма – чувство преемственности, традиции, сознание связи с прошлым, с настоящим. В таком направлении совершался пересмотр идеологии. Будучи очень сложен в своих истоках и в своих подробностях, он ясен и прост по своему основному устремлению. Он возвращает русскому народу Россию. В этом его жизненность, в этом его смысл. Россия, Родина – вот реальное содержание нашей борьбы с революцией. Мы боремся с ней потому, что она посягнула на Россию. Мы отвергаем ее прежде всего потому, что она стала принципиально антинациональной.

Наша борьба – целая программа, сложная и плодотворная, как сложна и плодотворна национальная идея, ее одушевляющая. Конечно, тут не только отрицание большевиков. Нет – вся восходящая «кривая» русской революции шла по наклонной плоскости к интернационалу. Разве Керенский и его бабушка –

воплощения революционного детства – не лепетали, что революция первее Родины? Разве не пожимал руку германского пролетариата ранний совдеп товарища Чхеидзе?

Со всем этим необходимо покончить. Иначе борьба против большевиков неизбежно окажется внутренне не мотивированной и исторически обреченной на неудачу. Подлинно поразить большевизм можно лишь с другого берега. Движение с юга и востока России нами и воспринимается как движение, противоположное самому духу большевизма, абсолютно чуждое всей той линии русской революции, завершением которой явилась советская власть. Мы его воспринимаем как движение национально-демократическое по преимуществу.

В настоящее время гражданской войны оно может и должно быть облечено лишь в форму единоличной диктатуры. Поэтому 18 ноября 1918 года – есть для нас дата, знаменующая собой окончательное крушение – в государственном масштабе – последних обрывков пагубной идеологии керенщины и переход к единственно действенной в настоящее время форме государственного строя. Для нас несомненно, что малейшее ослабление власти диктатора в настоящий момент было бы неизбежным шагом назад. На власть диктатора мы смотрим как на власть не только освобождающую страну, но и организующую, устраивающую ее. Это – власть творческая, созидающая по существу. После освобождения страны от плена революции диктатор должен создать такие условия жизни, при которых стала бы реально возможна всенародная работа по выработке основ нормального государственного устройства России – созыв Учредительного Собрания.

Мы фатально возрождаемся. Сама история властно вызывает нас из хаоса к новому величию. В настоящее время нам уже не страшно и не стыдно за родину. Ее болезнь проходит, и выясняется, что эта болезнь способна лишь укрепить ее организм. Русское дело приобретает вновь мощную опору исторической оправданности и необходимости. Силою вещей Великая Россия оживет и уже оживает. На фоне усталого и расколотого мира народов, к величайшему недовольству многих из них, с неудержимо возрастающей импозантностью уже вновь вырисовывается «русский фактор». В эти тяжкие дни гражданского междоусобия мы проникаемся крепкой уверенностью в жизненности нашего национального дела. Мы знаем, что оно восторжествует.

Русское дело. Омск. № 1. 5 октября 1919 г.

Речь Председателя Государственного Экономического

Совещания Г. К. Гинса на торжественном открытии его заседаний в Омске 19 июня 1919 г.

Ваше Высокопревосходительство и господа члены Государственного Экономического Совещания. Высокой честью почитаю я быть председателем первого при Российском Правительстве общественного учреждения, призванного к содействию власти в разрешении вопросов общегосударственного значения. Открытие работ Государственного Совещания совпадает с годовщиною образования в Омске ядра центральной власти, отделов Западносибирского комиссариата, которые преобразовались затем в министерства, сначала Сибирского, а впоследствии Всероссийского Правительства. Это был исторический момент, когда смелость и самопожертвование подали одна другой руку и творили чудеса. Правительство не располагало тогда армией, оно имело только добровольцев. Не было власти и порядка на местах. Земские самоуправления разогнаны большевиками, казна была ими ограблена. Слишком много пришлось бы перечислять, чего не было тогда у власти, но если это трудно, то зато легко сказать, чем она обладала.

У нее было то, что объединяло власть, армию и население, – общее желание освободить Россию от позорного ига. Это общее желание вместе с сознанием правительства, что на его стороне правда, создало уверенность в успехе и помогло выйти из тяжелых затруднений.

Достигнутые успехи несомненны. Мы обладаем сейчас армией, покрывшей себя боевой славой. С неослабным вниманием будет относиться Государственное Экономическое Совещание к вопросам снабжения и продовольствия армии, вопросам обеспечения семей призванных. Армия – наше спасение, наша гордость. Я призываю вас приветствовать армию в лице ее Верховного Вождя. Говоря об армии, мы не можем не обратиться в сторону наших союзников. Верные своим обязательствам, благодарные России за великие заслуги, оказанные ею в великой войне, они при первой возможности свою помощь нам оказали и оказывают правительству существенную поддержку в деле снабжения армии. Я выражу, несомненно, общее настроение Совещания, если скажу представителям иностранных держав сердечное русское спасибо. Существование армии – показатель порядка. Пережитый год многому научил, многое улучшил. Мы обладаем сейчас аппаратом центральной и местной власти. Начал улучшаться транспорт, начата подготовка к упорядочению народного хозяйства. После года войны мы переживаем момент величайшего напряжения сил. Победы нужно добиться двойной – над большевизмом и хозяйственной разрухой. Победить то и

другое возможно лишь при условии, что правительство будет действовать в атмосфере общего сочувствия и единодушного порыва. Больше чем когда-либо необходимо объединение всех сил власти и общества. Силы эти должны быть сосредоточены, прежде всего, на стороне хозяйственной.

Русская революция пошла по неправильному пути. Она совершилась во имя политической свободы и улучшения экономического благосостояния широких народных масс, а привела она к уничтожению свободы и разрушению даже относительного благосостояния, которое было ко времени революции. Временное Российское правительство во главе с князем Львовым издало законы, установившие свободу печати, собраний и союзов, но обстановка политической жизни не обеспечивала сохранения этих свобод, и начиная с июльских дней Временное правительство, возглавляемое Керенским, создавало одно за другим ограничения этой свободы, расширяя дирекционную власть министров.

Большевики вовсе уничтожили свободы и, что хуже всего, взамен отмененных установили особый вид свободы, свободу оскорблений и унижений человеческой личности. Однако возвратить политические свободы легче всего. Кто раз сознал свое гражданское достоинство, тот не обратится в раба. Но есть серьезная опасность в этом отношении. Эта опасность заключается в нищете. Нищим и голодным легче обратиться в рабов и преступников, чем сохранить гражданское достоинство и защищать политическую свободу. Иначе поступают только исключительные натуры. Вот почему для сохранения политической свободы необходимо, прежде всего, восстановить хотя бы относительное экономическое благосостояние масс.

Компетенция Государственного Экономического Совещания ограничена, но она обнимает все, что в настоящий момент является самым важным, – всю хозяйственную жизнь. Ни один конституционный вопрос не может сравниться по важности с теми скромными на вид, но несоизмеримыми по значению задачами: обеспечить семьи призванных, улучшить положение рабочих, приблизить реальное разрешение земельного вопроса.

Переживаемая эпоха и напряженная борьба требуют отрешения от партийности. В такое время только сильные национальные лозунги, способные объединить все общество, понятны всему народу. Беспартийная власть, беспартийно и Государственное Экономическое Совещание. В нем будет предлагаться и приниматься только то, что отвечает интересам государства.

Год тому назад мы наблюдали зарождение государственной

власти. Ныне наблюдаем мы зарождение представительного учреждения, без которого не может существовать демократическое государство, не может правильно функционировать государственная власть. Но в переживаемых условиях формы государственного устройства должны быть упрощены – не подобает дереву иметь листву в лютую зиму. От холода исчезает листва, и остаются ствол и корни, в них сосредоточиваются все жизненные силы дерева. Так во время лихолетья оголяется и ствол государственного дерева. Все силы и энергия сливаются в одном сосредоточении – единой Верховной Власти, и ею обеспечена вся сложность и пышность будущего устройства свободной России.

Да будет же продуктивна работа Государственного Совещания и да здравствует создавший его Верховный Правитель.

Правительственный вестник. Омск. № 166. 22 июня 1919 г.

Приложение 4

Интервью главы МИД Российского правительства С. Д. Сазонова газете Times об основах государственного устройства постбольшевистской России (сентябрь 1919 г.)

Мне часто приходилось выслушивать просьбу о более подробном разъяснении значения слова «самоопределение», которое адмирал Колчак употребил в своем ответе на ноту союзников, говоря о будущем различных народностей, населяющих Россию. Основные законы, регулирующие положение этих народов, войдут в состав Российской конституции, которая будет установлена Учредительным Собранием, высшим законодательным органом, который будет избран всем народом. Никакие решения или постановления не могут быть действительны без утверждения Учредительного Собрания. Тем не менее некоторые основные положения, касающиеся вопроса автономии, настолько ясны и всегда настолько единодушно поддерживались прогрессивным общественным мнением России, что я, не колеблясь, могу обрисовать в общих чертах те автономные права и преимущества, которые получат отдельные народности России.

Прежде всего, необходимо отметить, что самоопределение народов естественно стоит в связи с общей системой децентрализации, которая будет применена в управлении России. Опыт показал нам, что этот принцип должен быть основным фундаментом всякого общественного строя. Говоря вообще, гражданам будет предоставлено право разрешения вопросов, касающихся их самих, правительство же будет ведать лишь вопросы общего характера, которые будут предусмотрены Российской Конституцией. Принимая во внимание различие местных условий и исторических традиций, различие культуры и обычаев, необходимо выработать для различных частей России различные формы самоуправления, начиная от современной конституционной системы и кончая элементарной формой общинного управления. Самоуправление народов, однако, не должно нарушать единство и суверенитет государства в целом. Децентрализация и обширнейшее местное самоуправление должны быть установлены в объединенном государстве. Каждая область, границы которой будут определены этнографически, организует местный законодательный орган, избранный всем населением данной области. Это учреждение вместе с

исполнительным его органом будет контролировать все стороны местной жизни, включая суд и бюджет, и обладать всей полнотой власти в пределах данной области. Все это будет гарантировано украинцам, белорусам, казакам и другим народам России.

Важной чертой будущей Конституции явится охрана прав меньшинства; она, естественно, вытекает из принципа равенства всех граждан, независимо от их религии и национальности. В заключение я должен обратить внимание на ту искренность, с которой Россия подходит к вопросу о предоставлении права самоопределения народам, ее населяющим. Нам известно то чувство недоверия, с которым слушают нас многие представители национальностей старой Российской Империи. Это недоверие для нас чрезвычайно прискорбно, но мы находим ему оправдание в прошлом. Мы убеждены, что разум и умеренность в конце концов восторжествуют и что будущее всегда будет принадлежать великому целому, а не мелким образованиям. Народы, получив право самоопределения на основаниях порядка и законности, поймут, что истинная защита их национальной культуры и развития лежит в целости и единстве Русского народа, всегда миролюбивого в своих целях и стремлениях. Национальности, охваченные в настоящее время жаждой «самостийности», весьма скоро оценят по достоинству все блага такого состояния, когда данная народность является частью одного великого целого и в то же время пользуется полной самостоятельностью и всеми возможностями развития и процветания.

Русское дело. Омск. № 1. 5 октября 1919 г.

Приложение 5

Об успехах и ошибках политики Белого движения в Сибири председатель Комиссии по разработке вопросов о Всероссийском Представительном Собрании Учредительного характера и областных представительных учреждений А. С. Белевский (Белорусов) – председателю Всероссийского Национального Центра М. М. Федорову

27 июня 1919 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

Пользуюсь случаем, чтобы через поручика Новицкого послать Вам из Омска настоящий отчет о положении здесь. Буду обязан, если вы сообщите его членам Национального Центра и Антону Ивановичу Деникину в той части, которую сочтете удобной. До половины мая нового стиля жил в Екатеринбурге, редактируя «Отечественные Ведомости». С тех пор принял назначение Председателем Комиссии по подготовке Национального Учредительного Собрания и вот уже два месяца в Омске, наблюдаю правительство изнутри. «Отечественные Ведомости» редактируются ныне Синегубом.

Пишу Вам в момент тяжелых военных неудач. Сибирская Армия в конце апреля была в четырех переходах от Казани; Западная, оперировавшая на Самаро-Златоустовской и Волго-Бугульминской дорогах, была недалеко от Самары и Симбирска, Сибирская в четырех переходах от Казани. Но за истекшие три месяца мы утратили вновь Уфу и Пермь; Златоуст и Екатеринбург под ударами и может быть будут тоже сданы. Где причины этой неудачи. Общественные организации Екатеринбурга и Омска, объединенные в блоки, представителем одного и членом другого я состою, – видят главную причину в деморализации армии, вторую – в недостатках командования; обе же являются следствием дефектов военного и гражданского управления. Военное и гражданское управление приняло здесь бюрократический характер, в прифронтовой же полосе, начинающейся к Западу от Иртыша, – военно-полицейский – бюрократический характер, ибо тем действует «военно-административное управление», органами которого являются военный контроль, военно-следственные комиссии, коменданты, аппарат же собственно управления почти отсутствует. Под этим «управлением» население стонет, и потому мобилизуемые солдаты уже приходят в армию со слабоватым расположением к

«белым». В армии они встречают недостаточную заботу о своих материальных нуждах – плохо кормлены, плохо одеты и размещены, интендантство и разные уполномоченные по снабжению воруют, все «спекулируют», и так как всюду царствует хаос, то упорядочить продовольствие и снабжение правительству не удается. Затем во многих частях наблюдается очень дурное отношение офицерства к солдатам. В Западной Армии, расположенной по Самарско-Сибирскому направлению, в которой и началось разложение, в командном составе господствует настроение реакционно-мстительное, презрительное к общественности, «жидобойное», сильно развито пьянство. Здесь и началось бегство перед красными, было много случаев перехода частей к красным, причем убивали офицеров. Особенно разложили армию весенние пополнения, приходившие на фронт не обученными, раздетые, голодные, иногда по четыре дня в пути не евшие, приходили и поднимали революцию. Затем разложение перекинулось на Сибирскую армию, действующую на Казанском и Вятском направлении, и вызывало отступление, или бегство, и здесь, хотя здесь, благодаря высоким качествам командующего армией генерала Гайда и командира корпуса генерала Пепеляева, эксцессов и не было. В военных наших неудачах не последнюю роль сыграли и ошибки командования. Начальником Ставки (Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего) является здесь генерал (на Дону бывший подполковником) Лебедев, приобретший эту должность отчасти в награду за его участие в перевороте 18 ноября и главным образом как лицо, объявившее себя официально представителем Добровольческой Армии. Благодаря этому бывший начальник Политического Отдела Штаба Алексеева в Новочеркасске в 1917 году, совершенно никчемный и на этом маленьком месте, стал здесь руководителем всех военных операций и злым гением нашей армии. Он обнаружил себя как политический и бездарный вождь. Он требовал от армии быстрого наступления, и под влиянием его распоряжений Западная Армия, встретившая слабое сопротивление, шла вперед как на военную прогулку, действующие части оторвались от штабов, от продовольственных баз, шли мелкими частями вперед, питаясь реквизициями, возбуждая против себя население, когда же встретили подошедшие красные резервы, не выдержали первого боя и как стадо ринулись назад в паническом бегстве.

Командующий состав тоже неудовлетворительный. Объясняют недостатком людей. Думаю, что это верно. Во всяком случае, только генерал Гайда и генерал Пепеляев выделились своей умелой и, в то же время, просвещенной деятельностью. Но

зато тыловой, а отчасти и фронтовой генералитет и ненавидит их и ведет против них поход: «мальчишки» и «недоучки». Вероятно, и Гайду, и Пепеляева очень скоро вышибут. Гайде уже заготовлен заграничный паспорт. Бездарные люди съедают, таким образом, двух талантливых военачальников. Мы рассматриваем это как величайшее несчастье, которого предотвратить не в силах, так как Верховный не позволяет гражданскому элементу вмешиваться в военное управление и вообще в военные дела, сам же дурно окружен реакционным офицерством, льстивым, подобострастным и интригующим против этих военачальников, пользующихся симпатиями и общества, и солдат. Последнее время нажим красных ослабел, так как они уводят и резервы, и боевые силы на ваш фронт и на северо-западный. Это дает надежду, что дела у нас поправятся. На поправку надеются и в штабах. Но пока перелома не видно.

Перейдем теперь к гражданским делам. Внешне они в лучшем порядке. Воссоздан весь государственный аппарат в лице центральных, по крайней мере, учреждений. Но этот правительственный центр окружен какой-то угрожающей пустотой или стеной: связи с населением, со страной нет. Правительства никто не знает, его творческая деятельность никому не известна, и вообще крайне слаба. Правительство не популярно. Восстановилось старое деление на «мы» и «они», растет правительственно-общественный антагонизм. Виновато в нем отчасти «общество», вероятно, еще не пережившее революционного брожения, но отчасти виновато и правительство, в деятельности которого много дефектов. Начнем с самого верха. Верховный Правитель, лично безупречный, хорошо настроенный, свободный от личных интересов, провозгласивший начала права и законности, не умеет провести их в жизнь. В нем нет нужного спокойствия, выдержки и умения руководить своим правительством. Характер у него раздражителен, он нервен, импульсивен, и в результате – много отрицательного. Авторитетный и опирающийся на ясную выработанную программу Совета Министров мог бы руководить им и мог бы вести Россию по пути «законности и права», но, к сожалению, Совета Министров нет. Во главе стоит Вологодский, человек хороший, но лишенный какого-либо влияния, усталый, которому дело явно не по плечу. Большинство остальных министров были выдвинуты обстоятельствами боевого периода: не своей осведомленностью в деле управления и не знаниями в своих областях управления, а своей молодой смелостью и боевой пригодностью. Объединены они, как мне раз сказал Михайлов, 25-летний министр финансов, торговли и промышленности,

«единством настроения», позволяющим им от случая к случаю находить единогласное решение острых очередных вопросов. Но общей программы, да и вообще программы, разработанной и продуманной идеологии у них нет. Конечно, суммой, сговорившись, понимают друг друга с двух слов. Но все-таки правительство кустарное и провинциальное. Сравнительно с военными правящими кругами оно имеет достоинства. Те просто реставраторы, не умеющие мыслить. Эти – не вполне реакционные, мыслить умеют, но восстановление России тем не менее в слабых руках. Совершенно поэтому необходимо снабдить нас и военными силами, офицерством, которого в армии ужасающе мало, и военными вождями, а с другой стороны, общественными и интеллигентными силами, ибо не знаю, чего здесь меньше: боевой ли силы или силы ума и духа. Полагаю, что недостаток профессионального умения и определенного правительственного плана мешает правительству наладить дело продовольствия и дело железнодорожного движения. Сибирь хлебом богата, но в Москву мы не привезем ни пуда, потому что и сами платим в Омске и Екатеринбурге за пуд муки 100 руб. (в Перми платили 200 руб.) и у правительства нет для России ни запасов, ни средств передвижения. Обновление правительства русскими духовными силами, безусловно, необходимо. Верховный Правитель думает, что это необходимо и произойдет в Москве. Я же полагаю, что собак поздно кормить, когда ехать на охоту. Обновление, а следовательно, и прилив новых сил необходим ныне же.

Теперь позвольте познакомить Вас с ходом правительственной работы, совершаемой здесь. При Министерстве внутренних дел (министр Пепеляев) воссоздан Совет местного хозяйства, в котором будут участвовать и местные общественные представители. Идет деятельная работа по воссозданию милиции, и организуются «Отряды Особого Назначения» – конные стражники. Пока в четырех губерниях четыре отряда в общей сумме 1000 человек. В уездах созданы «Помощники уездных начальников»; идет разработка нового положения о земстве, начиная с волостного. Волостные гласные в числе 30–60 избираются выборами по мажоритарной системе. Возрастает ценз для активного избирательного права 21 года, для пассивного 25. Участвуют оба пола. Требуется для избирателей и избираемых годовой ценз оседлости или домообзаводство. Уездные гласные выбираются волостными земскими собраниями, губернские – уездными. Летом законопроект превратится в закон. Осенью произойдут новые выборы, и тогда, может быть, установится близость земства и правительства, которого почти

нет ввиду левого состава земства выбора 1917-го года. Вопрос о компетенции земства в процессе обсуждения.

По Министерству иностранных дел идет мелкая и личная борьба нынешнего управляющего Министерством И. И. Сукина, ловкого полуеврейчика, бывшего 2-го Секретаря посольства в Риме, а потом Секретаря в Штатах, 25-летнего юноши, против Сазонова, которого место этот пройдоха хочет занять.

По Министерству юстиции (Министр Тельберг, вероятно самый крупный из членов Совета Министров, он же Управляющий делами Совета Министров, он же управляющий делами Верховного Правителя, он же заместитель Вологодского) и по Сенату идет борьба с незаконностью и правильностью комендантских трех министров: военного, внутренних дел и юстиции. Разработан законопроект о трудовой повинности лиц обоего пола с юридическим образованием, ибо наблюдается полное отсутствие персонала для замещения судебных должностей. Принят законопроект об участии защиты на предварительном следствии. Но воссоздание местного судебного аппарата идет крайне медленно.

По Министерству земледелия (министр – Петров, бывший управляющий одного из горнозаводских округов Урала). Работа второстепенного характера. Выпущена прокламация, обещающая, что возврата к старому земельному строю не будет. Урожай этого года объявлен принадлежащим посевщикам. Полувосстановлено право земельных сделок – с разрешения Министерства Земледелия. При Министерстве создан экономический совет, вырабатывающий земельную программу. Министерство Земледелия испытывает чрезвычайный натиск аграриев, земельных собственников, добивающихся восстановления своих земельных прав. Министерство отстаивает право государства держать ликвидацию частных земельных владений и вообще сделок на землю под своим контролем. Но запрещает не весьма стойко и не весьма усиленно, главным образом из-за неопределенности собственных взглядов. Между тем Верховный торжественно и много раз объявлял об обязательном переходе частновладельческой земли к крестьянству на праве собственности. Неопределенность и нерешительность правительственной политики в вопросе о земле создает недовольство крестьянства.

По Министерству финансов надо отметить аннулирование керенок, советских денег и т. д. Остальное: текущая работа и печатание денег.

По Министерству торговли и промышленности – денационализация заводов и покровительство промышленников.

По Министерству продовольствия и снабжения – считалось самым воровским Министерством. Но после удаления нечистого на руку министра Зефирова и назначения лично пользующегося хорошей репутацией Самарского Торгово-Промышленника Неклютина, – несет текущую работу. Общерусских заданий не преследует.

Министерство военное – был министр генерал Степанов, личный приятель Верховного. Под давлением общего недовольства всего военного мира, наконец, удален. Ныне должности Начальника Ставки и военного министра, в нарушение всех правил, совмещены в лице Лебедева.

Министерство морское – реквизировало всю нефть и весь мазут в пользу Камского флота. Когда красные подходили только к Перми, выпустило всю нефть и весь мазут, находившиеся в баках, у устья Чусовой, верстах в 200 от Перми, в Каму. Кто-то поджег выпущенную нефть. Весь «флот» (25 пароходов) сгорел. Что делает ныне Министерство, не знаю.

Министерство путей сообщения (Министр Устругов). Собственными силами транспорт не налажен. Кое-что делает международная комиссия. Остается желать очень многого.

По вопросам экономической политики работает «Экономическое Совещание», состоящее из лиц, назначенных правительством из состава ведомств, и из лиц, тоже назначаемых правительством из состава кандидатов, представленных земствами, городами, кооперативами, торгово-промышленными организациями и т. д. Но таким образом создается полуобщественный орган, считающий себя чем-то вроде парламента. Председательствует Гинс, член Совета министров без портфеля. Человек либеральный. Круг ведения Совещания, его компетенция и удельный вес еще не определились. Во всяком случае, оно рассматривает бюджет. Поведение общественных элементов в нем тоже не оправдалось. Во всяком случае, само образование совещания свидетельствует о желании правительства связаться и опереться на общественные круги. Можно сомневаться, чтобы эта цель была достигнута.

Для подготовки Учредительного Национального Собрания создана наша Комиссия. Пока по назначению. Осенью предполагается выработанный ею законопроект провести через Особое Совещание с общественными представителями. В первую голову мы вырабатываем проект избирательного закона. Сегодня вечером кончается обсуждение его принципов. Основные начала эти следующие: 1) Система пропорциональных выборов отменяется; 2) Территория Российского Государства делится на избирательные округа с населением в 250 тыс. душ и

уклонениями в обе стороны в 50 тыс.; т. е. с населением от 200 до 300 тысяч душ, желательно, чтобы, если возможно, округ совпадал с уездом. Но малолюдные уезды соединяются в один округ. Многолюдные разбиваются на 2 или 3. Например, в Самарской губ. имеются уезды с 700 тыс. душ населения. Такой разбивается даже на 3 округа; 3) Каждый округ избирает одного депутата большинством голосов; 4) Если никто не получил абсолютного большинства, то два лица, получившие наибольшее число голосов перебаллотировываются; 5) В городах более 200 тыс. жителей, может быть, более 150 тыс. – выборы прямые. Они образуют особые округа; 6) Менее населенные города входят в состав сельских округов; 7) В сельских округах выборы двухстепенные. В волостях или в волостных земствах избираются выборщики, и также в городах, включенных в них, выбирают одного депутата большинством голосов; 8) Активное избирательное право принадлежит всем гражданам за обычными изъятиями и не привлеченным по вновь у нас изданному закону о бунте (имеется в виду большевистский бунт), достигшим 25 лет; 9) Женщины активными правами пользуются; 10) Военнослужащие, как стоящие вне политики, активного права не имеют; 11) Цензы оседлости или домообзаводства для выборов в Национальное Учредительное Собрание не установлены ввиду того, что Русь стала Русью бродячей; 12) Пассивное избирательное право принадлежит всем владеющим активным правом, а кроме того, и военнослужащим; 13) При избрании депутатов и выборщиков избиратели баллотируют только заявленных кандидатов. Кандидаты заявляются при выборе выборщиков, письменно или устно пятьюдесятью избирателями, при избрании письменно 100 избирателями; 14) Одно лицо может одновременно ставить свою кандидатуру в двух округах, одном городском и одном сельском; 15) Избиратели свободны избирать своим депутатом любого русского гражданина, обладающего избирательными правами.

Здесь предвидят, что созыв Национального Учредительного Собрания может стать практической необходимостью немедленно по занятии Москвы, т. е. до полного успокоения страны и воссоздания органов управления. Мотивов для этого, может быть, окажется много, необходимость эту надо будет иметь в виду и выработать на этот случай упрощенный способ выборов.

Теперь об организации Общественных сил. Об организации Национального Союза я писал Вам осенью. Он развивается и живет, но оказывается практически узким. И теперь у нас в ходу блоки. Омский блок включает кадет, казаков, кооперативы, «Воленародцев», Единство и еще кого-то. Создался для поддержки

правительства, но не имеет общей платформы и потому, будучи переполнен социалистами, лезет врозь и очень мало делоспособен. В Екатеринбурге социалисты и кооператоры, ими руководимые, в политический блок, поддерживающий правительство, не пошли, а недавно образовали демократический блок, нежизнеспособный. Мы в Екатеринбурге образовали Национальный блок для поддержки Программы Верховного Правителя, которую сформулировали так: государственный строй должен покоиться на началах права, закона, свободы и порядка. Форма государственности, основной закон и главные реформы выработаны Национальным Учредительным Собранием. Блок при этом будет защищать равенство национальностей, широкое самоуправление. Ликвидация земельного вопроса на основе малоземельная собственности, защита труда в границах усиленной производительности его. Эти тезисы и составляют его программу. В состав блока входят кадеты, Национальный Союз, церковные приходы, старообрядцы, мусульмане, четыре торгово-промышленных организации, союзы интеллигентных профессий. Блок получился деятельный и окажется, вероятно, жизнеспособным. Полагаю необходимым создание повсеместное подобных блоков государственно-мыслящих элементов, вплоть до Учредительного собрания и в нем, с тем чтобы удержать страну от засилья реакционных элементов, которое намечается и, несомненно, будет усиливаться. Ибо реставраторы приведут нас к новой революции, а нам, прежде всего, нужен порядок и покой, осуществляемый только в новой России.

Крепко жму Вашу руку. Примите к сердцу, что здесь нужны люди, сильные, стойкие, просвещенные и не реакционные – последнего добра здесь сколько хочешь.

Ваш А. Белевский (Белорусов)

Забыл сообщить: здесь переваривается мысль об образовании Государственного Совета – законосовещательного органа, путем соединения Экономического Совещания, нашей комиссии по добавлении ее общественными представителями и Совета Местного управления. Три объединенные комиссии – в совете выбранные. Общественные представители и составят тот орган, который 1) Облегчит Совет министров от непосильной ему всеобъемлющей деятельности, 2) Может быть, придаст законодательству и управлению недостающую ему планомерность и государственность. Но так как никто кровно не заинтересован в осуществлении этого плана, то дело движется вперед очень медленно…

ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 236. Л. 6—10 об.

Приложение 6

Восстание крестьян в Минусинском уезде Енисейской губернии (ноябрь – декабрь 1918 г.)

В последнее время в различных дискуссиях приводятся, например, такие «свидетельства белого террора»: «белогвардейцы сотнями вешали, закапывали заживо в землю, пороли, насиловали сибирских крестьян»; «старики в деревнях помнят, как Колчак всю Сибирь залил кровью» и т. д.

В данном и в следующем приложениях приведем подлинные документальные свидетельства непосредственных участников тех событий. Таких документов очень много, но, к сожалению, они малоизвестны. Это свидетельства и «красных повстанцев», и «колчаковских белогвардейцев». Да. Кровь русских людей (партизан, крестьян, казаков, офицеров, милиционеров, священников), к великому прискорбию, «лилась рекой».

Только виноват ли в этом именно Колчак?

Возможно, что после знакомства с этими документами могут возникнуть вопросы: а не следовало бы «белой власти» более жестко действовать в той обстановке, которая сложилась в Сибири; можно ли ставить знак равенства между местными большевиками, всеми т. н. «повстанцами» и обычными бандитами; как относиться к принятым самими крестьянами решениям о поддержке «белой власти» и т. д. Думается, что спешить с ответами не стоит. А вот подумать над этими проблемами – необходимо…

Из Отчета Начальника Минусинского отряда генерал-майора И. Ф. Шильникова

«…Причины восстания.

В Минусинском уезде в большом числе устроены заводы для самогонки; некоторые из таких заводов, как, например, в селе Дубенском у амнистированного каторжанина Кульчицкого, ныне казненного, в день выпускали до 70 ведер спирту.

В первых числах ноября по распоряжению уездного комиссара в уезде милиция, местами усиленная казаками, начала уничтожать эти заводы, собирать оружие и арестовывать дезертиров, в большом количестве скрывающихся в уезде.

В некоторых местах крестьянами было оказано вооруженное сопротивление милиции, в том числе в селе Дубенском, почему туда комиссаром был выслан казачий разъезд с начальником

уездной милиции Зефировым, который прибыл в Дубенское 9 ноября. Когда казаки и милиция расположились на отдых, на них напали дубенские крестьяне и прибывшие к ним на помощь верх-суэтукские и из д. Черемушки.

Прапорщик Савельев и 7 казаков и милиционеров были убиты, остальные поодиночке вернулись в Минусинск. Главари этого бунта, Кульчицкий и Нохрин, заводы которых были испорчены, испугавшись ответственности, решили побольше народу втянуть в это восстание, очевидно, надеясь, что если и не удастся им выиграть, то и ответственность разложится на всех.

С этой целью они спешно начали рассылать по селам Восточенской, Тигрицкой и Сагайской волостей воззвания, в которых говорили, что казаки ездят по уезду, собирают подати, сплошь бьют крестьян нагайками, вырезывают икры, отрезают носы, уши и пр., и призывали крестьян помочь им сбросить «казацкое иго», созвать 8-й крестьянский съезд, который, согласно постановлений 7-го съезда, только и может решить, давать или нет новобранцев, собирать или нет подати; впоследствии к этим требованиям в некоторых воззваниях и приказах указывалось на необходимость занять город Минусинск, арестовать правительственную власть и установить крестьянское правление.

Одной из причин озлобления против казаков были незакономерные действия станичного атамана ст. Каратуз Шошина, который очень часто допускал кулачную расправу с крестьянами. По докладу председателя войскового правления Шахматова о несоответствии атамана Шошина и о необходимости его устранения выносились постановления круга казаков, докладывалось им и об этом войсковому атаману Тяльшинскому, но последним никаких мер принято не было.

К сожалению, излишняя жестокость, проявленная казаками при подавлении мятежа, случаи незакономерных действий, которые, несмотря на целый ряд моих приказов и словесных распоряжений офицерам, все-таки были допущены, это озлобление еще увеличили.

Получив подкрепление из д. Верхней Кон, Верхнего Суэтука, Черемушки и Нижней Буланки, Кульчицкий выступил в Сагайскую волость.

Около 10 часов 10-го ноября телеграф между Каратузом и Минусинском был испорчен мятежниками.

Присоединив к себе крестьян некоторых сел Сагайской волости, Кульчицкий на рассвете 11-го напал на станицу Каратуз.

Сформированная накануне дружина из казаков, около 100 человек, заперлась в церкви и церковной ограде. Произошла небольшая перестрелка, после чего начали вести переговоры о

сдаче казаками оружия. Получив обещание оставить их живыми, казаки выдали мятежникам 147 винтовок, после чего крестьяне бросились в церковь, вытаскивали оттуда поодиночке и с диким криком убивали казаков кто чем мог. Так был убит священник с женой, один офицер, прапорщик Тауль, один милиционер и 16 казаков, в том числе атаман Шошин.

11-го из Минусинска был выслан отряд, преимущественно из добровольцев, под командой поручика Нестерова на помощь каратузцам, но отряд этот до Каратуза не дошел; он был разбит в Худоноговой, оставив 3-х убитыми, вернулся в Минусинск. После взятия Каратуза и разоружения казаков страсти разыгрались, а также, имея пример в прошлом, когда в июне месяце те же крестьяне без оружия свергли большевистскую власть в Минусинске, и имея сведения, что в Минусинске нет никаких войск, кроме небольшого числа казаков местной команды, на которую надеялись, что она против них не пойдет, к восставшим стали приставать одно село за другим, – одни по доброму желанию, другие – по принуждению, опасаясь расправы со стороны восставших, которые грозили стереть с лица земли их села.

Таким образом, почти все села правой стороны Енисея к югу от реки Тубы пристали к восставшим.

Из ближайших волостей к северу от Тубы участвовали только небольшое число сел, и то по принуждению, – список сел, принимавших участие в восстании добровольно и по принуждению, прилагается.

Из всех данных разведки и следственного материала можно заключить, что настоящие беспорядки являются обыкновенным крестьянским бунтом, почти без всякой политической окраски, и нет никаких данных предполагать, что он был подготовлен извне и заранее.

Интеллигентных руководителей движения не было.

Быстрое присоединение к восстанию, казалось бы, лояльных, более зажиточных крестьян объясняется тем, что их обманули, что города Иркутск, Красноярск и Ачинск уже взяты большевиками, что только в Минусинске нет советской власти, но что скоро и здесь будет, и стращали крестьян, которые в июне свергали большевиков, говоря им, что только присоединением к настоящему восстанию можете заслужить снисхождение, когда здесь утвердится советская власть.

Дезертиры и новобранцы, не явившиеся по призыву или бежавшие со сборного пункта из-за шкурных интересов, много способствовали развитию мятежа…

Начальник Минусинского отряда, генерал-майор Шильников.

11 декабря 1918 г…»

Партизанское движение в Сибири. ГИЗ. 1925. С. 30–32.

Приложение 7

«Красный террор» и «белый террор» в Сибири. Борьба с повстанческим движением 1918–1919 гг.

Из воспоминаний красного подпольщика Е. М. Дудникова о возникновении партизанского движения в Баджейской и Первоской волостях Енисейской губернии в 1918 году.

«…В январе 1918 года меня как члена партии большевиков из деревни Покосной вызвали в город Красноярск и губернский штаб Красной гвардии, где мне был выдан мандат… на организацию крестьянских сельских дружин. Первый районный штаб в губернии был организован в селе Шало Манского района, начальником штаба был избран член партии большевиков тов. Живенок Семен. Для этого штаба из Красноярска было получено 78 винтовок образца 4-линейные и итальянские, которые были розданы по сельским дружинам: в Баджейскую волость – 17 винтовок, в Кияйскую волость 12 винтовок, в Шалинскую волость 49 винтовок…»

Из сборника «Красноярский край в истории Отечества». Кн. 2. Октябрь 1917–1940 гг. Красноярское книжное изд-во, 1996. С. 28–29.

Из воспоминаний активного участника большевистского подполья в Красноярске А. С. Генделина.

«…Добровольческий отряд полковника Мальчевского настиг пароходы, ушедшие по направлению к Туруханску. Произошел небольшой бой, кончившийся победой белых…

Пароход, привезший пленных большевиков, пришел в Красноярск днем 26 июля 1918 года. Его до вечера держали на якоре на середине реки против пристани. Только ночью причалили к пристани и стали выводить и строить в ряды пленных для отправки в тюрьму. Конечно, при этом били… Выстроили и повели. Конвоировали чехи, казаки и бело-зеленые *(эмблемы сибирских областников – бело-зеленые ленты и кокарды. – В.Ц.)* прапорщики под начальством полковника Ляпунова и Мезенина.

Только стронулись с пристани, стали бить… Чехи били прикладами ружей. Господа офицеры норовили главным образом бить женщин и все больше по лицу…

Казаки ворвались в полк, стали набрасывать арканы на головы пленных… им удалось заарканить трех товарищей:

Лебедеву, Марковского и Печерского… Привязав арканы к луке седла, казаки со своими жертвами ускакали в сторону реки Качи…

Утром 27 июля группа граждан около мельницы Абалакова под откосом старой Качи наткнулись на тела Лебедевой, Марковского, Печерского. Тела были изуродованы. Печерский лежал с разбитой головой и выколотым глазом. У Лебедевой рассечен живот и вырезаны груди. У Марковского внутренности лежали рядом с ним…

Первый нелегальный партком.

Одиночки-коммунисты, уцелевшие от нашествия чехов-эсеров, быстро ориентировались в создавшейся обстановке… В начале июля комитет реконструировался. В него вошли тт. Матушевский Ф., Исаев Т., Рухлов П., Попов И., Канцелярский И. и Москалев П. На первом же заседании комитет определил свои задачи… 1) Организация боевых ячеек; 2) Установление связи с другими парторганизациями и формирование партизанских отрядов; 3) Приобретение оружия и взрывчатых веществ; 4) Организация Красного Креста для помощи арестованным и семьям пострадавших; 5) Оборудование типографии и 6) Добывание денежных средств для целей организации.

Комитет энергично взялся за работу, и в первые два месяца ими была сколочена довольно крепкая организация. Кроме городских боевых ячеек, комитет организовал и наладил связи с боевыми ячейками главных железнодорожных мастерских, депо, завода «Абакан», Знаменского стеклоделательного завода, затона, и даже имелась ячейка в войсках Временного Сибирского правительства в казармах военного городка.

Для связи с уездами комитет посылал своих представителей в Енисейск, Минусинск, Канск… Была установлена связь с Ачинском и его уездом. Кроме своей губернии, комитет был связан с Томском, Омском и копями Анджерска-Сунженска, откуда получал взрывчатые вещества для партизанских отрядов.

К осени комитет успел связаться со всеми уездами, получил людское пополнение из Сибцентра (Петерсон – Рейнгольд – партийная кличка «Петр») и стал вести подготовительную работу по организации восстания… В тюрьму были переданы гранаты и револьверы, были усилены сбор и приобретение оружия, устроено два склада оружия: один – базисный в Николаевской слободе у тов. Н. Попова, другой – в Алексеевской слободе у т. И. Кузьменко.

Была оборудована примитивная типография… в которой печатали прокламации и воззвания к рабочим и крестьянам. Комитет для целей восстания усилил работу в воинских частях,

расположенных в военном городке… и на железной дороге…

Также был хорошо организован… Красный Крест… который сносился с тюрьмой и с партизанскими отрядами, снабжал деньгами и продуктами семьи пострадавших… Эсеровская охрана ввела и в комитет провокатора Колье… Сама работа комитета велась не со всей строгостью конспирации. Все это уготовило провал первому нелегальному комитету.

Второй нелегальный комитет.

После провала первого комитета работа парторганизации значительно снизилась. Омск (в то время Сиб. Партийный центр) был поставлен в известность о провале комитета и разгроме организации. Оттуда вскоре присланы товарищи, в том числе т. А. Байков, который впоследствии был председателем второго комитета.

Кроме тов. Байкова, в комитет входили т. Лейман, Ст. Крестовский, Ив. Верещагин (нелегальная фамилия) и Антон (фамилия неизвестна). Первым делом комитета было: наладить прерванную связь как с ячейками, так и с партизанскими отрядами и тюрьмой.

Особенно успешно шла работа по организации боевых ячеек в воинских частях (военном городке), где впоследствии было неудачное и несуразное восстание гарнизона, в главных железнодорожных мастерских. Удалось также возобновить деятельность Красного Креста… Была также организована разведка для наблюдения за опасными для комитета лицами.

Удалось связаться с оперировавшим в то время в районе Клюквенная – Камарчага партизанским отрядом тов. Кравченко А.

Комитет также достал через Николая Молчанова несколько десятков частных паспортных бланков, которые были использованы для… уезжающих и скрывающихся товарищей…

После объявления генералом Розановым заложничества комитет решил выступить активнее, на что было получено согласие от части заложников…

Подготовляясь к восстанию, решено было свезти все оружие в одну конспиративную квартиру в Николаевской слободе. При перевозке оружия был набег колчаковцев, и из 6-ти сопровождающих один был убит, один ранен и трое скрылись.

Раненый был подвергнут пыткам и выдал членов организации.

Комитетом была созвана конференция. С партизанского фронта было два представителя. Конференция не закончилась, приехавшие были арестованы и расстреляны…

Частые обыски и аресты, особое наблюдение колчаковской контрразведки за главными мастерскими и военным городком

также не могли благоприятно отразиться на работе второго комитета. Кроме того, роль провокатора Самозванцева была выяснена только незадолго перед провалом второго комитета.

Но тем не менее… комитет продержался до середины мая 1919 года.

Третий нелегальный комитет.

После провала второго комитета новым партработникам было чрезвычайно трудно установить связь между собой и с остатками разгромленной парторганизации. Почти весь июнь месяц ушел на установки связи…

Третий комитет, в состав которого вошли тт. Молчанов Николай, Меженин Петр, Сачков Иван, Новогрешнов Яков и Литвина Любовь.

Новый комитет распределил между собой фракции следующим образом: Молчанов – военное дело, Литвина – связь с железной дорогой, Меженин – финансы, Новогрешнов – связь и руководство работой ячеек промышленных предприятий. Комитету вскоре после его организации удалось установить связи с партизанами – отрядами Копылова, Кравченко, Щетинкина и Мордвинова. Выяснилось, что отряды сильно нуждались в оружии, огнеприпасах и медикаментах.

Комитет немедленно принял меры по снабжению партизан…

Также после установления связи с военнопленными, в частности, с мадьярами, из их среды было командировано в партизанские отряды много специалистов… для изготовления боеприпасов и оружия на месте…

Партизаны же, в свою очередь, посылают комитету… деньги, которые пользовались организацией для своих партийных целей…

…Особое внимание было обращено на военное дело и военную подготовку.

Военным отделом организации был выработан план единого командования всеми отрядами губернии на случай организованного восстания…

…Восстание комитетом мыслилось во всех губерниях Сибири… Комитет работал вовсю. Не дремала и колчаковская охранка… усилила слежку за членами комитета.

Часть комитета и активных работников… под 7-е ноября 1919 года была арестована контрразведкой…

Но из тюрьмы члены комитета, в частности т. Молчанов Н., держали связь с городом и впоследствии, перед самым приходом Красной Армии, за несколько дней до этого выпущенные из тюрьмы, принимали активное участие в отражении наступления каппелевских частей на город Красноярск.

А. Гендлин…»Из сборника «Красноярский край в истории Отечества». Кн. 2. Октябрь 1917–1940 гг. Красноярское книжное изд-во, 1996. С. 34, 54–57.

О зарождении партизанского движения в Тасеевской волости.

«…Из протокола Тасеевского волостного собрания. 21 декабря 1918 г.

…Собрание открыто… в народном доме с. Тасеево…

Совещание населения о текущем моменте.

Об организации отряда.

О текущем моменте волостным сходом была вынесена следующая резолюция: 1. Принимая во внимание, что Временное *(Российское. – В.Ц.)* правительство идет против воли трудового народа и проводит идею монархизма. Мы… постановили: не поддерживать Временного *(Российского. – В.Ц.)* правительства, не платить им требуемых ими податей, не давать людской и конской мобилизации, а против всей власти Временного *(Российского. – В.Ц.)* правительства сплотиться воедино, как один человек, и соединиться ко всеобщему восстанию сибирского трудового народа для завоевания обратно власти трудовому народу из буржуазных руин.

Резолюция принята единогласно при двух воздержавшихся.

По второму вопросу об организации отряда: образовать в с. Тасеево Временный волостной военный штаб, по селениям волости образовывать сельские штабы…»

Из сборника «Красноярский край в истории Отечества». Кн. 2. Октябрь 1917–1940 гг. Красноярское книжное изд-во, 1996, с. 61–62.

О попытке большевиков совершить переворот в Канске.

«…Объявление канского уездного комиссара.

28 декабря 1918 г.

В ночь на 27-е декабря (н. ст.) шайка вооруженных большевиков пыталась в г. Канске и на ст. Иланской произвести переворот.

Восстание к утру 27-го декабря подавлено, и преступники расстреляны.

Призываю население уезда сохранять спокойствие, порядок и не увлекаться безумными замыслами большевиков.

Объявляю во всеобщее сведение, что не только восстание, но и всякая попытка свергнуть существующее правительство… будут беспощадно подавляться вооруженной силой, а виновные немедленно расстреливаться.

Канский уездный комиссар Буркин…»

Из сборника «Красноярский край в истории Отечества». Кн. 2. Октябрь 1917–1940 гг. Красноярское книжное изд-во, 1996, с. 60.

Расстрел заложников.

За зверски растерзанного разбойничьей бандой прапорщика Вавилова расстреляно 10 человек большевиков, заключенных в красноярской тюрьме: Семененко, Маерчак, Саломатов, Бойчук, Левальд, Мариловцев, Нитавский, Блинок, Коростелев и Пепсин.

Наша деревня. Красноярск. № 13, 15 мая 1919 г.

Расстрел заложников.

Начальник Канского гарнизона 10 сего апреля принял телеграмму: Красноярск, генералу Розанову. В ночь с 7 на 8 апреля на участке Тайшет – Канск поезд № 3 был обстрелян красными: есть убитые и раненые из числа пассажиров. За означенный факт прошу разрешения о расстреле из числа заложников, находящихся в канской тюрьме, нижеследующих лиц, виновность которых не составляет сомнения: 1) Анатолия Томикова, 2) Александра Непомнящего, 3) Никиту Кокорина, 4) Тихона Патюк, 5) Демида Катаева, 6) Петра Неудачина, 7) Терентия Дегтярникова, 8) Прокопия Капилова, 9) Никона Авдюкова, № 2978, Начальник гарнизона Канска полковник Мартынов.

Уполномоченный по Енисейской губернии и части Иркутской губернии наложил на телеграмме резолюцию: «на расстрел поименованных лиц согласен. О расстреле предлагаю опубликовать в красноярских и канских газетах».

Наша деревня. Красноярск. № 11, 1 мая 1919 г.

Скрывающиеся мятежники.

Близ д. Новотроицкой Ерм. Волости в тайге скрываются видные участники ноябрьского мятежа. Узнав об этом, начальник крестьянской дружины в с. Шуше И. И. Ермолаев с небольшим отрядом решил окружить их и арестовать. Однако некоторые из ново-троицких крестьян успели предупредить беглецов, и дружина натолкнулась на засаду. Произошла ожесточенная перестрелка, в которой дружинники потеряли 3 убитыми и одного раненым. Число беглецов не превышает 12–15 человек; вооружены они плохо. В числе их находятся крестьяне с. Шушенского: Михаил Бугаев, Арсений Середкин, Василий Пронников и д. Ново-Троицкой Степан Бирюков. Окрестное крестьянство мобилизовано прапорщиком Черных. Крестьяне продвигаются по тайге, чтобы охватить преследуемых кольцом. Трое укрывателей расстреляно.

Наша деревня. Красноярск. № 9. 17 апреля 1919 г.

Воззвание Губернского Земского Собрания.

Енисейское Губернское Земское Собрание постановило обратиться к населению со следующим воззванием:

Братья крестьяне, горожане и казаки!

Многие местности губернии нашей охвачены пожаром восстания, вовлечены в братоубийственную гражданскую войну.

И без того разрушено наше хозяйство, и без того много бед и несчастий пришлось перенести Вам за последние пять лет!

И вот, вместо того, чтобы начать налаживать разрушенное, измученное отечество наше, мы продолжаем проливать кровь в бесполезных, бесцельных восстаниях, основанных на темноте народной. Посмотрите, как возникают эти восстания, и вы увидите, что народ, как слепой, идет за незнакомыми людьми, появившимися Бог весть откуда. Ведь иногда достаточно бывает приехать всего одному человеку, произнести речь, и готово восстание. А спросите восставших, зачем они все это делают, чего добиваются, наконец, можно ли чего-нибудь добиться таким путем – ни один из них вам не ответит ясно и определенно.

Мы, Ваши избранники, знаем, что народу тяжело живется, но мы знаем также, что бессмысленные бунты ведут исключительно к совершенно ненужному братоубийству, к уничтожению людей и не только не улучшают народной доли, но, наоборот, во много раз ее ухудшают. А разве мало погибло Ваших отцов и сыновей за четыре года войны? Неужели Вы хотите погубить еще десятки тысяч их?

Не слушайте людей, призывающих Вас к продолжению братоубийственной гражданской войны, так как они враги Ваши. И не только не слушайте их, но и не оказывайте им ни малейшей поддержки, ибо, поддерживая их, Вы будете содействовать дальнейшей разрухе государства и умалению народных прав. Напротив, принимайте меры к недопущению и предупреждению подобных бессмысленных и преступных восстаний и скорейшей ликвидации их. Не кровавой междоусобицей, но упорным трудом и дружной заботой всех слоев населения можно утвердить народную власть и вместе с ней восстановить могущество государства.

Скорее приступайте к работе по восстановлению как Ваших разрушенных хозяйств, так и вообще нашей умирающей Родины.

Наступает весна, время усиленной работы для крестьянина, время посева хлебов для прокормления всей России, а между тем Вы прекрасно знаете, что гражданская война отнимает у Вас возможность сделать это, и, значит, всем нам грозит еще одно

громадное бедствие – голод!

Поддерживайте и помогайте Вашим самоуправлениям (Земствам), ибо они Ваши крестьянские организации и без Вашей поддержки жить не могут. Лишь только они смогут наладить уездное и губернское хозяйство (школы, больницы, дороги, мосты, переправы и пр.), но при единственном условии – Вашей поддержке.

Не забывайте всего того, что мы, Ваши избранники, Вам сказали! Помните об этом ради сохранения самих себя, Ваших детей, Ваших хозяйств.

Мы глубоко верим, что наш призыв найдет отклик и сочувствие, что крестьянство поймет всю преступность мятежей и вместе с нами примется за работу по возрождению нашей Родины.

Енисейское Губернское Земское Собрание.

Сельская жизнь, Красноярск. № 2, 5 апреля (23 марта) 1919 г.

Приговор сельского схода.

Крестьяне села Богородского Амурской области 30 марта вынесли на сельском сходе следующий приговор: 1). Настоящим объявляем, что мы признаем только Всероссийское правительство, находящееся в городе Омске; 2) Обязуемся поддерживать всеми силами и всеми мерами указанное правительство; 3) Обязуемся не допускать в свою деревню красноармейцев и их агитаторов; 4) Обязуемся всех хулиганов – красноармейцев, появляющихся в нашей деревне, обезоруживать и представлять в город к надлежащей власти, а в случае нашего бессилия доносить властям в срочном порядке; 5) Обязуемся сами, собственными силами бороться со всеми преступными лицами, появляющимися в нашей деревне.

В заключение указанный сход крестьян отстранил от всех общественных должностей лиц, большевистски настроенных.

Сельская жизнь. Красноярск. № 7,30 (17) апреля 1919 г.

Зверства большевиков.

(По данным штаба 12-й Сибирской стрелковой дивизии).

Правительственные войска, преследующие действующие в волостях мелкие банды большевиков, часто находят следы крайних зверств, чинимых большевиками по отношению к местному населению. Так, например, лубковская банда в селе Колыванском, арестовав двух учительниц и сельского обывателя Вощенко, увезли их за село и подвергли мучениям. Одна из учительниц изнасилована всей шайкой и сошла с ума. Вощенко убит, тело его разрублено на части.

Грабя местное население, большевики прибегают к обманам; надевают погоны и под видом правительственных войск производят насилие. Установлено, что носит полковничьи погоны сам Лубков, а члены его шайки носят солдатские погоны.

Красные стараются избегать столкновений с правительственными войсками.

Сельская жизнь, Красноярск. № 25.2 июля (19 июня) 1919 г.

Набег разбойников.

17 июня в 12 часов дня в село Александровское Канского уезда явилась банда разбойников, численностью около 50 человек. Окружив село, они в первую очередь направились в Волостную Управу. В Управе в это время находились 4 человека. Скомандовав «ни с места», разбойники потребовали от председателя Управы ключи от несгораемой кассы. Председатель ответил, что ключи находятся у казначея. Один из разбойников был послан за казначеем, но дома его не застал. Тогда старший банды позвал сельского старосту и трех понятых, и в присутствии их разбойники начали ломать кассу. Провозившись минут 40, они вынуждены были отказаться от своей затеи, сломать 25-ти пудовую железную кассу. Из-за неудачи с кассой разбойники пришли в ярость, приказали служащим выйти из помещения Управы и в их отсутствие начали уничтожать все, что только поддавалось уничтожению.

Натешившись вдоволь над делопроизводством и обстановкой Управы, разбойники, захватив металлическую сургучную печать, белый годичный паспортный бланк, револьвер системы «Мельтисон», отправились грабить частные дома.

Обобрано разбойниками 20 домов.

К.В.

Сельская жизнь. Красноярск, № 26.5 июля (22 июня) 1919 г.

Хроника.

Исполняющим должности Уполномоченного Верховного Правителя по охране порядка и спокойствия в Енисейской губернии Генерального Штаба полковником Сыромятниковым 29 июля сделано распоряжение начальникам военных районов и командирам всех отрядов о недопустимости в настоящее время, ввиду ликвидации восстания, наложение на население каких бы то ни было контрибуций и производства конфискаций имущества.

За неисполнение сего приказания все военные и гражданские чины будут караться по всей строгости законов военного времени.

Сельская жизнь, Красноярск. № 34.2 августа (10 июля) 1919 г.

Смертная казнь.

Томск. На основании утверждения командующего войсками Омского военного округа исполнен смертный приговор над поручиком Нелюбиным, в качестве начальника карательного отряда в нетрезвом виде убившим крестьян-подводчиков и расстрелявшим троих.

Объявляя об этом в приказе, генерал Марковский заявляет, что преступник ни чином, ни должностью не прикроется от наказания.

Сельская жизнь, Красноярск. № 53.8 октября (25 сентября) 1919 г.

По губернии.

С. Большое Муртинское. Красноярского уезда.

На днях по тракту из Енисейска проехал через с. Б. Муртинское управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий.

Во время остановки в Мурте управляющий губернией присутствовал на собрании старост и гласников Б. Муртинской, Межевской, Еловской, Нахвальской и Шилинской волостей, где произнес речь о политическом моменте и обязанностях крестьян по отношению к государству.

Затем, после беседы по разным вопросам, все старосты и чины милиции 4 участка в присутствии управляющего губернией и по его приказанию приведены были к присяге.

Управляющий губернией и священник Кордаков сказали приводимым к присяге речи о значении ее, о необходимости, не щадя жизни, служить государству верой и правдой.

Невиданный давно крестьянами обряд приведения к присяге произвел на всех сильное впечатление и вызвал массу разговоров.

Сами приводимые говорят: «Шабаш теперь! Отвечать придется по закону!»

Сельская жизнь, Красноярск. № 48.20 сентября (7 сентября) 1919 г.

В селе Рождественском.

2-го сего июля крестьянами этого села Иваном Дубовым и Ефимом Паниным привезены обезображенные трупы их односельцев Захара Иванова Дубова и Ивана Ситникова. По имеющимся сведениям З. Дубов и И. Ситников были посланы на первой неделе Великого Поста сего года в с. Абан для разведки о расположении большевистских банд на уч. Асанском Фаначетской волости; по прибытии в с. Абан они были захвачены красными и увезены на уч. Асанский, где и замучены зверски красными.

Сельская жизнь, Красноярск. № 37.13 августа (31 июля)

1919 г.

Занятие Ст. Баджея и Тасеева.

(По официальным данным). При дружном взаимодействии русских, чехословацких и итальянских войск взяты с. Тасеево и Степной Баджей. Захвачены пленные, оружие и обозы. Потери противника огромны.

В пещерах у Ст. Баджея и по дороге на Выезжий Лог найдены трупы зверски замученных большевиками офицеров, учительниц, священников и солдат.

Щетинкин и Кравченко бежали с крупными суммами денег в Монголию. Крестьяне оказывают содействие правительственным отрядам в поимке остатков разбежавшихся красных.

Сельская жизнь, Красноярск. № 22.21 июня (8 июня) 1919 г.

По губернии.

В газете «Минусинский Край» помещено письмо помощника управляющего Минусинским уездом; содержание письма мы помещаем, и если кто пожелает сделать пожертвование, то пусть направляет его по адресу: Минусинск, Большая улица, дом Лукьянова. Редакция газеты «Минусинский Край».

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый Г. Редактор.

Убедительно прошу Вас объявить о сборе пожертвований в пользу семьи зверски замученного в селе Салбе красными казака Дружинина, которого на глазах беременной жены Анисьи Николаевны бесчеловечно истязали: били нагайками, топтали ногами, кололи штыками, жгли волосы на голове и т. п., а самую жену изнасиловали два человека в штабе Щетинкина.

Не ограничиваясь подобным издевательством, красные шайки Щетинкина отняли у Дружинина все имущество и деньги, оставив его семью, состоящую теперь из 3 человек, без всяких средств пропитания. Собранные пожертвования следует направить в Каптыревское почтовое отделение для передачи пострадавшей, которая проживает в селе Каптыреве, в доме Ивана Ивановича Тюнина.

С глубоким к Вам уважением.

Лев Казаков, помощник Управляющего Минусинским уездом.

Сельская жизнь, Красноярск. № 43.3 сентября (21 августа) 1919 г.

О мародерстве.

«…Из сообщения управляющего Енисейской губернией командующему войсками, расположенными в Енисейской и части

Иркутской губерний.

17 сентября 1919 г.

Из 5 уч. красноярской уездной милиции поступают сведения, что в районе Шалинской и Кияйской волостей производится бандитами много грабежей и истязаний над мирными жителями: так, 6 сего сентября разными шайками в разных селениях произведено 5 нападений, причем разграблено имущества свыше чем на 50 000 рублей.

Состав милиции в селе Шалинском (12–15 милиционеров) подчас не может бороться с бандитами, неся одновременно службу по охране государственных учреждений…»

Из сборника «Красноярский край в истории Отечества». Кн. 2. Октябрь 1917–1940 гг. Красноярское книжное изд-во, 1996. С. 51.

«Пугачев».

С. Тисул Мариинского уезда.

В Мариинской тайге Томской губернии новый авантюрист и бандит, именующий себя «бывшим капитаном русской службы Пугачевым». Он держит в страхе прииковый район и рассылает «распоряжения» золотопромышленникам. Так, золотопромышленнику г. М-ву он прислал на бланке конторы другого прииска, очевидно, им захваченного, «распоряжение» следующего содержания: «предписываю Вам брать с рабочих золотничников не дороже 25 руб. за золотник, иначе все ваше имущество будет подвергнуто истреблению». Мелкие прииски обираются дочиста шайкой Пугачева. С центрального рудника Общества Мариинских приисков на днях получена здесь телеграмма о том, что большим ценностям прииска грозит вновь опасность захвата бандитами. Нужна экстренная помощь. Наступает распутица, и скоро в тайгу нельзя будет продвинуть отряды.

Сельская жизнь. Красноярск. № 51.1 октября (18 сентября) 1919 г.

Зверство красных.

В селе Тальском Канского уезда большевики распяли священника Новосчадовского, прибив его руки и ноги к забору костылями. Несчастный мучился полдня и в ужасных страданиях скончался.

Сельская жизнь. Красноярск. № 23.25 июня (12 июня) 1919 г.

Разбойники.

Корреспонденция из села Белогласова Барнаульского уезда сообщает об убийстве священника и осквернении храма.

26-го августа в село нагрянула банда большевиков и

произвела разгром.

Бандиты в шапках и с ружьями ворвались в алтарь храма. Несколько человек пробовали опрокинуть Престол, но никак не могли и только сорвали облачение.

Под Престолом они искали оружие.

Богослужебные книги и облачение священническое большевики разбросали по полу.

Находясь в алтаре, бандиты все время ругались площадными словами.

Священник успел взять с Престола антиминс и спрятать у себя на груди. Антиминс – это священный плат, в котором зашиты частицы святых мощей. На антиминсе совершается Священная Литургия.

Понятно, что священник, желая спасти святыню от надругательства, спрятал ее на груди. Когда священника схватили, он умолял разбойников разрешить ему отнести антиминс в храм, но ему не позволили.

Ключ от несгораемого шкафа хранился у старосты, и грабители пошли к нему, разгромили квартиру, награбили вещей и взяли ключ.

В доме священника (отца Николая Петропавловского) разгромили, разграбили и уничтожили все.

Убили собаку и ее кровью перемазали все белье, а труп собаки завернули в одеяло священника.

После всех издевательств взяли священника отца Николая Петропавловского и псаломщика Чиркова, увезли в село Зимино и там их убили.

Скоро ли кончится это озверелое безумство, безумство варваров, которые несут смерть, мучение и опустошают все? Близок час возмездия.

Беженка.

Сельская жизнь. Красноярск. № 50.27 сентября (14 сентября) 1919 г.

О расстрелах священников.

«…Донесение начальника ачинской уездной милиции господину Управляющему Енисейской губернией.

8 октября 1919 г.

…В Ачинском уезде были расстреляны бандой большевиков три священника в селах Алтатском – Поливанов, Петровском – Каргаполов и Новословском – Фокин. О чем произведены дознания…

Начальник уездной милиции (подпись незарборчива)…»

Из сборника «Красноярский край в истории Отечества». Кн. 2. Октябрь 1917–1940 гг. Красноярское книжное изд-во, 1996. С. 52.

Жертвы бандитов.

С начала текущего года в пределах Томско-Алтайской епархии убито большевиками 29 священников и 5 церковнослужителей. Подавляющее большинство подверглось зверским издевательствам.

Сельская жизнь. Красноярск. № 56. 18 октября (5 октября) 1919 г.

notes

Примечания

1

Полный текст см.: *Василий Цветков.* «О Белом деле, государственном праве, государственном бюджете и Государственной Думе» // Электронная публикация: http://rusk.ru/st.php?idar=424162.

2

Первая публикация была дана здесь: https://www.facebook.com/ilya.remeslo/posts/1884242911847412…

3

Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 72.

4

Декреты Советской власти. Т. VII. М., 1974. С. 104–105.

5

Известия Иркутского Революционного Комитета. № 1 от 24 января 1920 г.

6

Известия Иркутского Революционного Комитета. № 8 от 1 января 1920 г.

7

Известия Иркутского Революционного Комитета. № 8 от 1 января 1920 г.

8

Известия Иркутского Революционного Комитета. № 9 от 3 февраля 1920 г.

9

Генерал П. П. Петров. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 147–149.

10

ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 10. Л. 116.

11

Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 154–155.

12

Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 154–155.

13

Цит. по: *Дроков С. В.* Адмирал А. В. Колчак и суд истории. М., 2009, с. 4.

Митрофанов Н. Дни Великого штурма. М., 1983. С. 90.

15

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 115.

16

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, С. 424.

17

Текст «Руководящих начал» см., например: docs.cntd.ru›document/901870462.

18

Русский Инвалид. Петроград. № 58. 8 марта 1917 г.; *Берендтс Э. Н.* Из воспоминаний старого сенатора (Заседания 1 Департамента Правительствующего Сената 5 и 9 марта 1917 г. // Жизнь. Ревель. № 3. 22 апреля 1922 г.

19

Ч*убинский М. П.* На Дону (из воспоминаний обер-прокурора) // Донская Летопись. 1923. № 1. С. 135.

Акулинин И. Г. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками, 1917–1920. Шанхай. 1937. С. 182–184.

21

Все отмеченные выше законодательные акты см: Сборник Узаконений и Распоряжений Временного Сибирского Правительства, 18 июля 1918 г. № 2. С. 1–2; 4–5.

Полный текст доступен на сайте «Добровольческий корпус»: http://www.dk1868.ru/statii/Tstvetkov5.htm.

23

Уголовное Уложение. 1903 г. // Российское законодательство X – XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 300; ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 1. Л. 220.

24

Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства. № 7. 24 августа 1918 г. Ст. 68. С. 6.

25

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 180. Л. 69–70; Ф. 144. Оп. 1. Д. 11. Л. 15; *Кроль Л. А.* За три года. Владивосток, 1921. С. 156–157.

26

ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 12; Д. 14; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 242. Лл. 1–2; Д. 180. Лл. 91–92; Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Лл. 1–4; Ф. 5960. Оп. 1. Д. 1а. Л. 46–47; *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. 1. Тяньцзин, 1937. С. 214, 215, 220.

27

A Chronicle of the Civil War in Siberia… Op. cit. vol. 1. C. 184.

28

Правительственный Вестник. Омск. № 3. 21 ноября 1918 г.; ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 1–2.

29

Правительственный Вестник. Омск. № 173. 1 июля 1919 г.

30

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 2. Пекин, 1921. С. 307; ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 3.

31

Гинс Г. К. Указ. соч. С. 315.

Казанчиев А. Д. Указ. соч. С. 78.

33

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 10–12, 14; Атаман Семенов. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938. С. 113, 129; *Тинский Г.* Атаман Семенов, его жизнь и деятельность. Чита, 1920. С. 8–9; 28 октября 1918 г. (Десятилетие чехословацкой независимости и чехословацкие легии в России) // Вольная Сибирь. Прага, Т. IV. Прага, 1928. С. 8; *Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 392; *Болдырев Д. Г.* Директория, Колчак, Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 112–114.

Правительственный Вестник. Омск. № 1, 19 ноября 1918 г.

35

Правительственный Вестник. Омск. № 1, 19 ноября 1918 г.; Русская армия. Омск. № 1. 19 ноября 1918 г. Показательно, что и после «переворота» Колчак некоторое время сохранял за собой должность военного и морского министра.

36

Правительственный Вестник. № 2. Омск, 20 ноября 1918 г.; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 11–12; *Чернов В. М.* Указ. соч. С. 394–395.

37

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 180. Л. 78–79; Ф. 5960. Оп. 1. Д. 1а. Л. 35; *Филатьев Д. В.* Указ. соч. С. 35; *Сукин И. И.* Записки о правительстве Колчака // За спиной Колчака. Документы и материалы. М., 2005. С. 348.

Шишкин В. И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История белой Сибири. Кемерово, 1997. С. 7—14.

39

Письмо Авксентьева к эсерам юга России // Пролетарская революция. № 1. 1921. С. 119–120.

40

Аргунов А. А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 46–47; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Сборник документов / Составитель В. Зензинов. Париж, 1919; La Cause Commune. Общее дело. Париж. № 43. 22 апреля 1919 г.

41

ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 681. Л. 431–432; Дневник Пепеляева // Иркутск. № 4. март 1923 г. С. 87–88, 90; *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 162–163; *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 275.

42

Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919 гг. М.; Пгр., 1923. С. 83–85, 88–89; Русская Армия. Омск. № 1. 19 ноября 1918 г.

43

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 180. Л. 82; Ф. 5827. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–2; Свободный край. Иркутск. № 72. 25 (12) сентября 1918 г.

44

ГА РФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 52.

45

Правительственный вестник. № 6. 24 ноября 1919 г.; Общее Дело. Париж. № 35. 19 февраля 1919 г.

Миленко Г. Л. Российское правительство и его задачи. Омск, 1919. С. 2–3.

47

ГА РФ. Ф. Varia. Оп. 1. Д. 280. Л. 4–6; *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 310; Русское дело. Омск. № 7. 12 октября 1919 г.; С*укин И. И.* Указ. соч. С. 347.

48

ГА РФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 1а. Л. 119; Военно-исторический вестник. Париж, 1960. № 16. С. 17–19; Правительственный вестник. Омск. № 1. 19 ноября 1918 г.; Русское дело. Омск. № 13. 21 октября 1919 г.; *Сукин И. И.* Указ. Соч. с. 347; *Филатьев Д. В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 34.

49

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 430. Л. 10–12; Ф. 140. Оп. 1. Д. 12. Л. 94–94 об.; Правительственный вестник. Омск. № 57. 31 января 1919 г.; № 232. 11 сентября 1919 г.

50

ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 5; Д. 245. Л. 58; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 441. Л. 28 об-29.

51

Собрание узаконений и распоряжений Правительства… 29 сентября 1919 г. № 15. С. 244.

52

Русское дело. Омск. № 13. 21 октября 1919 г.

53

ГА РФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 1а. Л. 57; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 441. Л. 29 об.; *Гутман А.* (Ган). Организация Омской власти // Часовой. Париж. № 137–138, ноябрь 1934. С. 28–29.

Правительственный вестник. Омск. № 21. 13 декабря 1918 г.

55

На белом Юге при официальных мероприятиях исполнялся «Встречный марш» (Марш ЛГв. Преображенского полка), который генерал Деникин использовал по статусу Главнокомандующего ВСЮР.

56

ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 91. Л. 43.

57

Сибирская Речь. Омск. № 35. 15 февраля 1919 г. № 71. 2 (20) апреля 1919 г., № 77, 10 апреля (28 марта) 1919 г.; № 86. 25 (12) апреля 1919 г.; *Хартлинг К. Н.* На страже Родины. События во Владивостоке. Конец 1919 – начало 1920 г. Шанхай, 1935. С. VI. Двуглавый орел использовался в символике всеми белыми правительствами, но с различными атрибутами «державности».

58

ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 142; Русское дело. Омск. № 7. 12 октября 1919 г.; Правительственный вестник. Омск. № 228. 6 сентября 1919 г.

59

Русское дело. Омск. № 7. 12 октября 1919 г.

И. И. Сукин сравнивал это дополнение с «Habeas Corpus Act (Великой Хартией вольностей) в истории англосаксонского права. *Сукин И. И.* Указ. соч. С. 441.

61

Правительственный вестник. Омск. № 17. 8 декабря 1918 г.

62

Сибирская речь. Омск. № 70. 1 (19) апреля 1919 г.

63

Сибирская речь. Омск. № 73. 4 апреля (21 марта) 1919 г.

См., например, материал А. Алекаева, Р. Гагкуева, В. Цветкова «Нельзя ставить знак равенства. О неправомерности отождествления программ Белого движения и политических лозунгов коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны»: http://rusk.ru/st.php?idar = 424666.

65

Текст документа: «Вторая конференция мира 1907 г.». СПб: Изд-во Российского МИД, 1908.

Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. Ст. 17, 20, 91, 93, 97 (п. 7, 8, 10).

67

Кроль Л. А. За три года: Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С. 166–167; *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. Т. 2. Ч. 3, Харбин, 1921. С. 349.

68

Сборник узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства. 18 июля 1918 года. № 2. Отдел первый. С. 17–20.

Правительственный вестник. Омск. № 1. 19 ноября 1918 г. Используя это право, он мог, например, ввести военное положение в любом тыловом районе (для борьбы с красным повстанчеством, дезертирством из армии и т. д.

70

Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 4. 30 апреля 1919 г. Ст. 35; Правительственный вестник. Омск. № 88, 11 марта 1919 г.

71

Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе – феврале 1920 г. // Архив русской революции. Берлин. 1923. С. 321.

72

Сельская жизнь. Красноярск. № 34. 2 августа (10 июля) 1919 г.

73

Собрание Узаконений и Распоряжений Правительств, издаваемое при Правительствующем Сенате. 10 марта 1919 года. № 1. Отдел первый. С. 13.

Правительственный вестник. Омск. № 105. 1 апреля 1919 г.

Гуревич В. Дела и дни белого адмирала // Воля России. 1924. Кн. 1–2, с. 154, 157–158; Сельская жизнь. Красноярск. № 3. 9 апреля 1919 г.; № 26. 5 июля 1919 г.

Сельская жизнь. Красноярск. № 25. 2 июля 1919 г.; № 26. 5 июля 1919 г.; № 29. 16 июля 1919 г.

77

Сельская жизнь. Красноярск. № 29. 16 (3) июля 1919 г.

Сельская жизнь. Красноярск. № 47. 17 (4) сентября 1919 г.

Путь деревни. Ачинск. № 17. 25 мая 1919 г.

80

Путь деревни. Ачинск. 12 октября 1919 г.

81

Более подробно о проектах «Пантеона – памятника вечной славы великих людей Советской страны, сооружаемого в Москве в целях увековечения памяти великих вождей – Владимира Ильич Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, а также выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных на Красной площади у Кремлевской стены, можно прочесть, например, в официальном сообщении и в статьях в журнале «Архитектура СССР». 1954. № 9. С. 23–34.

82

Герье В. И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. С. 7–8.

83

Там же. С. 6.